ВЕДЬМЫ
BEAUTIFUL BASTARD

ПРЕДСТАВЛЯЮТ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

ЖУТКО
РОМАНТИЧНЫЕ ИСТОРИИ



ДЖЕФФ АДАМС И УИЛЛ КНАУСС

ЧАРЛИ КОЧЕТ · ЭЛЕОНОР ХАРКСТЕД · МАЗ МЕДДОКС

ДЖОШ ЛЭНЬОН · ПАНДОРА ПАЙН

Жутко романтичные истории

Джефф Адамс, Уилл Кнаусс, Чарли Кочет, Элеонор Харкстед, Маз Меддокс, Джо Лэньон, Пандора Пайн

Аннотация

Аннотация

Жутко романтичные истории в жанре слэш.

«Жутко романтичные истории»

Внимание!
Текст предназначен только для ознакомительного чтения. Любая публикация данного материала без ссылки на группу и указания переводчиков и редакторов строго запрещена. Любое коммерческое и иное использование материала, кроме предварительного чтения, запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды.

Сборник рассказов от ***Ведьм Beautiful Bastard*** 🎃

Перевод выполнен специально для гр. *https://vk.com/beautiful_translation* ***в 2020 году***

«Пролог»

Джефф Адамс и Уилл Кнаусс
Часть 1. Пролог

Переводчик: *Олеся Левина;*
Редактор: *Ксения Солнцева.*

Ноа

— Так, готов к последнему сообщению? — спросил я своего продюсера — тире — помощника

Марка.

Запись подкаста — самая любимая часть недели, потому что у меня появлялась возможность раскрыть ту сторону себя, которую я прятал в остальное время. «Загадай желание» развивалось и стабильно набирало обороты с премьеры, состоявшейся около года назад. Шоу заполнило нишу для людей и тех, у кого имелись какие-то сверхъестественные способности. Все могли поделиться своими страхами и надеждами, найти свою половину. Открывать сердце всегда нелегко, даже обычным людям. Но еще тяжелее, если твой возлюбленный — оборотень, вампир или… любое другое магическое существо. Рассказывать о своих чувствах и желаниях, казалось, намного проще в подкасте.

Слушатели любили — ну, или ненавидели, здесь не существовало золотой середины, — ведущего, каким я его создал. Джин Деламп. Имя дурацкое, как и непонятный европейский акцент, который я для него придумал. Все это было сделано намеренно, потому что мне не хотелось открывать людям правду, что Джин и я — бывший хоккеист Ноа Маккарти — один и тот же человек. Ведь это вызвало бы гораздо больше проблем, чем необходимо. Тайна моей личности

была известна только Марку.

— Конечно, — ответил я своим обычным голосом. Акцент Джина я использовал только во время записи.

— Итак, запись через три, два, один… — Марк нажал кнопку на компьютере и в моих наушниках раздалось сообщение с голосовой почты.

— Здравствуйте. Меня зовут Томас. И эм… так случилось, Джин, что я влюбился в парня, с которым работаю. Знаю, это неправильно. Нельзя заводить отношения с начальником. И еще я очень люблю свою работу и не хочу облажаться. Но ты даже не представляешь, насколько мой начальник милый. Он всегда такой резкий, однако это всего лишь маска для остальных. Мы работаем вместе и у нас замечательные отношения. Я знаю, что он гей. Черт, мы даже делились историями о парнях, с которыми встречались.

Я знаком с ним чуть больше года, и думаю, что мы идеально друг другу подходим. Периодически я замечаю блеск в его глазах, когда, например, приношу ему его любимый латте, или мы обсуждаем, что нам обоим интересно. По правде говоря, у нас даже есть одинаковые увлечения. Я хочу набраться смелости и пригласить его на свидание. Что думаешь, Джин? Выполнишь

мое желание? Я готов пожертвовать работой. И знаю, что ты осуждаешь отношения между коллегами из-за всех вытекающих из этого последствий. Но я всегда тебя слушаю, и даже такие желания иногда сбываются.

— Вау, Марк, отличный звонок ты приберег напоследок, — произнес я в микрофон голосом Джина. Марк, сидевший напротив, смотрел с каким-то загадочным блеском в глазах. Он умело выбирал сообщения. Здесь присутствовала потенциальная драма на рабочем месте, начальник, который, возможно, больше чем друг, и достаточное количество тоски в голосе звонившего, чего очень жаждали все слушатели. — Видели бы вы, каким взглядом он на меня сейчас смотрит в ожидании того, что же я посоветую.

— Взгляд? Какой еще взгляд? — Марк вдобавок улыбнулся своей фирменной улыбкой, которую обычно слышно даже в голосе. — Я просто хочу, чтобы ты ответил, и мы уже закончили программу.

Снисходительная интонация идеально подойдет для этого сообщения.

— Томас, ты говоришь, что слышал достаточно историй, когда отношения на работе оборачивались *настоящим* кошмаром. Но-о-о-о-о-о-о-

о-о-о… — я растянул слово насколько хватило дыхания, сохраняя фальшивый акцент, — …возможно, ты слушал невнимательно. Ну серьезно, не только на работе, но еще и с начальником? Ты и сам знаешь, чем это грозит. Разбитым сердцем и потерей работы в будущем. Стоит ли того риск?

Марк может позже высказаться, насколько я затянул драматическую паузу. У него превосходное чутье на подогревание интереса.

— Многие из тех, кто нам звонят, не понимают, насколько рискованно раскрывать желания собственного сердца, — продолжил я более сочувственно. — Ты говоришь, что понимаешь. Может, ты уже все продумал. Может, твой начальник именно тот самый. Ты слышал истории людей, которые неадекватно оценивали могущество любви, и в итоге оставались у разбитого корыта. Надеюсь, ты к этому готов. Желание исполнено.

Марк не сразу вступил со словами, завершающими передачу, и я глянул на него. Странно, обычно он не отвлекался и не пропускал реплику, когда это грозило большей возней с последующим редактом.

— Думаешь, получится? — спросил Марк.

— Увидим. Интересный звонок. Чаще всего сначала идут подробности о паре: кто они — люди,

оборотни, вампиры… Но сейчас ничего такого. Только, что звонившего зовут Томас и что ему нравится в начальнике. Я буду за него болеть из-за искренности и серьезности его слов.

— Вот это да. Джин болеет за Томаса. Остальные чаще всего получают в ответ только «*Удачи*», — Марк так очаровательно попытался передразнить мой акцент. — И на этом шестьдесят четвертый выпуск подошел к концу.

— Спасибо, Марк. С вами был Джин Деламп и передача *«Загадай желание»*.

Марк зачитал заключительные слова, а я не сводил с него глаз.

— Помните, даже если вы несчастно влюбленный ликан, экстрасенс, который удивляется очередному разрыву, вампир, который жаждет немного света в своей жизни, или человек, которому нужны перемены, Джин готов вас выслушать. — Я наслаждался акцентами, благодаря которым он добавлял немного витиеватости определенным словам и фразам. Каждую неделю он заканчивал чуть иначе. — Оставьте сообщение Джину и расскажите о том, что у вас на уме и чего вы желаете. Джин выслушает всех, но выберет лишь немногих. Привлечет ли ваше желание Джина? Получит ли ваше сердце то, чего так

жаждет? Как и всегда, друзья, будьте осторожнее в том, о чем мечтаете. Джин не несет ответственности за желания, которые пошли не по плану.

Марк нажал кнопку на компьютере, и мы закончили.

— Замечательные сообщения на этой неделе, — признался я, переключаясь на свой привычный голос, и спустил наушники на шею. — Не терпится узнать, как все сложится у волка, который отчаянно мечтает о вампире с кинофобией. Может, все получится удачнее, чем я думаю.

— Я рад, что ты исполнил его желание. Это станет лучшей историей о противоположностях. Но не уверен, что он сформулировал свое желание правильно. Наверное, ему стоило лучше попросить, чтобы этот вампир не боялся его самого, а не избавлять его от кинофобии.

— Да. Он мог сформулировать поточнее. Надеюсь, он перезвонит и расскажет о результатах. Обожаю узнавать, как все сложилось у звонивших.

Марк кивнул, а затем поднял свой планшет.

— Не против записать рекламу для ресторана «Звезды сошлись»? Я должен вставить его в программу на этой неделе, но только если ролик быстро одобрят.

— Конечно. Давай. — Я надел наушники обратно и пролистал сценарий на планшете.

— Хочу туда сходить. Меню заманчивое… столько вкусной еды. И рад, что они решили нас спонсировать. Отличное место для свиданий.

— Согласен. Думаю, с удовольствием что-нибудь у них попробую.

Мне очень повезло найти Марка в самом начале записи подкаста. Он связался со мной после пятого выпуска с предложением улучшить звук голосовых сообщений. В итоге мы начали переписываться по электронке, и пару недель спустя он стал моим редактором. А еще через несколько месяцев Марк появился в прямом эфире. Мне нужно было убедиться, что он сохранит мою личность в тайне.

Мне неоднократно предлагали появиться на публике или принять участие в телешоу, но я всегда отказывал. Когда три года назад угомонилась медиа буря по поводу моей внезапной отставки, я наслаждался спокойной жизнью. Серьезное сотрясение мозга положило конец хоккейной карьере, потому что я прислушался к словам врача, который предостерег меня от возвращения на лед.

Я уехал домой в Гранд-Рапидс и, подключив

образование журналиста, устроился на работу в местную газету, где освещал политику и периодически преступления. Хоккей все равно остался неотъемлемой частью моей жизни. Я тренирую подростков и играю в любительский хоккей с ребятами, которые понимают важность избегания травмоопасных ситуаций.

— Так, ладно. Достаточно. — Марк снял наушники и отложил их в сторону. — Как обычно, ты записал для меня несколько разных, но идеальных вариантов, с которыми я смогу работать. И повторю еще раз, ты должен вести передачу полный день. Отлично будет сочетаться с работой в газете.

— Может, однажды. — Я закрыл планшет и снял наушники, наматывая провод вокруг, чтобы избежать спутывания. — Как только укреплю свое положение в журналистике, а о моем хоккейном прошлом наконец забудут. Не хочу становиться историей… хочу их только освещать.

Мы записывали программу в небольшой спальне моего дома, которую Марк помог оборудовать акустической плиткой для лучшего качества звука. А еще я использовал эту комнату как библиотеку, потому что Марк сказал, что работе это не помешает.

— Люди много чего не понимают. Да, ты был отличным игроком, но здоровье гораздо важнее.

— Может, ответишь на письма с моей электронки? До сих пор несколько раз в месяц приходят сообщения от людей, которых волнует, как я так запросто бросил команду, или сколько еще времени мне потребуется на восстановление.

— Им следует уже успокоиться.

— Сто процентов, — улыбнулся я. Марк один из немногих, с кем я обсуждал прошлое. И он всегда знал, какими словами поддержать в нужный момент.

Первая наша встреча вышла довольно забавной, потому что я думал, Марк грохнется в обморок, выяснив, что Джин и бывший капитан «Портлендских волков» один и тот же человек.

Он фанат и знал всю историю. Кроме того, он тоже играл в школе и колледже, а теперь еще и в любительской лиге. Я видел его университетскую статистику. Марк — надежный вратарь. У нас много общего, именно поэтому мы так легко сработались.

— Я скажу тебе, когда подготовлю финальную версию.

Одновременно встав, мы рассмеялись. Мы быстро подстроились друг под друга еще в нача-

ле, и сейчас работали слаженно, как часы.

— Хорошо поиграть сегодня, — пожелал Марк. — Увидимся на следующей неделе.

Обменявшись с ним привычным прощанием — стукнувшись кулаками — я проводил его до двери.

— Нужно устроить мозговой штурм в ближайшее время, если хотим придумать что-то особенное на лето. — Марк остановился и обернулся раньше, чем я успел договорить.

— Знаешь, недавно мне пришла в голову идея. Может, сосредоточимся на лучших местах для туризма — соберем желания людей, которые мечтают найти свою любовь в отпуске. Не знаю пока, что из этого выйдет, но уже необычно. Может, даже специально для этого найдем спонсоров.

Марк не сводил с меня взгляда, пока я обдумывал его слова. Казалось, я могу заглянуть ему в глаза и увидеть, как работает его мозг. Мне нравилось его внимание… сильно.

— Необычно. Я подумаю над этим. Знаешь что, давай в следующий раз начнем записываться на час раньше, чтобы после осталось время обсудить лето.

— Отлично. Мы как обычно придумаем что-нибудь захватывающее, — улыбнулся он, а в глазах

засиял блеск предвкушения. Мне нравилось разрабатывать планы для шоу вместе с Марком, потому что программа была ему так же небезразлична, как и мне. Из нас получилась отличная команда, генерирующая кучу идей.

— И еще кое-что. Каждую неделю в списке появляются сообщения, никак не связанные с отношениями.

— Ты читаешь их? — Марк улыбнулся еще шире.

— Да. У тебя легко получается пробегаться взглядом по всему списку и определять где какие желания. Но нам приходят и такие, где просят не только совет об отношениях. Как думаешь, может, расширим диапазон желаний?

На его лице снова появилось задумчивое выражение. Я не мог сдержать улыбку.

— Можем попробовать, например, со звонка в прямой эфир? Выделить для этого особенный сегмент и оценить реакцию слушателей. Если им, как и тебе, понравится, можно оставить на постоянной основе.

— Я за. Давай попробуем. Придумаем что-то новое для лучшего старта следующей недели.

— Окей.

Марк открыл дверь, и мы слегка приобняли

друг друга. Я каждую неделю с нетерпением ждал этого момента, потому что мог прикоснуться к его небольшому, но крепкому телу. Он носил ботанские очки в черной оправе, в линзах которых часто отражались аудиодорожки во время записи. Копна его волнистых светлых волос всегда выглядела так, словно он недавно проснулся, и весь он целиком был само очарование.

Но как и в случае с Джином, рабочие взаимоотношения заставляли меня притормозить. Тем более, что работали мы только вдвоем, и я не хотел никак испортить наши отношения.

— Ладно, до следующей недели, Ноа.

Марк помахал на прощание и ушел. Я следил через дверное окошко за движениями его аппетитного зада, который он всегда облачал в идеально обтягивающие джинсы. Я не уходил, пока Марк не уселся в свою потрепанную «Хонду» и не выехал с подъездной дорожки.

Марк

Только оказавшись в машине, я расслабился впервые с момента, как включил последнее голосовое сообщение. Мне казалось, что сердце выскочит из груди, когда нажимал на кнопку воспроизведения.

Если Ноа и узнал голос, то виду не подал. И я никогда не говорил ему, что мое второе имя — Томас. Надеюсь, это никак не отразится на исполнении желания. Что, если я все испортил, не уточнив, что говорю о человеке и маге? Проклятье.

Но с того момента, как он подтвердил исполнение желания, в груди начало разливаться приятное тепло. Восхитительное ощущение. А еще его слова застали меня врасплох, именно поэтому я пропустил свою реплику. Ну, видимо, Ноа подобное не сильно волновало, раз он так и не упомянул об этом.

В ближайшие дни я обязательно спрошу.

Точно!

И тогда, возможно, окажусь на седьмом небе от счастья или же лишусь должности.

На протяжении своей работы в программе я столько раз слышал успешно сложившиеся истории. Разумеется, случались и провалы, но Ноа винил звонивших, потому что те не точно формулировали желания. Именно поэтому полгода назад мы добавили дисклеймер с предупреждением осторожнее озвучивать желание.

Я старался тщательно продумать свою просьбу. Конечно, даже правильно сформулированную мечту Ноа мог просто пропустить или отказать.

Но этого не произошло.

Я притормозил на стоп-линии в конце улицы и не удержался, ликующе вскинув кулак… в результате заехав им в потолок.

Стоило Ноа пообещать исполнить мое желание, как я почувствовал, что ко мне снова вернулись силы. Я чуть ли не выпалил свой вопрос прямо на месте, но сдержался, потому что не хотел мгновенно остаться без работы.

Такая вероятность не исключена, поскольку я специально подстроил ситуацию, обратившись к собственному начальнику с просьбой, которая повлияет и на него. Но Ноа ни разу не упоминал, что я сам не могу загадывать желания. Конечно, раз я его единственный сотрудник, Ноа и не нужно было разрабатывать особые правила.

Я не сомневался, что смогу вставить свой звонок в прямой эфир, чуть подправив голос, и Ноа редко оставлял без внимания сообщения, которые я выбирал. Теперь я знал, что ему больше нравится. И по правде говоря, периодически рисковал, получая неоднозначные результаты, но Ноа никогда не злился за подготовленные мной варианты, даже если отказывал звонившим.

Всю дорогу до дома я чувствовал себя прекрасно, поддерживая свое настроение веселыми

песнями, которые разрывали динамики машины. Похоже, диджей на радиостанции чувствовал, что мне нужны известные популярные хиты, которыми я мог наслаждаться исключительно в уединении своего автомобиля. Но как только я вылез из него, ожил мой мобильник. Я быстро откопал его в недрах рюкзака, чтобы вызов не ушел на голосовую почту.

— Привет, Джаред! Как дела?

Мы с Джаредом вот уже пять лет играли в одной команде любительской лиги. Он был отличным защитником, и всегда оберегал меня, когда я вставал в сетку.

— Ты вечером свободен? Нам не хватает вратаря на сегодняшнюю игру. — Его интерес к хоккею превышал интерес всех моих знакомых… даже мой собственный. — Ну пожалуйста, скажи, что мой любимый вратарь сможет приехать на игру?

Я никогда не отказывался выйти на лед. Мне всегда, честно говоря, было мало. Сегодняшний подкаст нужно подправить всего в нескольких местах, поэтому для финального варианта много времени не потребуется. Даже после завтрашней смены на телеканале я все равно успею.

— Конечно. Где и когда?

— В полдевятого в «Ледяном городке».

Мать твою.

Там же играет Ноа.

Я ни разу не спрашивал Ноа могу ли присоединится, потому что не хотел совать свой нос куда не просят. Он очень скрытно относился ко всему, что связано с хоккеем, и не желал, чтобы из этого делали какую-то сенсацию.

Интересно, какой получится игра сегодня. Каждый раз, когда мы встречались после хоккея, Ноа казался таким счастливым. И мне бы хотелось увидеть, как он наслаждается игрой на льду. А еще лучше, не дать ему забить. Я не питал никаких иллюзий, прекрасно отдавая себе отчет, что далеко не ровня его мастерству. Однако несмотря на то, что я не был профессионалом, все равно частенько играл против команд более высокого уровня.

— Черт, конечно, я приеду.

— Круто! Я знал, что ты согласишься. С нетерпением жду встать на защиту ворот вместе с тобой.

— Ты уж постарайся. Не хочется ударить в грязь лицом перед незнакомыми людьми.

— Ты мастер.

Я не стал уточнять, что с нами будет играть мой босс, и что я хочу пригласить его на свидание.

Надеюсь, Ноа не испугается при встрече.

— Ага, только по воротам, — намеренно с сомнением заметил я, чтобы чуть поубавить бесконечный оптимизм Джареда. — Увидимся через пару часов.

Сбросив звонок, я направился к дому. Я жил в двухкомнатной квартире на втором этаже приличного комплекса. Для меня этого более чем достаточно.

Внутри я бросил сумку на стол, который стоял в столовой зоне. Нужно было срочно поесть перед игрой, и я разогрел остатки спагетти.

Не верится, что сегодня я буду играть с Ноа. Кроме быстрого перекуса или изредка бутылки пива после записи передачи, мы не общались.

Сев за стол в наш первый совместный выпуск подкаста, я обнаружил высокого, широкоплечего бородатого мужчину с пронзительным взглядом. Он показался мне самым красивыми и очаровательным на свете. Ноа и Джин как небо и земля. Джин говорил со странным акцентом, и было забавно наблюдать, как искривлялся ради этого рот Ноа. Кроме того, Джин мог быть резким, в отличие от Ноа.

Никого более прекрасного я и представить себе не мог. И в довершение всего он был очень

умным, что мне удалось выяснить благодаря статьям, которые он писал.

Я должен сыграть сегодня на пределе возможностей. Хорошее впечатление имело большое значение, и не только для моего босса. Что лишний раз докажет, какой я удачный вариант для свиданий… а в перспективе и для отношений.

Мы рассказали друг другу о том, как все начиналось. Во время одной из наших вылазок Ноа откровенно поделился историей о сотрясении мозга и некоторых последствиях, с которыми он до сих пор разбирался. Сердце разрывалось от того, что Ноа больше не мог играть на равных. Но он продолжил ходить на любительский хоккей и тренировать детей, что многое о нем говорило. До сегодняшнего дня я и не догадывался, что Ноа все еще пишут дебильные письма. Некоторые могут быть последними идиотами.

С приближением игры меня потряхивало от нервного возбуждения.

Ноа

Я построил для себя отличную жизнь в Гранд-Рапидс. Я не только смог применить образование журналиста, но и все еще мог играть с лучшими друзьями из школы. Тренерская работа тоже

оказалась потрясающей.

Любительские хоккейные встречи идеальны из-за минимального контакта. Никому не хотелось получать травмы, потому что на следующий день нужно было идти на работу. Мы полагались на мастерство. Ребята так же толкались, врезались и иногда падали, но в пределах разумного.

Пришлось привыкать сдерживать свою состязательную натуру, однако я справился и даже получал удовольствие от игры с парнями. Нелегкое, но правильное решение. Сотрясение мозга — нешуточная травма, и врач довольно доступно объяснил, какой угрозой может обернуться для меня дальнейший риск.

Команда все прекрасно поняла и позволила мне уйти. Но фанаты оказались не такими сострадающими, именно поэтому я переехал из Мичигана и залег на дно, сосредоточившись на восстановлении после травмы и поиске работы. Мне повезло, что редактором *газеты* оказался профессор, которому нравилось, как я пишу. После довольно спорных выборов мэра в прошлом году мне пришлось подготовить несколько статей, которые позволили создать приличную репутацию администрации города.

В то же время, благодаря средствам, накоплен-

ным за время карьеры, я выстраивал для себя комфортную жизнь. Но подкаст открывал для меня возможность заниматься кое-чем совершено иным. Мне всегда нравилось помогать людям. В нашей семье так принято. Желание пойти учиться на журналиста и играть в хоккей удивило и разозлило моих родителей. Они оба психотерапевты, и вся папина семья работала в этой сфере на протяжении нескольких поколений. Я использовал эти навыки в подкасте, чтобы лучше формулировать ответы, даже самые язвительные.

Появившись на катке, я нашел Джареда, который застрял в вестибюле, вставляя новые шнурки в коньки.

— Привет, Ноа. — Мы стукнулись кулаками. — Сегодня придется выложиться на полную. Я пригласил несколько новых людей, но нам все равно не хватает народа. А значит, больше времени на льду для всей команды.

— Не имею ничего против. — Еще с детства мне нравились игры, где приходилось работать за двоих. Я обожал приятное чувство усталости после.

Джареду удавалось вставлять шнурки и смотреть на меня. Если б я так делал, то точно запутал

бы все к чертовой матери.

— Как вообще дела? Мне понравилась твоя статья о нелепом голосовании городского совета насчет уличного катка.

— Спасибо. Надеюсь, получится что-то изменить. Уличный каток пришелся бы очень к месту для хоккея. Смешно, что администрация не желает его финансировать. Особенно учитывая все показатели успешности такого капиталовложения — уже набралось прилично спонсоров. Очень недальновидно. — Я кинул сумку на пол и достал кошелек из спортивных штанов. — Пойду куплю «Пауэрейд». Тебе взять?

— Ага.

Он полез за кошельком, но я отмахнулся.

— В следующий раз купишь ты.

Джаред кивнул и улыбнулся, а я направился к торговому автомату.

Но замер на полпути, увидев Марка, который заходил с двумя вратарскими клюшками и огромной сумкой на колесиках.

Его пригласили на игру? Не знал, что у нас общие друзья.

Я всегда хотел посмотреть на него во время игры, но было бы странно ни с того ни с сего звать его на лед.

Я вскинул руку помахать, отчего почувствовал себя по-идиотски, особенно при глупой улыбке, которая растянулась на лице. И еще, до меня вдруг дошло, что нужно срочно придумать откуда мы знакомы.

Марк махнул в ответ и направился сразу ко мне.

— Привет, — произнес он. Но подойдя ближе, добавил низким голосом: — Рад, что ты помахал, потому что не знал, стоило ли здороваться. Без понятия, как объяснить наше знакомство.

Я рассмеялся, а на серьезном лице Майка появилась улыбка.

— Я тоже об этом подумал. Скажем просто, что у нас общие друзья по хоккею, что по сути правда, раз ты сегодня здесь. Я так понимаю, наш вратарь не смог приехать.

— Ага. Мне позвонили, когда я вернулся домой. Надеюсь, ничего, что я согласился? Ненавижу упускать возможность поиграть.

Я жестом подозвал его к автомату с «Пауэрейд».

— Конечно. Круто будет с тобой поиграть. Хочу лично увидеть все поразительные сейвы, о которых ты так много рассказывал.

— Честно говоря, я тоже с большим нетерпени-

ем ждал встречи с тобой на льду. В конце концов, я наслушался столько крутых историй.

Что за херня?

Да, я всегда считал Марка красивым, но меня во второй раз за день прошивает током в его присутствии.

Хотя это очень приятно. Тепло, правильно и комфортно.

Несомненно, его глаза казались ярче обычного из-за светло-голубого шарфа вокруг шеи, который оттенял насыщенный синий цвет, но все же. Это электрическое ощущение было немного странным. Не ужасным. Просто странным.

Скорее всего, дело в недотрахе.

Я уже очень давно ни с кем не встречался. Я не любитель искать одноразовый секс в барах или еще где. Для того, кто вел подкаст об отношениях, я ужасно справлялся с налаживанием своих собственных.

Нико, оператор с десятого канала, мой последний мужчина, с которым мы расстались около полугода назад. Химия и секс поначалу были отличными. Но он оказался одержим моей хоккейной карьерой, а я не мог разговаривать на эту тему так часто, как ему хотелось бы.

— Никак не могу решить — хочу играть про-

тив или за тебя, — признался Марк, выдергивая меня из размышлений, пока я вставлял деньги в автомат.

— Можешь и так и так. Иногда мы меняемся вратарями на середине игры и выбираем команды заново. Посмотрим.

Марк засиял.

— Ладно. Заметано.

— Марк, привет, ты все же приехал, — произнес подошедший к нам Джаред. — Класс. Пойдем покажу, где переодеваться. Ты уже успел познакомиться с Ноа.

— У нас с ним есть общие друзья, — необычайно спокойно ответил Марк. — Я просто не знал, что одним из них окажешься ты.

— Мир тесен. Потрясно. — Джаред глянул на меня. — Я играю в команде Марка в «Стране чудес».

Я протянул Джареду красный «Пауэрэйд».

— Пойду переоденусь. Увидимся на льду.

По крайней мере с этим разобрались. Теперь мы с Марком сможем спокойно насладиться игрой. Джаред повел Марка в дальнюю раздевалку, где, насколько мне известно, парни хранили свое снаряжение, потому что это их домашний каток.

Я подумывал пойти следом и попялиться на голого Марка. Мне не давала покоя мысль о том,

что у него под одеждой. Но подобное, по-моему, показалось бы чересчур навязчивым. К тому же показалось бы странным, что я переодеваюсь не где обычно.

Я покачал головой, раздумывая, как так получилось, что от простого интереса я резко переключился на нечто очень близкое к влюбленности.

Марк

Я встал ближе к левой штанге и приготовился к вбрасыванию. Ноа стоял у центральной точки льда. Все замерли в ожидании, когда судья уронит шайбу. Первую половину я играл за команду Ноа, теперь же мне придется отражать его атаки. Я все гадал, как это будет, но пора отбросить шутки в сторону. У него безупречная точность, обоснованно разработанный стиль и сумасшедший по силе щелчок по воротам.

Наблюдая, как Ноа запускает шайбу с противоположного конца льда, я не был готов пойти против него. Тем не менее мне нравилась такая напряженная игра — бывший игрок НХЛ был на шаг впереди всех моих привычных соперников. Он определенно наверстал за время любительских игр, но при этом побуждал осталь-

ных поднимать свою планку. Я был рад, что мне удалось отразить несколько ударов, но когда Ноа приготовился для броска в упор, я собрался с духом, ожидая того, что произойдет дальше.

Сердце грохотало в груди, я задержал дыхание… и ждал. Затем присел, клюшка перед коньками, ловушка поднята над щитком.

Я был готов.

За долю секунды шайба упала.

Ноа ударил.

Я поймал.

Мать вашу.

Она попала мне в перчатку.

Ноа целился выше моего плеча.

Я и не догадывался, что могу так быстро реагировать.

Ноа улыбнулся мне и кивнул. В его глазах под защитной маской плясали сумасбродные искорки. Такие я видел только в моменты, когда он отвечал на самое смешное сообщение от наших слушателей. Они придумывали настолько изощренные сценарии своих желаний, что те смешили нас до слез.

Игроки вернулись на исходную точку для следующего вбрасывания.

Я встал так же и максимально собрался.

На этот раз сейвы не пригодились.

Наш центральный нападающий отобрал шайбу и при помощи крайних нападающих вывел ее из синей зоны. Но не успела шайба вернуться на мою сторону поля, прогудел сигнал, и команды моментально очистили лед, чтобы его выровняли.

Я взял бутылку с водой с верхней части сетки и покатился к скамейке, чтобы забрать запасную клюшку. Ноа подъехал и пристроился рядом, продвигаясь вместе со мной на выход.

— Отличная игра. — С примятой пропотевшей под шлемом прической он выглядел нереально красивым. Я представил, как он выходит из душа точно с таким же видом. — Последний сейв был потрясающим. Думал, мне удастся пробить.

— Наверное, не стоит этого говорить, — признался я, понижая голос, хотя вокруг нас никого не было, — но понятия не имею, как мне такое удалось.

— Потому что у тебя талант. Я наблюдал за тобой. Ты крепкий орешек. Надеюсь, тебя пригласят еще раз, и мы снова сыграем вместе.

— Я не против. Мне нравится играть с новыми людьми. Это всегда вызов.

Я промолчал о том, что мне нравилось следить

за Ноа. Не хотелось неловкости.

Мы вышли со льда и направились к своим сумкам. Я и не заметил, что перед игрой бросил свои вещи рядом с сумкой Ноа. Ребята из команды собирались в раздевалки и нас обоих благодарили за хорошую игру, а меня еще и за то, что пришел. Приятная компания. Я наслаждался. Не все встречи оказывались такими добродушно-веселыми.

— Классные парни. — Ноа сложил перчатки и бутылку с водой в сумку, а затем застегнул ее. — Просто все примерно одного темперамента.

Черт. Он словно мысли мои прочитал.

— Это… — Я тут же захлопнул рот. Иногда я забывал подумать о том, что собирался сказать.

Ноа склонил голову и слегка улыбнулся.

— Можешь спрашивать все, что хочешь. — Я промолчал, и он подтолкнул меня локтем. — Серьезно.

— Я хотел спросить, насколько странно играть со слабыми игроками.

Я отвлекал себя складыванием вещей в сумку, чтобы не видеть раздражение на лице Ноа.

— Временами я забываюсь и включаю дополнительную скорость или проворачиваю такие комбинации, которые многих оставят далеко позади. — Ноа не казался расстроенным, поэтому

я оглянулся и в итоге встретился с ним взглядом. Он продолжил с улыбкой. — Но здесь есть парни, которые в состоянии подстроиться. Бывшие игроки университетских команд. Они могут играть на уровне и не давать мне спуска. Хотя я не скажу, что стараюсь поддерживать себя в прежней форме. Видел, как Брок меня блокировал?

Точно. Ноа прорвался к воротам и один из защитников погнался следом. Я переживал за другого вратаря. Но защитнику удалось отобрать у Ноа шайбу раньше, чем тот сумел пробросить.

— Я счастлив, что ты не ко мне так рвался, — нервно рассмеялся я, на что Ноа пожал плечами.

— Ты бы легко со мной справился.

Щеки вспыхнули жаром. Захотелось отвести взгляд, но я не смог. Проклятье. Меня сложно смутить, но Ноа это удалось.

Потрясающе.

Ну а кому не понравится лесть? Боже, услышать это от него казалось еще круче.

— Хочешь попробовать? — Ноа расстегнул сумку и достал перчатки.

Серьезно?

— Эм, я думал… — Меня прошило волной странной вибрирующей энергии. Что, если я отвечу неверно? Существовал ли неверный ответ? —

Разве никому больше не нужен лед?

— Вроде никого здесь нет. — Он бросил перчатки, покопался в сумке и достал телефон. — Сейчас выясним. — Ноа махнул по экрану, что-то набрал и поднес мобильник к уху. — Привет, это Ноа. Я все еще на катке. После нас кто-то есть? — Он стал слушать. — Ничего, если я немного попрактикуюсь? Я заплачу на выходе. — *Матерь божья. Свободный каток. Только мы вдвоем.* — Супер. Спасибо.

Крохотная часть моего мозга кричала, что это ошибка. Но я все равно собрал все необходимое для игры.

После заливки льда ворота установили на прежние места.

— Не верится, что я это делаю.

— Будет весело.

Вся игривость улетучилась.

— Ладно. Готовься. — Я добродушно ударил его клюшкой по ноге и покатил к воротам. Он рассмеялся и поехал следом.

Я проверил положение ворот, поскреб лед по площадке, а Ноа высыпал шайбы, собранные в ведерко.

— Готов? — крикнул Ноа.

— Наверное. — Я не мог до конца подавить

неуверенность.

Он щелкнул шайбой от синей линии в сторону ворот.

Несколько бросков спустя я сбился со счета сколько поймал. Наверное, половину.

А затем был выход один на один. Ноа рванул с противоположного конца катка на мои ворота.

От волнения сердце забилось с удвоенной скоростью. Я хотел блокировать удары. Показать, что настолько хорош, как Ноа считает.

Но еще мне не хотелось его разозлить, остановив слишком много бросков. Я не хотел испортить свои шансы на то, что Ноа согласится на свидание.

Сосредоточиться оказалось трудно.

Без защиты на пути текучесть его движений прослеживалась ярче. Ноа скользил по льду с завораживающей скоростью.

После отраженной блокером шайбы, передо мной остановился Ноа.

— Отлично. — На этот раз он ударил клюшкой по моим щиткам.

— Я справился, — проговорил я между глотками воды. Он устроил для меня нехилую тренировку.

— Ты остановил двадцать девять шайб из пятидесяти трех.

— Ты считал?

— Естественно, — сказал он так, словно только безумный не стал бы этого делать. — Я предполагал, что ты не поверишь, насколько удивительно у тебя получается.

Зуд, который мучил меня весь вечер, достиг своего апогея.

— Ты пойдешь со мной на свидание?

Бля-я-я.

Не самое удачное время.

Как я мог такое ляпнуть?

Ноа очень глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

А потом широко улыбнулся.

— С удовольствием.

Продолжение следует…

«Убийственная лазанья»

Чарли Кочет

Переводчик: *Олеся Левина;*
Редактор: *Евгения Белозерова.*

Глава 1

— Не верится, что я этим занимаюсь.

Салем расхаживал по заднему двору, прижи-

мая телефон к уху. Он весь вспотел, что не имело никакого отношения к адскому пеклу Флориды. Даже растущие во дворе магнолии не спасали от тридцатиградусной жары и почти стопроцентной влажности. Но *ничего* не покажется таким удушающим и неприятным, как появившееся полчаса назад напоминание, которое вызвало у Салема внезапный приступ отчаяния.

— Я не говорю, что не люблю их, наоборот. Они — моя семья, но, матерь божья, я больше этого не вынесу!

Он серьезно собирался излить душу автоответчику?

— Все нормально. В смысле не совсем, но большую часть времени — да. Нет, правда. У меня все хорошо. Ничего такого не произошло. Не понимаю, зачем вообще позвонил.

Ой, мамочки, Салем вот-вот умрет от гипервентиляции.

«Дыши. Спокойно».

— В смысле, вам же наверняка звонят с вопросами посерьезнее, да? А вы такие: «У-у-у, у него еще и с отцом проблемы. Грусть-печаль». Я знаю. Это, и правда, грустно. Но не поймите меня неправильно, я люблю своего отца, но когда он — один из самых могущественных магов на планете, а

я… это *я*. Ну, отстой. И не в лучшем смысле. Черт, я могу же здесь так выражаться? Бля! А *«бля»* можно говорить? — Салем застонал и рухнул на удобный шезлонг, в котором часами предавался мечтам, а не читал книгу, как планировал.

— Каждый год я притворяюсь, что не замечаю жалостливых взглядов семьи или поведения отца, словно он совсем во мне не разочарован. Дальше идут расспросы вместе с закусками и еще большей жалостью, вкусные блюда из курицы или рыбы, следом десерт с легким намеком на покровительство. И в финале вечера все взрослые поглаживают меня по голове или взъерошивают волосы со словами, что однажды я повзрослею. Мне двести лет! Куда еще взрослее?

Аргх, ну почему Салем вызывал столько жалости?

— И словно одного этого недостаточно, все начнут меня расспрашивать, не нашел ли я свою пару? Им и так известно, что *нет*, потому что *иначе* в курсе были бы все — уж мама бы постаралась. Я единственный в семье, у кого нет второй половины, но это же не так плохо? В смысле, кто захочет себе в пару мага, способного наколдовать только лазанью? Да, вы не ослышались. *Лазанью.* В старших классах меня обзывали Гарфилдом.

Угу. С самого рождения я — ходячее недоразумение. — Салем шумно выдохнул.

— Никто в здравом уме не захочет связываться со мной. Это же стремно? Представляете: «Привет, это Салем, моя истинная пара. Да, он маг. Нет, он не умеет управлять стихиями, но может наколдовать убийственную лазанью!» С моей-то удачей у моей половинки окажется непереносимость лактозы. Я просто хочу… я хочу, чтобы меня любили таким, какой я есть. — Салем откинулся на спинку шезлонга и поднял глаза к ясному голубому небу. — В общем, спасибо, что выслушали. И простите, что отнял ваше время. — Он сбросил вызов, закрыл глаза и постарался насладиться умиротворяющей тишиной прекрасного весеннего дня.

Звонок в подкаст немного поднял ему настроение. Может быть, просто нужно развеяться. Салем слабо верил, что его желание сбудется, потому что, ну посмотрим правде в глаза, это просто невыполнимая задача. Он должен был обрести силу, достигнув половой зрелости, но нет, не судьба. Салем, конечно, *обрел* кое-что — силу, которая оказалась просто… унизительной. Самое время смириться с жестокостью судьбы. Он никогда не найдет свою пару.

— Нашел.

— Мерлинова борода! — Салем подлетел от испуга и свалился с шезлонга в прохладную сочную траву.

— Черт, Салем. Ты в порядке? — Огромная фигура Иззи заслонила солнце.

— Да, эм, телефон вот потерял. Уронил его. О, вот он! — Салем схватился за протянутую руку телохранителя и поднялся. Он помахал телефоном перед носом Иззи на случай, если тот усомнится в его поисковых способностях. — Видишь?

Иззи изогнул губы.

— Вижу.

— Ты, наверное, пришел меня забрать? Что я несу? Конечно же, за этим. Иначе зачем еще? — Салему срочно нужно избавиться от глупой влюбленности в лучшего друга своего старшего брата. Нелегкий подвиг, особенно когда Иззи сверлил своими напряженными, почти черными, глазами, будто видел Салема насквозь и разгадал все его самые глубокие, самые потаенные секреты. Не сказать, что они у него имелись, за исключением сумасшедшей влюбленности в телохранителя. Даже если бы Иззи не был лучшим другом Хьюго, все равно для Салема он недоступен. На их семью работало несколько телохранителей, и за про-

шедшие годы Иззи зарекомендовал себя самым надежным и преданным.

— Уверен, что все в порядке? — тихо спросил Иззи. Он приподнял лицо молодого мага за подбородок и посмотрел ему в глаза.

Салем немного растаял. Несмотря на габариты и мрачную внешность, с ним Иззи всегда был очень нежен. Боже, как же Иззи красив. Все его двухметровое загорелое и накачанное великолепие. Идеальный заросший темной щетиной подбородок, густые брови и взъерошенные каштановые волосы с соблазнительной седой прядью.

— Салем?

— А?

«*Батюшки-печеньки!*» Иззи что-то ему говорил, а он все прослушал. Супер. И это, в общем-то, коротко описывало всю жизнь Салема.

Иззи смотрел на него с явным весельем и растягивал полные губы в улыбке, отчего пульс Салема подскакивал на пару отметок.

— Я сказал, что нам пора. — Иззи его отпустил, а Салем со стоном уронил голову на грудь телохранителя.

— Обязательно?

— Не переживай, все обойдется. — Иззи похлопал его по спине, потом погладил, и Салему стало

легче дышать.

— Останешься со мной?

Иззи напрягся, а Салем отстранился и уставился смущенным взглядом на перепуганное лицо мужчины.

— Что? — с придыханием переспросил Иззи.

Может, на него так духота действует? Во дворе жара не хуже, чем в бане, но без возможности раздеться. *Серьезно?* О чем Салему еще думать в такой опасной близости к Иззи?

Салем откашлялся.

— На вечеринке. Останешься со мной? Меня обычно меньше мучают, когда ты рядом.

Семья Салема, может, и самая могущественная, но Иззи они уважали. Хотя ему достаточно было сощуриться, и всех как ветром сдувало. За исключением Салема. Он никогда не боялся Иззи.

— Конечно. На сегодняшнем мероприятии Ганон назначил меня в твое сопровождение.

Салем нахмурился.

— В мое? Почему папа назначил *тебя* именно для *меня*? Я там самая незначительная персона. — Он развернулся и пошел в дом вместе с Иззи.

— Неправда.

Салем сморщил нос и открыл раздвижную

стеклянную дверь. Ах, хвала небесам за кондиционер.

— Приятно, что ты так считаешь.

Иззи, хмурясь, вошел в дом. Он открыл было рот, видимо, сказать какие-то слова утешения, но Салем этого не хотел. Он слишком хорошо знал свое место в семейной иерархии.

— Все нормально. Ничего страшного. Серьезно. — Он развернулся, намереваясь уйти, но Иззи схватил его за руку.

— Салем, ты… — Телефон Иззи зазвонил мелодией, установленной на отца Салема. Мужчина со вздохом отпустил парня. — Мы еще не договорили.

Но если интересно мнение Салема, то говорить больше не о чем. Меньше всего он нуждался в банальностях и жалости со стороны Иззи. Слишком болезненно отдавалось в груди. Что, в принципе, глупо, потому что они друг для друга никто, и это никогда не изменится. Салем запер дом и направился к машине, а Иззи, тихо разговаривая с его отцом по телефону, шел практически вплотную.

Самое время что-то менять. По крайней мере, Салем сможет провести немного времени с Иззи, а потом вернется домой, смотреть в одиночестве любимое телешоу и заедать горе ореховым

мороженым. Такова его жизнь. Салем должен смириться с этим прискорбным фактом. Но все же надежда, что он предназначен для большего, продолжала гореть в его упрямом сердце, отказываясь угасать. В один прекрасный день Салем либо изменит свою жизнь, либо перестанет уповать на возможные изменения. Все к лучшему.

Глава 2

Салем Хаверкрофт идеально сочетал в себе очаровательность и невероятную сексуальность.

Но Иззи никогда не скажет об этом вслух. Почему?

Первый разумный аргумент: Салем был самым младшим в семействе, а, значит, комплектом шли шесть гиперопекающих старших братьев и еще три такие же сестры. *Все* они верили, что Салем — драгоценная птичка, которую нужно оберегать от реалий жестокого мира. Иззи, наверное, превратили бы в гусеницу, заметь они его взгляды.

Второй разумный аргумент: так случилось, что отец Салема — Ганон — был начальником Иззи и считался самым могущественным и страшным магом на свете.

Что приводило Иззи к третьему разумному

аргументу: Салем — член самой влиятельной семьи во всей Флориде, а Иззи? Он был оборотнем-псом, доверился не тому человеку — колдуну — и оказался запертым в человеческом приюте для животных, не в состоянии обратиться из животной сущности.

Если бы старшему сыну Ганона, Хьюго Хаверкрофту, не понадобился новый питомец для племянницы, он бы не наткнулся на Иззи и не разрушил бы чары. Кто знает, что тогда сталось бы с Иззи. Теперь он в неоплатном долгу перед Хьюго, и уж точно не собирался расплачиваться связью с его младшим братом, независимо от того, как мучительно было сопротивляться.

Долгие годы Иззи боролся с тягой к Салему. Черт, да стоило только увидеть его, и Иззи пропал. Однажды, во время семейного барбекю, он вышел на крыльцо дома Хьюго и вздрогнул, как от удара молнии. Иззи оказался под прицелом сверкающих сапфировых глаз, которые смотрели на него через модные очки в черной оправе. Улыбка, растянувшая губы юного мага, затмила солнце, и Иззи стало трудно дышать.

И сейчас по дороге к особняку Хаверкрофтов, Иззи поглядывал на Салема через зеркало заднего вида. Тот выделялся среди родственников

черными как смоль волосами и светлой кожей, которая розовела на солнце. Остальные члены семьи унаследовали внешность от матери или отца: светловолосые и загорелые, или рыжие и в веснушках. Но всем известно, что Салем похож на бабушку. По крайней мере, внешне. По силе точно намного меньше, потому что до ее смерти несколько сотен лет назад, она считалась самым могущественным магом на свете. А сила Салема оставалась… загадкой.

— Как ты думаешь, кто первым устроит пожар? Эвард или Эдвин?

Иззи усмехнулся при мысли о беспокойных близнецах.

— Думаю, Эвард. Он всегда напивается первым.

— Хм. Ты прав, ставлю на Эдвина.

— А? — Иззи повернул к Айлворт-Кантри-Клаб-Драйв, где проживала бóльшая часть семьи Хаверкрофтов. Иззи не сомневался, что во владениях Ганона поместится не один город. Иззи мог позволить себе жить в Айлворте только по одной причине — он состоял в штате телохранителей Ганона и поэтому жил в доме охраны, расположенном позади главного особняка. Никакой арендной платы, все расходы оплачивались, питание включено, как и посещение тренажер-

ного зала и медицинская страховка. И все это он потеряет, связавшись с Салемом.

— Ага, — кивнул Салем. — Эдвин и его пара все еще в фазе медового месяца, так что, знаешь, он сделает все возможное, чтобы произвести на нее впечатление.

— Точно, — ответил Иззи, набирая код на воротах, а потом махнул коллеге в будке охраны в нескольких метрах впереди. — Но не забывай, пока Эдвин старается произвести впечатление, Эвард не позволит близнецу себя одолеть.

Салем постучал пальцем по подбородку.

— Логично. Ты знаешь мою семью так же хорошо, как и я. И я тебе сочувствую.

Иззи громко расхохотался.

— Не такие они и плохие.

— Помнишь, как Крейн узнал об измене своего парня, а тот написал заявление о пропаже своего «Порше», который потом обнаружили насаженным на одну из самых высоких башен замка Золушки?

— Там было их первое свидание.

— Да, и к слову, если собираешься изменять направо и налево, прояви чуть больше фантазии и не води всех парней в одно и то же место. Тем более, если живете все в одном штате. Без обид!

Иззи рассмеялся. В семье Хаверкрофтов никогда не бывает скучно, это уж точно. Подъездная дорожка была забита роскошными автомобилями, а на лужайке стояли несколько коллег Иззи. Он помахал им рукой и обошел машину открыть дверь Салему, который на выходе закатил глаза.

— Мне по-прежнему кажется глупым, что ты не даешь открывать мне дверь самому.

— Только из соображений безопасности. И ты это знаешь.

— Да на меня никто дважды и не взглянет.

Как же Салем ошибался.

— Любой, кто хоть как-то связан с магическим обществом, в курсе, что я не самый важный член клана Хаверкрофтов.

— Хватит, — сам того не желая, отрезал Иззи. Салем уставился на него огромными глазами из-за стекол очков. — Прости. Но я не выношу, когда ты себя принижаешь. Только из-за разницы в силе ты не становишься менее ценным.

Салем принялся разглядывать ноги и, покраснев милым розовым оттенком, кивнул.

— Пойдем, — сказал Иззи с тяжелым вздохом. Он опустил ладонь на поясницу Салема и мягко подтолкнул его к входной двери.

В первый раз, ступив на порог этого дома, Из-

зи чуть с ума не сошел. Он вырос в маленьком коттедже с двумя спальнями вместе с отцом-оборотнем-датским догом и матерью-оборотнем-шотландской борзой. В результате их союза появился Иззи — огромная помесь двух пород. Он никогда не видел ничего похожего на поместье Хаверкрофтов. Особняк напоминал причудливый современный замок, а интерьер, по словам персонала, выполнен в стиле французского Ренессанса, с замысловатой резьбой, мраморными колоннами и сводчатыми потолками. В вестибюле установлен искусственный фонтан, но Иззи не сомневался, что в одной только гардеробной Ганона поместился бы родной дом Иззи целиком.

Иззи и Салем направились в заднюю часть дома, где уже толпилась вся семья. Каждый год, примерно в мае, Ганон собирал за одним огромным столом клан Хаверкрофтов. Задний двор со стриженой лужайкой, мраморной беседкой, отдельной летней кухней и открытой гостиной с видом на озеро был заполнен сотнями Хаверкрофтов нескольких поколений.

— Супер, все уже здесь, — пробормотал Салем.

— Я всегда буду рядом, — тихо заверил его Иззи.

Салем схватил Иззи за руку, быстро ее сжал, но

затем отпустил и направился в толпу, не подозревая о том, что только что потряс Иззи прошившим руку электрическим разрядом. Внутренний зверь Иззи зашевелился. Бля, становилось все хуже, и ситуацию никак не спасало, что Салем не в курсе.

Вечер обещает быть охренительно сложным.

Глава 3

— Салем и Иззи приехали!

Крик Хьюго встретили одобрительными возгласами, и Салем неловко помахал огромной семье. Почему Хьюго постоянно так делает? По какой-то причине, недоступной Салему, старший брат испытывал непреодолимое желание всегда акцентировать внимание на его приезде.

С широкой хитрой улыбкой Хьюго поспешил к Салему и, обхватив мускулистыми руками, прижал к груди.

— Как я рад тебя видеть, братишка!

— Мы вчера виделись, — приглушенно напомнил Салем куда-то в грудь Хьюго. Он мягко отстранился от брата. Хьюго был почти таким же большим, как и Иззи. Почти.

— Ты очарователен. — Хьюго широко улыбнулся Иззи. — Ну, разве он не прелесть?

— Хм. — Иззи что-то пробормотал себе под нос, но Салем не успел спросить что именно, потому что к ним подлетели двое кузенов.

— Мне с папой нужно поговорить, — бросил Хьюго и испарился. — Сейчас вернусь!

— Нет, подожди. Не оставляй меня одного…

— Привет, Салем! Как поживаешь, младший братик?

— Младший? Я старше вас обоих, — возразил Салем, вскинув бровь.

— Ага, но ты такой… милый. — Улыбка Гаэля стала злой. — И почему ты не обслуживаешь праздник? — Стальные глаза сверлили в Салеме дырку, но тот ничуть не испугался. Он очень надеялся, что его невозмутимость донесет об этом Гаэлю.

Одно и то же. Каждый. Год.

— Не дразни его, — отчитала брата Марни и посмотрела с жалостью в больших глазах. — Не нужно каждый раз напоминать Салему о его недостатках.

Нет, Салему точно это не нужно.

Гаэль и Марни пустились в привычное рассуждение о том, что Салему стоит попробовать. Можно подумать, отец не перебрал все на свете, включая лучших целителей со всего мира, в на-

дежде вылечить Салема. Но в ответ снова и снова получал, что с сыном все нормально.

В разгар спора о том, пригодятся ли когда-нибудь Салему его способности, до слуха мага донесся низкий рык. Он поискал источник звука и с удивлением обнаружил, что это Иззи. Он что, рычит? Низким грудным рокотом, который раздавался в груди. Иззи, прищурившись, смотрел на двоюродных родственников Салема и сжимал губы в тонкую линию, словно собирался щелкнуть зубами. Иззи из тех оборотней, что пугали не только своей звериной формой, но и обликом человека. Но, несмотря на то, что он оборачивался псом, его сущность очень часто путали с каким-то потусторонним монстром из глубин ада. Именно по этой причине отец Салема предложил Иззи работу при первой же встрече.

— В общем, — заявил Гаэль, глядя на сестру, — какая разница. — Он повернулся к Салему. — Слушай, братишка. Через пару недель я устраиваю вечеринку и очень бы хотелось, чтобы ты наколдовал потрясающую лазанью. В смысле, все равно некуда тратить энергию, можно и семье помочь. — Гаель по-братски толкнул Салема в плечо, что выглядело так же нелепо, как и ощущалось. — И я удивлен, что отец позволяет тебе

бездельничать в крошечном магазинчике. Кто-то вообще еще ходит в книжные магазины?

— Да, — процедил Салем. — И я *не спрашиваю* разрешения у отца, потому что *взрослый*.

— Если бы он хотел вкладываться в твое будущее, то создал бы для тебя нехилый инвестиционный портфель.

К слову об этом, Салем испытывал нехилое такое желание отправить кузена в следующее тысячелетие.

— Отец не покупал для меня книжный магазин. Я сам в состоянии. — Сколько раз он повторял одно и то же? И все же семья продолжала верить, что Салем только и делает, что живет за счет отца, потому что иначе и быть не может.

— Хотя с другой стороны, отец всегда питал к тебе слабость. — Гаэль *цыкнул* так, словно отцовская любовь считалась предметом жалости. Надменность Гаэля переходила все разумные границы и, если бы они не находились сейчас во влажной Флориде, Салем предположил бы, что тяжело дышать именно из-за раздувшегося эго брата.

Салем ахнул.

— Боже мой, простите! — Он повернулся к Изи. — Я совсем забыл!

— Что? — спросил Иззи, склонив голову набок. Он делал это часто, как и его собачья сущность. Самое очаровательное зрелище, по мнению Салема, и он никогда не перестанет этим восхищаться.

— Ты *знаешь*. Кое-что сверхважное, о чем ты мне рассказывал. — Он показал значимость, широко распахнув глаза в надежде, что Иззи его поймет. — Я совсем забыл.

— Про… это.

— *Ага*.

И тут Салема осенило — Иззи изо всех сил старался не рассмеяться.

— Точно. Конечно. Про это.

— Наверное, тебе стоит пойти со мной для… э-э… этого. Пока я снова не забыл. — Или пока Гаэль не сказал что-то еще, от чего Салему захочется его придушить.

— Конечно.

— Простите. Потом поболтаем.

«*Когда Флорида замерзнет*».

Не обращая внимания на недоуменные взгляды кузенов, Салем бросился прочь, а Иззи быстро последовал за ним. Салем уворачивался от родственников, как только мог, используя как щиты многочисленные пальмы и кусты. Салем искал место, где мог бы взорваться без свидетелей. За-

метив домик охраны, он рванул за него, потому что знал — там никого нет. Все телохранители сегодня на дежурстве.

— Высокомерный снисходительный придурок! — Пальцы дрогнули от знакомого жара магического импульса, который начал подниматься вверх по рукам. Салему все труднее удавалось подавить желание использовать магию. Он считал, что есть вещи и похуже, чем способность колдовать пищу, даже если это одно конкретное блюдо. Как долго ему еще подавлять силу? Это было не только опасно, но и убивало его душу. Он *маг*. Магия была частью его самого, тем, кем он был. — Господи боже, это катастрофа! Что мне делать? Я не вынесу этого весь вечер. — Салем начал нарезать круги, чувствуя, как все больше усиливалось волнение.

— Я больше не могу так поступать. Ни с семьей, ни с силами. Мне кажется, что я сейчас взорвусь!

— Эй, все хорошо.

— Ничего хорошего. Это нечестно. В смысле, да, жизнь не справедлива, но блин! — Он махнул рукой в сторону вечеринки, где живая музыка плыла в теплом воздухе вместе со смехом и весельем. — Целое поколение магов, и только *мне* в качестве силы досталось какое-то изде-

вательство. Даже дядя Халрод, который ловко обращается с *плесенью*, пользуется бóльшим уважением, чем я.

— Неправда, — возмутился Иззи. — Они тебя уважают. Восхищаются. *Любят*.

Салем фыркнул.

— Они меня жалеют. Я вижу это по их глазам. Обычно следом идет взгляд «слава богу, не я». — Он вцепился в волосы. — Что делать-то? Чем дольше я игнорирую свои силы, тем хуже становится.

— Салем.

— Должно же быть что-то. Я чувствую, что застрял в подвешенном состоянии. Я хочу использовать свои силы, но как? Где? Они бесполезны. Всю юность надо мной насмехались, а я изо всех сил старался подавить свои способности, но больше не могу. Меня это убивает.

— Салем, послушай.

Салем замотал головой. Вся его жизнь рушилась. Он слышал о магах, которые из-за своей силы впадали в безумие. Матерь божья, Салема сейчас накроет паникой. Он задохнулся, но не от недостатка кислорода, а от внезапного прикосновения губ Иззи. Казалось, земля под ногами задрожала, внутри разбушевался огонь, который

Салем никогда прежде не испытывал.

Мерлинова борода!

Иззи его целовал!

Глава 4

Пол под ногами движется?

Иззи не мог сказать наверняка. Он мог слышать, чувствовать, *пробовать* только Салема. Иззи явно умом тронулся, но удушающее облако отчаяния, исходившее от Салема, было просто невыносимым, и он поддался жгучему желанию успокоить. Иззи всегда держал эмоции в узде, но, видимо, сегодняшний день стал исключением.

Салем замер под губами Иззи, но потом, похоже, что-то щелкнуло: зрачки заметно увеличились и практически полностью поглотили синеву. А затем Салем кинулся на Иззи, обхватил за шею и приглашающе распахнул рот.

Казалось, мир сдвинулся со своей оси, когда желание, подобное которому Иззи никогда не испытывал, взорвалось внутри сотнями маленьких фейерверков. От прикосновения языка его прошило ярким осознанием действительности, и он поднял Салема, пригвоздив к оштукатуренной стене. Прижавшись каменным стояком к такому же твердому члену Салема, Иззи показалось, что

он вот-вот потеряет голову от желания.

— Боже мой. — Салем отстранился глотнуть воздуха, бледная кожа раскраснелась, а все тело потряхивало в руках Иззи. Салем двинул тазом, и Иззи застонал от соприкосновения членов. Но не успел разум Иззи проясниться и задаться вопросом, что творил его хозяин, Салем снова набросился с поцелуями.

Тело Салема просто создано для Иззи: небольшая фигурка в объятиях громадного мужчины. Иззи взял Салема за руки и переплел пальцы, затем поднял их над головой мага. В тишине раздавалось рваное дыхание, пока оба пытались друг друга поглотить. Вокруг них поднялся ветерок и взъерошил волосы Иззи.

— Я хотел тебя с самой первой встречи, — сказал Иззи и перешел поцелуями на шею Салема.

— Правда? — От стона Салема тело Иззи прошило дрожью.

— Боже мой, да. Салем, ты невероятно красивый. Такой умный, веселый и добрый.

— Бракованный, — пробормотал Салем.

Иззи отстранился, чувствуя, как внутри закипает гнев.

— Ты не бракованный, — прорычал он.

Салем не сводил с него взгляда, грудь резко

вздымалась. Он облизал языком нижнюю губу.

— Ты серьезно в это веришь?

— Я это знаю. Салем, твои способности тебя не определяют. Ни один могущественный маг во дворе этого дома не сравнится с тобой. Ты самый удивительный человек на свете. Жаль, что не видишь себя моими глазами.

Салем ослепительно улыбнулся, а Иззи забыл, как дышать.

— А какой я?

— Совершенное несовершенство, — выдохнул Иззи.

— Самые приятные слова, что мне говорили. А теперь поцелуй меня снова, потому что я тоже хочу тебя с самой первой встречи.

Вопреки здравому смыслу, Иззи подчинился требованию Салема, снова прикоснулся к его губам и потерялся в их мягкости и теплоте. Господи Боже, какой же Салем вкусный. Не стоило всего этого начинать, но новость о том, что Салем хотел его ничуть не меньше, сильно потрясла Иззи. Желание заявить свои права на пару становилось неистовее, и мужчина провел губами и лизнул нежную шею Салема. Тот лихорадочно пытался пробраться рукой между телами, а Иззи чуть штаны не обкончал, когда понял, что пытался

сделать Салем. Одной рукой он прижал мага к стене, а другой стал помогать расстегивать пуговицы и молнию.

— Иззи…

Имя сорвалось с губ Салема, едва слышной мольбой. Иззи яростно затряс головой, плюнул себе на ладонь и приласкал оба члена. Но стоило пошлому стону скользнуть с зацелованных губ Салема, Иззи зарычал. Маг вцепился пальцами в волосы Иззи, наслаждаясь ритмичными движениями на члене. Иззи чувствовал напряжение во всем теле, словно оно не может сдержать бурю желания к Салему, и снова прижался к его губам.

Иззи задвигал рукой энергичнее, представляя, какими будут ощущения, окажись он в прекрасном, упругом теле молодого мага.

— Я бы сейчас все отдал, чтобы видеть, как ты подо мной извиваешься, двигаешься вместе со мной. Наши тела плотно прижаты друг к другу, кожа влажная от пота, а я вбиваюсь в тебя и делаю своим.

— Да! О-о-о, пожалуйста, Иззи. Я хочу этого. Я *очень* этого хочу.

— Бля-я-я… — Иззи напрягся и содрогнулся от прокатившегося по телу оргазма. Он накрыл рот Салема поцелуем, заглушая крик, пока тот кончал

на его руку. Мужчина продолжал ласкать члены и отпустил только когда появился заметный дискомфорт. Иззи осторожно поставил Салема на ноги, чтобы тот мог привести себя в порядок. Большие сапфировые глаза поднялись к пытливому взгляду Иззи. Он считает, что Иззи пожалел о произошедшем? Иззи слизал сперму с руки и расплылся в безумной улыбке, а Салем придушенно застонал и схватился за промежность.

А дальше Салем внезапно оказался в объятиях Иззи. Тот рассмеялся в губы Салему и смял ладонями упругую круглую задницу. А Салем оплел его, как лиана, и целовал, куда мог дотянуться. Черт, Салем никогда ему не надоест. Как только он оказался у Иззи в руках, в мозгу словно что-то коротнуло. Больше всего на свете хотелось затащить Салема в свою комнату и просто разорвать. Каждая мышца напряглась, дыхание стало поверхностным, а Салем все пытался съесть его целиком.

Их испугал крик, и Иззи, поставив Салема на ноги, быстро спрятал за себя. Он выглянул из-за стены и вздохнул с облегчением.

— Твой идиот-брат только что поджег украшение на столе.

— Который из всех?

— Эдвин.

— Похоже, я оказался прав.

Иззи обернулся на чувственный шепот и уставился на Салема, который прижался к его спине и шарил руками по груди.

— Похоже, — низким рыком полным обещания согласился Иззи.

— Что я получу в награду? — спросил Салем и вспыхнул милым розовым румянцем.

Иззи открыл рот, чтобы ответить, но тут зазвонил телефон. Вздохнув, он достал его из кармана и посмотрел на экран.

— Это Хьюго. Он меня ищет.

— Ладно. Но разговор еще не окончен. — Салем вскинул густую черную бровь.

— О, нет, не дождешься. Нам нужно многое… обсудить.

Щеки Салема покраснели еще сильнее, а Иззи уже с нетерпением ждал, когда они все… «обсудят». Он осмотрел свою одежду, а затем, проверив горизонт, вышел вместе с Салемом из укрытия. Они направились к месту основного скопления народа. Сомнения и страхи пытались пробраться под кожу Иззи, но он отгонял их подальше.

— Знаешь, до меня только сейчас дошло, что ты ни разу не пробовал мою лазанью.

Иззи покачал головой.

— Почему?

— Это может показаться глупостью. Ты будешь смеяться.

— Не буду. Скажи.

— Даже не знаю. — Иззи пожал плечами. — Стоит мне только об этом подумать, и я чувствую, что что-то может случиться.

— Что-то плохое?

— Не знаю. Не предчувствие, а скорее… уверенность, как будто мой внутренний зверь знает что-то, чего не знаю я. Словно я еще не готов к тому, что тогда случится.

— Иззи, это лазанья. Обычная, вкусная лазанья. Никакого волшебства. Поверь.

— Я знаю. Но не могу объяснить. Просто так чувствую. И не хочу хоть как-то своими поступками подвергнуть тебя опасности.

Салем уставился на него во все глаза.

— Мне показалось, ты говорил, что ничего плохого?

— Я сказал, что не знаю наверняка. Чутье подсказывало не пробовать, и я прислушался.

— А-а-а.

От отразившегося на лице Салема разочарования грудь Иззи сдавило. Он остановился и,

развернувшись, обхватил лицо Салема.

— Эй, но это не отменяет случившегося между нами.

— А что между нами случилось?

— Если ты считаешь, что я пожалел, поскорее выброси это из головы. Мы все обсудим, хорошо? — Иззи не представлял, какими могут быть последствия, но ни секунды не жалел о проведенном с Салемом времени. Возможно, Иззи крупно налажал, но с этим он разберется позже.

— Вот ты где. — К ним подошел Хьюго с каким-то таинственным блеском в глазах. Что задумал его лучший друг? Хьюго хитрый сукин сын. Ему не стать вторым самым влиятельным магом без хорошей соображалки. — Где вы вдвоем пропадали?

Салем качнул головой.

— Ничего.

— Что? Как-то… неподходящий ответ на вопрос.

— В смысле, мне нужно было ненадолго сбежать. Прогуляться. И Иззи пошел со мной.

— Ага… Ну конечно. — Хьюго погладил Салема по щеке, а Иззи зарычал. Хьюго на него покосился, и в глазах вспыхнуло веселье.

— Что-то не так, Иззи?

Бля. Он что, рычал на Хьюго? Зверя нужно держать под контролем.

— Нет, конечно, нет.

Хьюго кивнул и снова повернулся к Салему.

— Ты что-то раскраснелся. Пить не хочешь?

— Ох, эм, вообще-то я бы не отказался от стаканчика.

Как и Иззи. На самом деле, от парочки. Даже от всех.

Хьюго перевел пронзительные голубые глаза на Иззи.

— А ты, Иззи? Хочешь пить? — Иззи придавило тяжестью слов и стоявшим за ними истинным смыслом.

«Что я, мать вашу, наделал?»

Глава 5

Что происходит?

Салем озадаченно переводил взгляд с брата на Иззи, они без слов вели какой-то *тяжелый* разговор. Хьюго что-то заподозрил? Брат имел ужасную привычку совать нос в дела Салема. Хотя с другой стороны, это характерно для всей его семьи.

Но не успел Салем спросить, что происходит, появилась тетя Лина. О, ну классно. Вишенка на

фруктовом торте. Салем ненавидел фруктовые торты. Он любил фрукты, но ни в коем случае не в торте. Кажется, что будет вкусно, но на самом деле нет. Самый худший вид торта — лже-торт. Хьюго откашлялся, а Салем понял, что уничтожал взглядом воображаемый десерт.

— А, эм, привет, тетя Лина.

— Салем, как я рада тебя видеть. — Она поцеловала его в щеку, и во взгляде моментально появилось сочувствие. — Все еще не нашел своего истинного?

Салем с трудом сглотнул.

— Э-э-э, нет. — Можно подумать, она не в курсе. Вся семья, скорее всего, узнает о появлении пары Салема раньше него самого.

— О, дорогой, не переживай. Такое тоже бывает.

— О-о-о, Салем *нашел* пару, — гордо заявил Хьюго.

Салем медленно повернул голову и вылупился на брата. Хьюго с ума, что ли, сошел? Видимо, и его доконала влажность. Что, во имя мерлинова призрака, происходит?

— Серьезно? — Тетя Лина подозрительно покосилась на Хьюго. — Тогда почему Констанс ничего нам не рассказала?

— Ну, это довольно деликатная тема, и им сначала нужно кое-что обсудить с отцом.

Тетя Лина кивнула.

— Логично. Тогда, может, скажешь хотя бы из какой он семьи магов?

— Это и есть деликатная часть, — тихо поделился с ней Хьюго, а Салем понял, что тоже наклоняется ближе, чтобы расслышать. — Он не маг.

Салем растерялся. Зачем Хьюго это делает? Если он таким образом решил помочь, то выходило не очень. Тетя Лина снова уставилась сочувственным взглядом.

— Очень мило с твоей стороны, Хьюго, что беспокоишься за Салема, но ничего страшного.

Салем согласно кивнул.

— Она права, Хьюго. Ничего страшного. — Последнее, что Салему сейчас нужно — раскрыть обман. Начнется полномасштабный хаос, и Салему придется разбираться с последствиями, когда выяснится, что никакой пары у него нет, и что брат лишь решил помочь, чтобы он не выглядел в глазах остальных таким жалким. По этой части ему помощь не нужна.

— Ты прав, — задумчиво произнес Хьюго. — Отец любит Иззи. Он поймет.

Салем уставился во все глаза на Хьюго, а тетя Лина ахнула. Она переводила круглые как блюдца глаза с Хьюго на Иззи. Ее челюсть практически упала на пол.

— Иззи — истинная пара Салема?

Иззи сдавленно что-то промычал, а Салему стало слегка жаль брата. Слегка. Хьюго еще огребет. Иззи подошел к брату и низко прорычал:

— Пойдем наедине поговорим.

— Конечно, конечно. Прости нас, тетя Лина. И, пожалуйста, пока не распространяйся. — Хьюго приложил палец к губам и *подмигнул*, а потом подтолкнул Салема и Иззи в сторону беседки.

Иззи резко развернулся к Хьюго.

— Ты что, спятил? Нельзя просто так о таком рассказывать!

Хьюго удивленно моргнул.

— Но это правда.

Салем тяжело вздохнул и прислонился к каменным перилам.

— Если бы мы были парой, то бы об этом знали. Тебе лучше всех известно, что испытываешь при встрече с родственной душой. Силы обоих объединяются, и словно две половины сливаются в одно целое. К тому же у всей нашей семьи в паре всегда были маги. — Салем почувствовал, как

жар приливает к щекам. — Конечно, между нами есть сильное притяжение, но это не притяжение истинных.

— Ганон меня прикончит, — пробормотал Иззи и начал метаться по беседке, вцепившись в волосы.

Салем поспешил к Иззи и взял его за руку.

— Прости, пожалуйста. Я все улажу. Обещаю.

Иззи покачал головой и поднял глаза на Хьюго.

— Чем ты, мать твою, думал? Наверное, вся семья уже это обсуждает. Как только новость дойдет до вашего отца, я покойник.

— Я этого не допущу, — пообещал Хьюго.

— Сам знаешь, какой у тебя отец. Не верится, что ты так опрометчиво выболтал нечто подобное. Ты хоть подумал, как это может отразиться на чужой жизни? Помешать встретить настоящую истинную пару? Действительно достойную?

Салем вздрогнул, в животе все узлами скрутило от такого откровенного неприятия Иззи. Он отвернулся от Иззи в надежде скрыть боль. Он, конечно, не ждал, что Иззи кинется признаваться ему в любви после случившегося за домом охраны, но Салему показалось, что возможно, это начало чего-то. Он ни к кому не испытывал таких

эмоций, как к Иззи. Матерь божья, какой же он дурак. Неужели так ужасно стать парой Салему? Но вместо жалости к себе, Салем почувствовал раздражение. А потом и злость. Он резко повернулся к Иззи.

— Я, может, и не идеален, но у меня есть много замечательных качеств.

Брови Иззи сошлись на переносице.

— Я знаю.

— Любая родственная душа была бы рада иметь меня партнером — не важно, маг или нет.

Иззи кивнул.

— И это я тоже знаю.

— Жаль, что вероятность стать моей парой настолько тебя тревожит. Да, мой брат поступил неправильно, и ему самому предстоит все исправлять. Но, знаешь, я даже рад, что это случилось, потому что ты показал мне свое истинное лицо.

— Погоди. Что?

— Удачи в поисках *достойной* тебя пары.

Иззи ошарашенно на него уставился.

— Меня? — До него, видимо, что-то дошло, потому что появившееся удивление на его лице показалось бы Салему смешным, если бы он не был так взбешен. Чем больше он думал о словах Иззи, тем сильнее заводился.

— Нет, Салем, нет. — Иззи подлетел к нему и попытался взять за руку. — Пожалуйста, послушай.

— Я уже наслушался. Не беспокойся об отце. Ничего не случится. — Салем с ворчанием вылетел из беседки, а Иззи побежал за ним следом.

— Салем, ты не понимаешь. Я больше всего на свете хочу быть твоей парой, но я не могу.

— Нет, я все понимаю. Ты заслуживаешь *достойного* истинного.

— Да, черт, я не это имел в виду. Ты меня неправильно понял.

— А, так теперь *я*, значит, виноват?

— Нет. Салем, ты удивительный, и любому, кто станет твоей парой, невероятно повезет. Но я…

— Все нормально…

— Матерь божья, да выслушай меня! — Иззи перебил Салема и схватил за плечи, в его почти черных глазах отражалась паника. Наверняка боялся, что Салем его уволит, что он в принципе мог, но никогда так не поступит, даже если Иззи настоящий придурок.

Салем скрестил на груди руки.

— Ладно. Говори, что хотел. — Сам Салем хотел, чтобы этот ужасный вечер закончился.

К ним подбежал Хьюго, и сердце Салема подскочило к горлу при виде побледневшего и

испуганного лица брата.

— Хьюго, что случилось?

— Я не чувствую свою силу.

— Что?

— Что-то произошло с моими силами!

Салем озабоченно нахмурился.

— С моими все в порядке.

Иззи издал низкий рокочущий звук и перекинулся в огромного темно-серого зверя. Он был размером с небольшую лошадь, с черными глазами и взлохмаченной шерстью. Неудивительно, что Иззи часто принимали за адского пса. Оборотень перекинулся обратно.

— Я все еще могу обращаться.

Пронзительный крик разрезал воздух, и все трое оглянулись на толпу. Воцарился хаос, члены семьи закричали, когда примерно десять фигур в плащах с капюшоном заполнили открытое жилое пространство.

— Колдуны, — выдохнул Хьюго и бросился вперед. — Там Киллиан!

Иззи схватил Хьюго, но без сил тот никак не мог дать отпор. Иззи был крупнее и сильнее.

— Погоди. Нужно все обдумать, прежде чем бросаться на передовую. Нам нужен план.

— Но сначала лучше спрятаться, — сказал Са-

лем, торопливо направляясь к дому охраны, и скрылся за стеной, а за ним — брат и Иззи.

— Почему на нас напали колдуны? — спросил Салем у брата.

— Именно это должно было стать главной темой сегодняшнего собрания. До нас дошли слухи, что группа колдунов планирует захватить нашу территорию в центре Флориды. Папа не слишком беспокоился, потому что мы превосходим их численностью и магией, но хотел собрать команду и разузнать подробнее, что колдуны замышляют. Нам неизвестно, что именно.

Салем вздохнул. Ну, теперь все в курсе. Он прищурился.

— Почему об этом не сказали мне?

— Не хотели тебя впутывать.

— Потому что от меня никакого толка?

Хьюго горячо замотал головой и схватил Салема за плечо.

— Это неправда. Мы любим тебя, Салем. И не впутывали, потому что не хотели, чтобы ты пострадал. Ходили слухи, что эти колдуны чрезвычайно опасны и владеют темной магией. Разве плохо, что мы волнуемся о твоей безопасности?

Как бы Салему ни хотелось разозлиться на брата, он не мог. Хьюго всегда о нем заботился. К

тому же со своими силами Салему не сравниться ни с одним магом, а тем более с темным. Что и привело их к настоящей дилемме.

Что, блять, делать дальше?

Глава 6

Сумасшествие какое-то. Как будто мало им сейчас с Салемом проблем, еще и колдуны добавились. Роскошно.

Иззи стоял рядом с Салемом, и они вдвоем осторожно выглядывали из-за домика охраны.

— Что делать будем? — взволнованно спросил Салем.

— Будем биться.

Салем уставился на Иззи, словно у того мозги отнялись.

— Биться? Оборотень и маг, который может наколдовать только лазанью? Конечно. Почему бы и нет? Отличный план.

— Он прав, — влез Хьюго. — Нужно что-то придумать. Неизвестно, что замышляют эти ублюдки. — Он свел нахмуренные брови. — Почему не забрали твою силу?

Салем уперся рукой в бедро и повернулся к брату, на которого это не произвело ни грамма впечатления.

— Серьезно? Ты, и правда, не понимаешь, почему мою способность колдовать лазанью не отняли?

— Братик, побольше веры в себя.

— А? В смысле, как вы с папой верите в меня? Настолько, что я последним узнаю о происходящем в нашей семье?

— Так, — прорычал Иззи. — Не время для разборок. Сейчас стоит больше переживать о вооруженных темной магией колдунах и нашем немногочисленном отряде. — Вся охрана семьи была магами, поэтому единственный, кого не коснулось заклинание, был Иззи. А у него в качестве оружия только когти и зубы. — Я мог бы использовать маскировку и подобраться к ним, но после первого убитого меня сразу же раскроют.

— Нужно как-то их отвлечь, — задумчиво пробормотал Хьюго.

— Хьюго Хаверкрофт! Я знаю, что ты там! Выходи, присоединяйся к семье, — крикнул один из колдунов.

Хьюго расправил плечи и шагнул вперед, но Салем дернул его обратно.

— Да что с тобой? Тебе туда нельзя!

— Я никому не позволю навредить своей семье. — Хьюго повернулся и с теплой улыбкой

сжал плечо Салема. — Я хочу, чтобы ты верил в себя так же, как мы верим в тебя. И ты очень ошибаешься, считая, что это не так. — Он обнял Салема, а потом поспешил выйти с другой стороны, используя в качестве прикрытия живые изгороди и деревья, и спокойно шагнул на открытую террасу гостиной.

— Ну, наконец-то. Мы уже заждались, — сказала зловещая фигура.

Иззи, привлекая внимание, схватил Салема за руку.

— Твой брат прав. Тебе нужно в себя верить. У тебя все получится.

— Что получится? — прошипел Салем, выдергивая руку. — Надавать им по морде лазаньей и надеяться, что у них аллергия на помидоры?

— Томатный соус. Ну конечно!

Салем уставился на него во все глаза.

— Не понял?

— Используй лазанью как оружие!

— Ты в своем уме?

Иззи снова схватил его за руку и потащил за собой тем же путем, каким ушел Хьюго. Они спрятались в тени.

— Ты рехнулся, — хрипло прошептал Салем.

— Это блестящая идея. Поверь.

Салем фыркнул.

— Ага… Поверить человеку, который считает, что я его недостоин.

Иззи повернулся и обхватил лицо Салема. Он обвел большим пальцем мягкую кожу его щеки.

— Салем, солнышко, я не тебя имел в виду. А себя.

— Что?

— Когда я сказал, что слова Хьюго могут повлиять на чью-то жизнь, или что это может повредить шансам найти настоящую пару, я говорил о тебе и о том, что *я* недостоин тебя.

Салем уставился на него прекрасными голубыми глазами.

— Это… ерунда какая-то. Почему ты недостоин?

— По множеству причин, на объяснение которых сейчас совсем нет времени. Нужно спасти твою семью.

— Как?

Иззи развернулся и указал на колдуна, который похоже был главным.

— Видишь вон того парня? Брось ему в лицо горячей лазаньей. А я перекинусь и всех разорву. Твоих братьев и сестер, может, и лишили силы, но они точно не прочь начистить колдовские

морды. Что бы ни случилось, я хочу, чтобы ты покалечил всю шайку.

— Иззи, я не думаю…

— У тебя все получится. — Иззи крепко обнял Салема и поцеловал так, что тот едва голову не потерял. — Давай с этим покончим, солнышко. А потом будем говорить, целоваться и мириться.

Но не успел Салем возразить, Иззи скрылся. И слился с тенями. Несмотря на габариты, он передвигался бесшумно, пробираясь сквозь зелень обширного двора. Иззи встал позади одного из колдунов и стал ждать нападения Салема. Он верил в него. Сейчас Салем единственный, кто мог спасти свою семью.

— Одного не хватает, — рявкнул один из колдунов, остановившись рядом с человеком в капюшоне. Он пролистал что-то в своем телефоне. — Салем Хаверкрофт.

Главный колдун фыркнул и пренебрежительно махнул рукой.

— Я на мгновение даже запереживал. От него никакого толку. Дохляк бесполезный. Для нас никакой угрозы.

Напарник кивнул и убрал телефон.

— В таком случае, все в сборе.

— Отлично.

— Что все это значит? — громко спросил Ганон Хаверкрофт. — Как вы посмели напасть на меня и мою семью?

— Да это и проблемы не представляло, — ответил враг. — Сам собрал всех в одном месте.

— Ты оскорбляешь весь колдовской род, используя нечистую магию, — выплюнула Констанс, жена Ганона.

— Мы делаем то, что должны. Ваша семейка уже достаточно насиделась на троне. — Колдун вскинул руки к Ганону, и вокруг поднялись темные клубы пахнущего гнилью дыма.

«Ну же, Салем».

Внезапно колдун, который проверял всех членов семьи, отшатнулся.

— Какого…? — Он закричал и сделал то, что напомнило Иззи танец племянника, когда тот просился в туалет: хлопки руками и все в таком духе. — Мои глаза! Соус, жже-е-ет!

Главарь колдунов обернулся.

— Что, вашу мать, происходит?

— Соус жжет!

— Это что… лазанья?

Ад разверзся, когда Хьюго с боевым кличем бросился вперед, а следом за ним без промедления его братья и сестры. Иззи вынырнул из тени,

щелкнул зубами по первому попавшемуся ублюдку, пока в лица остальным колдунам летели обжигающие куски лазаньи. Колдуны кричали, метались по сторонам, стараясь содрать с лица горячее месиво.

— Мне в глаз попал горячий сыр! — закричал один из колдунов и врезался в другого собрата. — Уберите его!

— В нем же нет глютена?

— Откуда мне, блять, знать? Помоги мне избавиться от этой дряни!

— Я не могу. У меня аллергия на глютен.

— Ты что, шутишь?

— Некрасиво издеваться над больными.

— Я найду тебе антигистаминного, только сними-и-и!

Иззи расправился с очередным колдуном и вскинул голову на появившегося из-за деревьев Салема. Тот энергично разбрасывался дымящей горячей пастой, предоставляя близнецам шанс сбежать и вызвать надзорные власти. Иззи бросился на колдуна, подбиравшегося к Салему. Колдун затрясся на земле под свирепыми челюстями Иззи.

Салем развернулся и с облегчением улыбнулся:

— Спасибо.

Иззи радостно залаял, а затем зарычал, когда что-то темное замаячило за спиной Салема. Но предупреждающий лай прозвучал слишком поздно.

Глава 7

Салем не мог дышать. Он вцепился в душившее его темное облако, и оно подняло его над землей. Главный колдун подошел ближе, вскинув когтистую руку и насмешливо рассматривая Салема. Воцарилась тишина, и все замерли.

— Отпусти моего сына, ублюдок! — Ганон рванул вперед, но тут же был схвачен несколькими колдунами.

— А ты у нас, значит, Салем. А я-то думал, ты бесполезный.

— У тебя ничего… не выйдет, — прохрипел Салем, сопротивляясь густому дыму, но без толку.

— У меня уже получилось. Вы только оттягиваете неизбежное. Я буду наслаждаться уничтожением твоей семьи, и начну, пожалуй, с тебя.

Иззи рычал и лаял, клацая зубами на трех колдунов, которые его окружили. Они вскинули раскрытые ладони и магией удерживали оборотня. Салем вертелся и пинал ногами воздух.

— Не трогай его!

— О-о-о, он тебе не безразличен? Интересно, по вкусу ли ему твоя… сила?

Один из колдунов зачерпнул пригоршню лазаньи и сунул ее в морду Иззи. Они хохотали, пока оборотень глотал, чуть не откусив в процессе колдуну руку. Иззи тихонько заскулил, а потом задрожал и рухнул на землю.

— Иззи!

— Хм, похоже, твоей дворняжке не по душе белковые продукты.

О Боги! Салем вспомнил слова Иззи о лазанье и предчувствии, что случится что-то страшное, если он ее съест.

— Иззи, пожалуйста, поднимайся, — со слезами на глазах закричал Салем. — Ты должен встать!

Иззи перекатился на дрожащие лапы и заставил себя подняться. Он закрыл глаза, все тело била крупная дрожь. Но стоило ему открыть глаза, все ахнули от их бело-голубого свечения.

— Какого черта? — выплюнул один из колдунов и быстро отошел от Иззи, остальные последовали его примеру.

На их глазах Иззи почти в два раза увеличился в размерах. Он повернул огромную голову к Салему и залаял таким громким звуком, что

задрожала земля.

Салем резко втянул воздух, все тело напряглось, казалось, кровь в жилах начала нагреваться. Ночное небо вспыхнуло светом, молния ударила в землю в нескольких метрах. Что происходит? Салема всего трясло, внутренности словно пытались вырваться наружу. Он вскрикнул и упал на землю.

— Что за херня происходит? — прорычал колдун, отступая на шаг от корчившегося в приступе боли Салема.

Иззи снова залаял, и Салем вскрикнул от нахлынувшего облегчения, когда оборотень опустился рядом. Салем коснулся морды Иззи. Мир вокруг погрузился во тьму, освещенную лишь прорезавшими небо молниями. Земля содрогнулась, ветер завыл. Салем закричал во все горло, а потом все стихло. Он медленно поднялся, все тело горело. Салем ошеломленно уставился на свои пальцы, которые переливались искрами белого.

— Что… что со мной? — Салем ни к кому конкретно не обращался.

— Я знал! — Восторженный крик Хьюго привлек всеобщее внимание. Он самодовольно ухмыльнулся. — Я подозревал, что Иззи — твоя истинная пара. Именно поэтому твоя настоящая

сила пробудилась после вашего воссоединения.

Салем нахмурился.

— В смысле… когда он съел мою лазанью? — Щеки Салема вспыхнули. Прозвучало неприлично даже для собственных ушей.

— Вот, — прошипел колдун. — Именно поэтому вас, магов, нужно остановить. Вы все ужасно странные!

Салем ласково ему улыбнулся.

— Ага, мы странные. — Он успокаивающе провел рукой по огромной морде Иззи и хихикнул, когда тот довольно закрыл глаза. Салем сомневался, что сможет обхватить его шею. Он снова переключился на колдуна. — Но мы никуда не денемся. В отличие от вас.

Загремел гром, земля снова задрожала, и вокруг завыл ветер. Салем поднял руку и крутанул запястьем, сжимая кулак, а затем ударил, силой сбивая колдунов с ног, поднимая их в воздух и швыряя на землю. Они стонали и корчились. Взмахнув обеими руками, Салем вернул силу всей семье. Он не понимал как, но такое ощущение, что эта сила была с ним всегда. Разум и тело знали, что делать.

Прибыли надзорные власти и арестовали колдунов. Им грозило очень долгое тюремное за-

ключение за нападение и использование темной магии. Как только посторонние удалились, семья повернулась к Салему, и терраса взорвалась шумом. Каждый закидывал Салема вопросами.

— Хватит! — Ганон заткнул всех своим ревом. — Дайте, черт возьми, моему сыну отдышаться.

Иззи снова принял человеческий облик, а Салем повернулся к нему, больше не в силах сдерживать рвущуюся на волю улыбку.

— Ты… действительно мой истинный?

Иззи обнял Салема и поцеловал.

Вокруг раздались радостные возгласы, и даже Ганон на этот раз не устоял. Салем отстранился, дышать было сложно. Он улыбнулся Иззи.

— Не верится, что все это время ты был рядом.

Иззи прижался к его лбу.

— Наверное, какая-то часть меня знала.

— Но зачем столько ждать? — озадаченно спросил Салем. Он так долго страдал, а пара, оказывается, была прямо рядом с ним.

— Всему свое время, — сказал подошедший Ганон. Парни обернулись к отцу Салема, который тепло им улыбался. — Мы все обретаем силы в свое время. — Он раскрыл объятия, и Салем, не колеблясь, бросился к отцу. — Я знал, что ты особенный, но даже если бы ты никогда не обрел

настоящие силы, мы бы все равно тебя любили. Я всегда гордился и буду гордиться тобой, сын мой.

На глазах Салема выступили слезы. Он сжал отца крепче и отстранился, только чтобы оказаться в гуще остальных родственников. Все его обнимали. Хьюго, как обычно, взъерошил его волосы, и Салем фыркнул.

— Младший братишка теперь самый могущественный из всех Хаверкрофтов.

— Как и его бабушка, — произнесла Констанс, заключая Салема в объятия. Она ласково улыбнулась, убирая с его лба волосы. — Мы все время гадали, унаследуешь ли ты ее силу. Ты так похож на нее в молодости.

Салем изумленно уставился на мать.

— Погоди, ты серьезно считаешь, что у меня бабулина сила?

— Я в этом уверена. Мы все это чувствуем.

Все закивали, а Салему стало трудно дышать, сердце рвалось из груди, но потом рядом появился Иззи. Он успокаивал своим присутствием, и мать понимающе посмотрела на сына.

— Бабушкина сила была настолько велика, что она завещала ее паре, которая сможет ее разделить. Достаточно сильной паре, чтобы удерживать магию под контролем и выпускать при

необходимости. Кто-то должен ее уравновешивать. Таким для тебя стал Иззи.

— У меня столько вопросов, — пробормотал Салем, слегка ошарашенный новостями.

— Думаю, на сегодня нам всем хватило приключений, — заявил Хьюго. Он обнял Салема и повернул к Иззи. — А вы — вперед. Вам нужно многое обсудить.

— Готов? — спросил Иззи, сверля темным взглядом полным любви и обещания.

Салем кивнул.

— Поехали домой.

Глава 8

Поездка до дома Салема оказалась самой настоящей пыткой. Несколько минут тянулись вечность, но вскоре Иззи припарковался на подъездной дорожке, и парни бросились внутрь. Салем едва успел закрыть за собой дверь, а Иззи уже накинулся на него с поцелуями. Электрический разряд, похожий на ту молнию, которой он теперь управлял, пронзил насквозь. Это и правда происходит?

Иззи силой заставил себя отстраниться от Салема, грудь тяжело вздымалась и опадала на каждом вздохе.

— Ты уверен?

— Насчет чего?

— Всего. Стать парой псу-оборотню? — Он обхватил щеку Салема. — Солнышко, ты официально самый могущественный Хаверкрофт. Черт, наверное, самый могущественный маг в стране. Уверен, что хочешь связываться со мной?

Салем обнял Иззи за шею и посмотрел в глаза.

— Хочу ли я стать парой мужчине, который боготворил меня, даже когда моей единственной способностью было колдовство лазаньи? Мужчине, который отважно сражался вместе со мной ради спасения моей семьи? При виде которого у меня поджимаются пальцы, а все внутренности охватывает огнем?

Улыбка Иззи была восхитительной.

— Ну, если смотреть с этой стороны. — Он с рыком прижал к себе смеющегося Салема. Они снова коснулись губ друг друга, словно разлука была невозможной. Салем застонал, чувствуя вкус Иззи, движения его языка, твердый член, прижимавшийся к нему сквозь ткань штанов. Иззи понес его в спальню. Наконец-то он свяжет себя с истиной парой. Боже мой, *истинная пара*.

— Я не надеялся, что этот день настанет, — прошептал Салем, словно если будет говорить

громче, волшебный сон, в который он попал, растворится.

— Я тоже. — Иззи присел на корточки и посмотрел на Салема. — Ты все еще уверен?

Салем мягко улыбнулся.

— Да, Иззи. Я в жизни не был ни в чем так уверен. А *ты*? Уверен *в нас*?

Иззи подался вперед и поцеловал Салема, который растекался под ним лужицей.

— На сто процентов. — Они встретились взглядами и накинулись друг на друга, лихорадочно стягивая одежду. Салем резко втянул воздух и провел рукой по твердой груди Иззи, с благоговейным трепетом рассматривая подрагивающие мускулы.

— Смазка в ящике, — прохрипел Салем, указывая на тумбочку справа от себя. В отличие от людей, презервативы им были не нужны.

Иззи вернулся со смазкой и снова прижался к губам Салема, словно никак не мог им насытиться. Их тянуло друг к другу с неимоверной силой, Салема всего потряхивало от возбуждения. Он крепко обнял Иззи за шею и застонал ему в рот от ощущения теплых, покрытых смазкой пальцев, которые начали его готовить.

На лбу выступил пот, сердце бешено коло-

тилось, и Салему даже стало страшно, что оно вырвется из груди. Кожа пылала огнем, по телу прокатывались электрические искры.

— Я так долго тебя хотел, — прорычал Иззи. Пальцы сменились головкой члена, и Салем подавился воздухом от медленного проникновения. — Я мечтал о тебе, об этом. А теперь… — Он погрузился до конца, придавливая тяжелым телом и успокаивая все существо Салема. Иззи медленно вышел, затем слегка изменил угол, и Салем закричал от пронзившего его наслаждения. — А теперь ты мой.

Салем впился ногтями в мощную спину Иззи и запрокинул от экстаза голову. Иззи безжалостно вбивался в него снова и снова. Никогда в жизни Салем не испытывал такого всепоглощающего желания. Каждым толчком Иззи попадал по заветному месту, Салем прижимался к своему оборотню, напрягаясь, когда несравнимое ни с чем удовольствие охватило его сердце и разум. Истинная пара.

— Это оказалось так легко, — пробормотал Иззи в шею Салема.

— Что именно?

— В тебя влюбиться. — Иззи вонзился клыками в основание шеи под крики Салема, которого

накрыло оргазмом от сумасшедшего ритма оборотня. Салема яростно трясло под тяжелым весом Иззи, под веками вспыхивали разноцветные всполохи, все внутренности опалило огнем, и когда Иззи кончил, их связь завершилась.

Иззи лизнул ноющее место на шее Салема, по инерции медленно двигая бедрами.

— Ты как?

Салем довольно промычал. Он приподнял лицо и отыскал губы Иззи. Он тихо рассмеялся, а Иззи отстранился и уставился на него с легкой улыбкой.

— Что?

— Похоже, мое желание сбылось.

Иззи склонил голову набок и ждал продолжения. Щеки Салема залило жаром.

— Это глупо.

— Никогда твои слова не покажутся мне глупостью, — пообещал Иззи, уткнувшись носом в щеку Салема. — Расскажи.

— Я оставил сообщение на автоответчике одного радио-шоу и рассказал о своем желании найти того, кто полюбит меня настоящего. — Салем, чувствуя себя ужасно глупо, пожал плечами. Ведь никак не получится отрицать, что он получил желаемое. Иззи замер и затих, что привлекло

внимание Салема. Он шокировано выпучил глаза, заметив яркий румянец на щеках своего оборотня. — Погоди, ты…?

Иззи открыл рот, тут же его закрыл, но потом видимо взял себя в руки.

— Я думал, это шутка.

— Ты тоже оставил сообщение?

Иззи кивнул, а Салем едва мог сдержать улыбку.

— Расскажи.

Иззи осторожно выпутался из объятий и перекатился на постель. Он повернулся на бок и притянул к себе Салема. Тот со счастливым вздохом прижался плотнее.

— Я рассказал, что мечтаю найти предназначенного мне человека, свою вторую половинку. И если он вдруг окажется магом со сверкающими сапфировыми глазами и в модных черных очках, даже лучше.

Салем фыркнул от смеха.

— Не может быть.

— Очень даже.

— Похоже, оба наших желания сбылись. — Салем поднял голову и растворился в поцелуях Иззи.

Может быть, это судьба, может быть, в шоу

было что-то волшебное. Как бы то ни было, Салем никогда не испытывал такого счастья. У него появилась истинная пара, новые силы, но он все равно чувствовал себя прежним. Он сражался за семью против опасных колдунов, не имея ничего, кроме лазаньи. И все это время Иззи и семья Салема в него верили. Более того, Салем сам верил в себя. Будущее было неясным, но впервые в жизни Салем не боялся и не тревожился. Могущественный маг или нет, но его определяла не только сила.

В одном Салем был уверен точно — он с нетерпением ждал начала нового приключения.

«Попутчик»

Элеонор Харкстед

Переводчик: *Анастасия Цветочкина;*
Редактор: *Ксения Солнцева.*

Аннотация

Можно ли повернуть время вспять и обмануть смерть?

Однажды ночью на Висельном Холме под проливным дождем Алекс останавливает машину, чтобы подобрать одинокого автостопщика. Но внезапный попутчик таинственно исчезает с

пассажирского сиденья, и Алекс начинает опасаться за свой рассудок. Позже он узнает, что Висельный Холм — это пристанище призраков контрабандистов, ведьм и разбойников. И трагически погибшего автостопщика по имени Джо. Когда Алекс вновь встречает Джо на обочине Висельного Холма, в его душе зарождается надежда, что они смогут обмануть судьбу. Но как это сделать, если Джо пойман в ловушку из нескольких минут дождливой ночи сорок лет назад?

Когда Алекс уезжал из дома матери на острове, начал моросить дождь, но настолько слабо, что он решил не оставаться на ночь, а ехать домой. Однако дождь разошелся не на шутку, а набежавшие тучи принесли преждевременную темноту. Проехав по дороге мимо Римского Кургана, Алекс направился через дамбу и сбавил скорость, чтобы дворники смогли справиться с силой ливня.

Может, и впрямь стоило вернуться.

Но вода быстро прибывала. Ему необходимо было перебраться на материк, пока море не поднялось над болотами и остовами старых кораблей, и не затопило дамбу. Развернуться можно было лишь перебравшись на другой берег, но к тому времени, как он туда доберется дамба окажется под водой на дюйм. А может и больше

с таким дождем.

Если вести машину разумно, все будет в порядке.

Алекс включил противотуманные фары и стало видно, как море начинает плескаться серебром по краям дамбы. Для чего-то столь опасного, это выглядело завораживающе красиво.

Добравшись до материка, мужчина вздохнул с облегчением. Но впереди все еще ждали извилистые проселочные дороги и обочины, поросшие высокими темными деревьями с сучковатыми ветвями, густой живой изгородью и некошеными сорняками.

Дождь барабанил по крыше маленького хэтчбека Алекса металлическими ударами, которые он пытался заглушить, включив радиоприемник. Не желая слишком долго держать руку вне руля, он оставил радио настроенным на первую попавшуюся станцию. Старые поп-хиты сопровождали Алекса, пока он медленно и старательно пробирался сквозь ночь по темным, плохо освещенным проселочным дорогам.

Пока вдруг впереди не увидел чью-то фигуру, маячившую у обочины.

Автостопщик?

Один в глуши, да еще в такую погоду?

Алекс разглядел красную куртку с поднятым капюшоном и руку, выставленную под дождем в голосующем жесте. Он притормозил, а худощавая фигура подбежала к машине и распахнула пассажирскую дверцу.

Алекса поприветствовали улыбкой, такой неуместной в эту ужасную ночь, что он просто не мог не улыбнуться в ответ, даже когда дождь закапал с молодого человека и капота машины прямо в салон.

— Ты направляешься в город? — поинтересовался автостопщик. Голос у него оказался мягкий, дружелюбный, с легким налетом местного сельского акцента.

Алекс выключил радио.

— Да. Тебе лучше забраться внутрь, пока не смыло!

— Спасибо!

Новоявленный пассажир забрался в авто и закрыл за собой дверь. Поставив свою сумку в ноги, парень откинул капюшон, открывая изящный профиль и большие голубые глаза, которые Алексу удалось разглядеть в свете приборной доски. Темно-русые влажные локоны облепили шею и лицо, и явно нуждались в стрижке.

— Я Алекс, — протянул он руку для рукопо-

жатия.

— Джо, — ответил пассажир, принимая руку Алекса. И мужчина чуть вздрогнул от ледяной хватки Джо.

— Давай включу печку. Как долго ты там ждал? Продрог, наверное? — Поглядывая одним глазом на Джо, Алекс повозился с настройками и обогреватели ожили.

— Некоторое время. Похоже на целую вечность. Я ждал и ждал… такое чувство, будто простоял там лет сто.

Алекс вывел авто обратно на дорогу и продолжил путь, пытаясь игнорировать в голосе Джо нотку грусти.

— Так что же ты забыл в городе в такую ночь?

— Иду на вечеринку с друзьями, — приободрился Джо. Он указал на скопление огней, дрожащих за деревьями, что росли вдоль дороги. — Я живу вон в том фермерском доме. Опоздал на последний автобус, а денег на такси нет. У папиной машины спустило колесо, и он не смог подвезти меня, поэтому я решил поймать попутку. Нельзя оставаться дома в субботу вечером!

— В такой дождь нужно быть осторожней, так что не получится ехать очень быстро, — извинился Алекс. — Но ты все-таки попадешь на

вечеринку в целости и сохранности, обещаю.

Когда дождь особенно громко забарабанил по крыше, Джо поднял голову и рассмеялся.

— Черт побери, это жутко! Но мы можем начать вечеринку здесь. — Он протянул руку и прибавил радио погромче. — ELO? Обожаю ELO!

Алекс рассмеялся.

— Все в порядке, можешь сменить станцию, если хочешь. Уверен, ты слишком молод для ELO. Черт, даже я слишком молод для ELO!

— Ты не выглядишь пожилым, — Джо начал пританцовывать на своем месте, а Алекс засмеялся еще громче.

— Я разменял четвертый десяток, — признался Алекс. Сосредоточившись на дороге, он все же время от времени поглядывал на Джо. Именно такие парни нравились Алексу, и он радовался компании.

— Мне почти тридцать. Как бы. — Джо наклонился к нему чуть ближе и подмигнул.

Алекс усмехнулся и снова устремил взгляд на трассу, опасно ныряющую с холма. Фары осветили стремительный поток, пересекающий дорогу, и он сбросил скорость, чтобы преодолеть его.

— Тут есть подземный ручей, — предупредил Джо. — В такое ненастье всегда наводнения. Мы

здесь вроде как в низине долины.

Алекс стиснул зубы, услышав бурлящий поток воды под днищем машины.

— Надеюсь, я не застряну.

— Нет, все будет отлично.

Алекс шумно выдохнул, как только миновал брод.

— Где именно в городе тебя высадить? Я подвезу тебя к двери. Не могу же я просто оставить тебя гулять под дождем, пока сам буду кататься на машине.

— Это за старой больницей. Я укажу путь, не волнуйся, — заверил Джо, проведя рукой по влажным волосам. — И я очень ценю, что ты остановился и подобрал меня. Там такой дубак, думал, никогда не уеду.

— Не за что.

— По правде, я слышал все эти истории… Ты мог оказаться маньяком с топором, как, впрочем, и я!

— Надеюсь, ты не такой, — рассмеялся Алекс и переключил передачу, когда они начали подниматься на противоположный холм. — Знаешь, я никогда раньше не брал попутчиков, но сегодня такая мерзкая ночь, что я просто не мог тебя там бросить.

— Ты один из хороших парней, — решил Джо и похлопал Алекса по колену. Жест был почти шутливый, но Алекс уловил кое-что еще. Маленький намек на то, что Джо — возможно — проявляет к нему интерес. И не только как к бесплатному извозчику.

Рука, которая уже не казалась такой ледяной как вначале, быстро исчезла с колена.

Алекс решил попытать счастья. Конечно, существовала вероятность, что Джо скажет «нет», поэтому он просто высадит его на вечеринке и ничего не потеряет.

— Знаю, ты торопишься попасть на вечеринку, и буквально только что сел в мою машину, к тому же промок насквозь, но… не хочешь сходить выпить?

Джо усмехнулся.

— Серьезно? Сегодня вечером?

— Не обязательно сегодня. Можно выбрать ночь, когда не льет как из ведра.

— Мы могли бы сделать это и сегодня. Выпьем, а потом можешь пойти со мной на вечеринку.

Когда они подъехали к перекрестку на вершине Висельного Холма, свет фар Алекса отразился от дорожного знака. До города оставалось шесть миль.

— Твои друзья не будут возражать, если я приду?

— Ни капли, если ты тоже мой приятель.

Джо снова подмигнул. Эти прекрасные голубые глаза и длинные, как у лани, ресницы заставили кровь Алекса закипеть от желания. Он снова посмотрел на дорогу.

— Ну… тогда ладно. Я пойду с тобой на вечеринку. Этот вечер выдался довольно… — Алекс достиг перекрестка на вершине холма и его радиосигнал перебили шипящие помехи. Он стукнул кулаком по радио и посмотрел на Джо.

Которого больше не было на месте.

Алекс ударил по тормозам, не заботясь о том, что следом могла ехать другая машина. Включив свет в салоне, он уставился на пустое сиденье.

Джо исчез.

Как? Как именно он мог выйти?

Алекс обязательно услышал бы, как открылась дверь и уж наверняка почувствовал бы холодный воздух. В замешательстве он постучал по люку, как будто Джо мог каким-то образом вылезти через него так, что он и не заметил. Но люк оказался закрыт — конечно же, закрыт, иначе дождь хлынул бы и промочил его насквозь.

Дождь.

Алекс похлопал по сиденью, на котором сидел Джо.

Сухо. Не осталось никаких признаков того, что Джо когда-либо был в его машине.

* * * *

— Алекс?

Он оторвал взгляд от компьютера и посмотрел на Тору, сидевшую за соседним столом.

— Ты что-то бледный, — заметила она.

— Да… думаешь? Возможно, что-то подцепил. Слыхала об этой… этой штуке, которая витает повсюду? Все хватают какой-то вирус, — улыбнувшись, попытался отшутиться он. — Ты окажешься следующей!

— Я собираюсь заварить себе чашку чая. Будешь?

— Не откажусь, — кое-как выдавил из себя Алекс. Но как он мог продолжать сидеть за столом, будто все в порядке, когда очевидно, что это было не так?

Я схожу с ума.

Или уже сошел.

Песни со старой радиостанции все еще звучали у него в голове, и каждый раз, закрывая глаза, он видел его. Джо. Своего попутчика.

Я коснулся его руки. Он включил мое радио. Похлопал меня по колену. Джо был настоящим.

А может и нет.

Алекс отправился к матери только потому, что она хотела рассказать ему о завидном холостяке. Сын ее подруги недавно вернулся из Лондона и, как выразилась мать, — *интересовался мужчинами*. Это требовало личного присутствия Алекса, дабы его родительница смогла как следует восхвалить все достоинства своей подруги и показать ему несколько фотографий безусловно привлекательного блудного сына.

Когда ты настолько одинок, что твоя мама прибегает к сватовству, это и впрямь наводит на мысли.

Так что, логически рассуждая, Алекс пришел к выводу, что Джо — плод его воображения, потому что подсознание решило, что он в состоянии найти себе парня без вмешательства матери. Почему же еще Джо оказался именно таким парнем, какие были во вкусе Алекса? Почему же еще Джо так внезапно исчез?

Пока Тора ходила за чаем, Алекс уменьшил размер своего браузера и втихую стал искать психологическую консультацию. Возможно, он испытывал последствия запоздалой депрессии

после смерти отца в прошлом году. Тот период выдался тяжелым — отец какое-то время болел, и потеря сильно сказалась на жизни Алекса. В ту пору он был очень близок к тому, чтобы обратиться к консультанту, но так и не нашел его, вместо этого уйдя с головой в помощь матери.

Тора вернулась к столу, и Алекс взял у нее кружку с горячим чаем.

— Вот и все, что мне нужно. Приличная чашка чая, — произнес он.

Я в порядке. Я в полном порядке.

* * * *

Висельный Холм выглядел совершенно иначе, когда не лил дождь. Алекс настроил радио на ту же волну, что и накануне, но на этот раз сигнал был устойчив. После работы он планировал заскочить в супермаркет и сразу же отправиться домой, но сам того не осознавая, свернул не на том перекрестке и вновь оказался на дороге, ведущей к родительскому дому.

Не то чтобы он намеревался навестить мать. Не сегодня. Просто хотел снова оказаться на этой дороге при свете дня и без дождя, чтобы доказать себе, что в этом месте нет ничего странного или жуткого.

Но ведь таки было.

Ради всего святого, оно даже называется Висельный Холм.

Он вспомнил, как читал о виселицах, стоящих на перекрестках. Здесь хоронили казненных преступников и самоубийц, что делало естественно-жуткий ландшафт этой местности еще более тревожным.

Если Алекс продолжит ехать по дороге, минуя дамбу и грязь, которая, как гласит легенда, поглотила многих неосторожных контрабандистов, то окажется у древнего кургана. Люди поговаривали, что в этом мрачном месте можно услышать, как клинок лязгает о щит или причитания невидимых плакальщиц.

Но Алекс не мог понять, имеет ли к этому какое-то отношение молодой человек в красной куртке с капюшоном.

Свернув с перекрестка в сторону от Висельного Холма, он поехал по узкой улочке, которая начиналась недалеко от дамбы. Снова вырулив на дорогу, Алекс направился к городу тем же маршрутом, что и в субботу вечером. Сегодня не было ни дождя, ни темных грозовых туч. Лишь бледно-серые оттенки надвигающихся сентябрьских сумерек, время от времени разрываемые

темными всполохами парящих в небе птиц.

Алекс попытался вспомнить отрезок дороги на котором подобрал Джо, но никак не мог отыскать это место. Было темно, и… *Парень упоминал ферму*. Алекс увидел огни за деревьями. Сбавив скорость, он попытался — насколько это было возможно — вглядеться сквозь ветки. То тут, то там виднелись фермерские постройки, но ничего не помогало его памяти проясниться.

Пока Алекс не направил машину вниз по склону холма и не заметил струйку воды, сбегающую по асфальту, она напомнила о том, что именно здесь Джо предупреждал его о подземном ручье.

Алекс никогда прежде об этом не слышал. Или все-таки слышал? Может, этот факт когда-то засел в его подсознании и всплыл в памяти, пока он ехал по бурлящему потоку с воображаемым попутчиком на пассажирском кресле?

— Джо? — Ответа не последовало.

Вскоре Алекс свернул к Висельному Холму. Остановившись на обочине, стараясь при этом не опрокинуть машину в канаву, он выбрался наружу и посмотрел вниз, на грязное месиво земли.

Что я вообще тут ищу, следы ног?

Но там присутствовали лишь следы шин. Явно кто-то вильнул в сторону. Он последовал за

отпечатками колес, что отчетливо виднелись на ярко-зеленой траве, и увидел, что они заканчиваются у большого старого дуба. Алекс провел рукой по шершавой коре. Кто бы не съехал сюда, он избежал столкновения с деревом — на стволе не осталось никаких следов.

Это ведь был не я, не так ли?

При мысли о том, что он мог съехать в канаву и ничего не помнить по телу пробежала дрожь. Но Алекс был уверен, что в тот вечер остановился на дороге. Он не помнил угрозы столкновения с деревом.

И все же он разговаривал с кем-то, кого там не было.

Алекс потопал, стряхивая грязь с ботинок, и вернулся в машину.

* * * *

В пятницу вечером Алекс снова возвращался домой от матери. Он не стал говорить с ней о вчерашней консультации, потому что не знал, что рассказать. Алекс не мог упоминать Джо, да и у мозгоправа о нем тоже не распространялся. Потратив свои пятьдесят минут на разговоры об отце, потому что это оказалось гораздо проще, мужчина вернулся домой и долго стоял на бал-

коне — подрезая отцовские растения. Похоже, он вернулся туда, откуда начал.

В этот раз было не дождливо, но также темно, хотя Алекс не задерживался у матери допоздна, как неделю назад, потому что сегодня прилив ожидался раньше. Не лей на прошлой неделе как из ведра, можно было бы ехать быстрее, но пришлось сбавить скорость до минимальной и радио снова поймало старую волну.

А на обочине дороги вновь голосовал Джо.

Прежде чем благоразумие заставило проехать его мимо, Алекс затормозил.

Как и в прошлый раз, Джо открыл дверцу машины и наклонился вперед.

— И снова привет! — усмехнулся Алекс.

Это просто нелепо. Какого хрена я делаю?

Но яркая улыбка Джо отогнала все сомнения. Джо *был* настоящим. Алекс не мог нафантазировать себе такой улыбки.

— Алекс! Рад тебя видеть. Можешь снова подбросить меня до города? Я так и не успел туда добраться.

— Конечно, запрыгивай.

Джо бросил свою сумку на пол, а с его куртки и волос стекали капли дождя.

— Идет дождь? — спросил Алекс, уверенный в

том, что это не так. Не было непрерывного стука по крыше, а дворникам не приходилось бороться с потоками проливного дождя по стеклу.

— Ливень хлещет! — широко улыбнулся Джо.

Сиденье оставалось сухим.

Алекс похлопал Джо по руке. Куртка оказалась скользкой от воды, а когда Алекс вернул руку на руль, та была влажной. Но глянув сквозь ветровое стекло, он не увидел дождя, вообще.

— Я иду на вечеринку, — объявил Джо. — Хочешь пойти со мной? Угостишь меня выпивкой, как обещал.

— Да, угощу, — кивнул Алекс, — если только ты не сбежишь от меня как в прошлый раз.

— Что? — Джо выглядел несколько недоумевающим, так что Алекс решил не давить. Он выехал с обочины, и они отправились в путь.

— Чем был занят с тех пор, как мы виделись в последний раз? — поинтересовался Джо. — На ферме дел накопилось по горло. Все эта дурацкая засуха, я так рад, что наконец-то дождь пошел! Полагаю, ты работаешь в офисе, верно?

Засуха? Нынешнее лето выдалось унылым и пасмурным, а солнечные дни радовали редко.

— Точно подмечено, — ответил Алекс. — Да, я работаю в офисе — бухгалтером. Знаю, не особо

захватывающе, но работа хорошая.

Джо взглянул на него и просиял. Алекс же старался не отвлекаться от дороги.

— Держу пари, ты отлично выглядишь в костюме. — В голосе Джо определенно угадывались кокетливые нотки, и Алекс мысленно улыбнулся. *Замечательно, никто не флиртует со мной, пока я их не выдумаю.*

— Неплохо. — Когда они начали спуск с холма, Алекс переключил передачу. — Держу пари, ты отлично выглядишь в резиновых сапогах.

— Сидя на тракторе? — игриво уточнил Джо, с нарочито деревенским акцентом.

— Ну, да, — рассмеялся Алекс. — В этот раз нам не придется преодолевать брод…

Дорога была сухой, но когда они достигли низины, Джо покачал головой и положил руку на плечо Алекса.

— Здесь подземный поток. Тебе лучше притормозить.

Алекс сделал как сказано и услышал под днищем машины шум воды. Воды, которой там не было.

Я сошел с ума. Я совершенно тронулся.

Алекс переключил передачу и начал вести машину в гору. На Висельный Холм. Указатели на

перекрестке становились все ближе, а свет фар тускло отражался от них.

У Алекса пересохло в горле, и он умоляюще обратился к Джо:

— Не уходи. Пожалуйста, не надо, Джо. Прошу. Я…

На этот раз, добравшись до вершины холма, Алекс увидел, как Джо, который только что был здесь, в следующую же секунду растворился. Алекс вздрогнул и случайно выключил габаритные огни.

— Нет! — ударил он кулаками по рулю. — Нет, ты не должен уходить. Я вообразил тебя, так зачем же ты исчезаешь? Почему, когда я так *хочу* тебя видеть?

Он крепко зажмурился, пытаясь вернуть образ Джо — красная куртка, темно-русые волосы, большие голубые глаза. Алекс открыл глаза, но Джо так и не появился.

Подавшись вперед и сложив руки на руле, мужчина спрятал в них лицо.

* * * *

Алекс терпеливо стоял посреди библиотеки у стойки местной истории, пока не появилась библиотекарь с бейджем на шнурке и кучей

серебряных пирсингов на лице. Похоже, эта библиотека не включала в свой дресс-код кардиганы и очки на веревках из бисера.

— Нужна помощь? — спросила она.

— Да… возможно. Я пытаюсь разузнать о Висельном Холме.

Библиотекарь просияла. Но учитывая, что на ее футболке оказался изображен череп, Алекс не удивился такой реакции. Похоже, он нашел того, кто не боится ничего жуткого.

— О, вау, Висельный Холм такой потрясный, правда? Я проезжаю мимо, когда еду навестить тетю, и это так странно, думать обо всех этих телах, захороненных под дорогой, по которой движется автобус. — Девушка начала рыться на полке позади и, казалось, эта мысль доставляет ей чрезвычайную радость. — У меня тут есть книга о знаменитых местных казнях. Подойдет?

Алекс слегка облокотился на стол.

— Это не… не совсем то, что я ищу. Меня интересует, есть ли истории о каких-либо странных происшествиях на Холме?

Она хохотнула.

— Помимо автобусов, ездящих по мертвецам?

Алекс изо всех сил постарался выдавить из себя улыбку.

— Ладно, может, тогда книга о местных привидениях? — предложила она.

— Не совсем призраки, но… — Алекс принял решение, он должен выяснить раз и навсегда галлюцинации это, или что-то еще. — Ну да, возможно, это пригодится.

— Призраки приходят под влиянием странных событий, — заверила библиотекарь. — Сейчас сбегаю и принесу книгу. Я мигом.

Она убежала, оставив Алекса в одиночестве стоять у стола. Он повернул книгу о казнях обложкой вверх и от вида четкого изображения петли его передернуло. Алекс начал листать страницы, вскользь пробегая взглядом по историям жизни и смерти местных бездельников. *Скорбит ли кто-нибудь о казненных?*

Библиотекарь вернулась и протянула ему тонкую книгу, на обложке которой оказалось изображено серое, похожее на призрак существо, парящее над пустынной сельской дорогой.

— А вот и мы! Здесь целый раздел о Висельном Холме.

— Целый раздел? Как много призраков в этом месте?

— Достаточно, — кивнула она. — Почтовая карета и контрабандист, невзрачная леди, чер-

ная собака… ну, знаете, как призрачный пес в Блитбурге. И всякое такое. — Она заглянула в глаза Алексу, и шепотом спросила: — Вы видели одного из них?

Гадая, что его выдало, Алекс дрожащей рукой положил книгу на стойку обложкой вниз.

— Кажется, видел… что-то странное. А может и ничего. Наверное, просто причудилось.

— Или вы реально могли что-то увидеть. Я видела, — постучала она себя по груди. — Прямо в этом самом здании. Старика на лестнице. Я протянула ему руку, чтобы помочь, но приблизившись ко мне… *он сразу исчез*.

Алекс отступил на шаг от стола. *Джо не может быть призраком. Призраки не ведут беседы.* Парня выдумало его подсознание, и прийти сюда в поисках историй о привидениях глупая затея.

Но не успев опомниться, Алекс передал девушке свою библиотечную карточку и уже через мгновение шагал домой с книгой под мышкой.

* * * *

Алекс не сразу прочитал книгу. Она лежала на кофейном столике, распространяя зловещую тревогу по всей квартире. Обложка пугала, и мужчина прикрыл ее журналом, оставив лежать

там, а сам отправился вечером гулять с Торой и ее друзьями. Однако на самом деле он был совершенно не настроен на общение.

Эта книга, эта книга…

— Ты все еще выглядишь изможденным, — сообщила Тора. — Взгляни на себя. Такой бледный.

— Я не ездил в отпуск в этом году, а здесь загореть не удалось, — рассмеялся Алекс, хотя знал, что прозвучало это неубедительно.

Два года назад он был в отпуске со своим тогдашним бойфрендом. Алекс умудрился испортить великолепную неделю на Майорке в последний вечер, когда за ужином, подвыпив шампанского, сделал ему предложение и получил отказ.

Он и по сей день слышал свой дрожащий голос:

— Нам не обязательно жениться прямо сейчас. Может, когда-нибудь. Через пару лет. Я просто хочу обменяться обещаниями. И все.

— Мы встречаемся всего восемь месяцев, Алекс, и вдруг, ни с того ни с сего, ты хочешь гребаную свадьбу!

— Я просто…

Алексу так и не удалось закончить фразу. Они с Марком расстались, как только забрали свои

чемоданы с конвейерной ленты в Станстеде.

Возможно, у мертвых отношений существуют свои призраки. Призрак прошлой любви. Но скорей всего, Марк никогда и не любил его. Теперь Алекс очень в этом сомневался.

— Ты в порядке, Алекс? — погладила его по руке Тора, и Алекс моргнул, возвращаясь в настоящее.

— Извини. Задумался. Чувствую… не то чтобы ностальгию, но просто вспомнил о том отпуске, с Марком.

— О, не говори мне о нем! — подняла руку Тора. — Никакого Марка, этого отвратительного ублюдка. Ты заслуживаешь лучшего, Алекс, гораздо лучшего.

Но Марк был последним парнем Алекса.

Он прислонился спиной к стойке бара и неспешно оглядел помещение. Найдется ли здесь мужчина, с которым он решится пойти на свидание, если представится такая возможность? Вокруг болталось несколько симпатичных парней, и Алекс задавался вопросом, приглянулся ли он кому-нибудь из них. Он был среднего роста, темноволосый, кареглазый и неплохо сложен, но знал, что не сногсшибателен. Никто не станет бросать на него томные взгляды через переполненную комнату и оставлять друзей, чтоб

попытаться завязать разговор.

На самом деле, случись такое, он почувствовал бы себя неловко. Так что, может, и к лучшему, что никто не подойдет. Он не был в восторге от попыток своей матери его сосватать. Будет лучше, если все останется как есть. Лучше…

Джо?

Алекс заметил медноволосого мужчину, как только тот вошел в бар и сразу расправил плечи, улыбнувшись через всю комнату.

Но он не настоящий, идиот.

Снова взглянув на парня, он понял, что это вовсе не Джо, немного похож, но не он, да и увидев улыбку Алекса, тот сразу отвернулся.

Заказав выпивку, Алекс слушал, как смеются Тора и ее друзья. Раз друзья хорошо провели время, то и он с полной уверенностью может сказать о себе то же самое.

Поэтому отклонив предложение зайти перекусить после паба, отправился домой. Он просто ляжет в постель и…

Библиотечная книга.

Корешок, торчащий из-под журнала, с наполовину скрытым названием попался на глаза.

Не самая лучшая книга для чтения на ночь, но стоило ее увидеть, сон как рукой сняло.

Алекс заварил себе фруктовый чай и устроился в своем любимом кресле, включив лишь напольный торшер. Библиотекарь услужливо положила бесплатную закладку с рекламой местной фирмы такси в начале раздела о Висельном Холме. Позабыв о чае, стоящем на столике рядом, Алекс начал читать.

С незапамятных времен на Висельном Холме творилось нечто очень странное. Изначально это место использовали друиды для жертвоприношений, затем пришли римляне и вытеснили их. С тех пор древний перекресток в течение сотен лет был местом, где преступников отправляли на смерть. В семнадцатом веке здесь вешали ведьм, практикующих магию, а затем хоронили на месте, где сейчас пролегает дорога. В восемнадцатом веке — разбойников и пиратов. К началу девятнадцатого века казнь осужденных преступников через повешение на перекрестке отменили, но Висельный Холм, отдаленное место на краю долины с Римским захоронением всего в паре миль от нее, и по сей день считается жутким местом. Призрачный пес пугал водителей красными, как тлеющие угли глазами, что перебегали дорогу в ночи, и они теряли управление.

Прочитав эти строки, Алекс оторвался от книги. *Так вот как появились те следы шин.* Но он не мог себе представить, как кто-то признается в том, что свернул с дороги, увидев адского пса. По крайней мере, ему такие не встречались.

Алекс вернулся к чтению.

На этом пустынном участке видели почтовый дилижанс, пассажирами которого, как полагают, была семья, убитая разбойником, позже вздернутом на Холме. Даже в наши дни, в годовщину этой жестокой расправы, можно услышать крики.

Алекс задрожал и натянул на плечи плед с кресла.

Невзрачную леди также встречали в этих окрестностях. Считается, что дама бросилась с дамбы после того, как ее суженый пропал в море. Ее призрак бесцельно бродит туда-сюда и зовет свою мертвую любовь.

Иногда по ночам в полях у дороги можно увидеть свет призрачных фонарей давно умерших контрабандистов, спускающихся к дамбе, чтобы забрать контрабанду. А чуть позже на дороге становится слышен скрежет тяжелого дерева и металла, когда те же призраки катят бочки с

ромом и вином в свои логова на болотах.

Алекс перевернул страницу. Оставался всего один абзац, и если там окажется что-то вроде того, что он только что прочитал, то это точно бредовые слухи, которые никто никогда не сможет подтвердить. Он не удивился, что библиотекарю пришлось искать книгу за пределами местного исторического отдела — небось эта чепуха лежала в художественной литературе.

Алекс взял себя в руки и, сделав глоток чая, продолжил:

В современность ко всем этим духам присоединился еще один — дух молодого человека, появляющийся на пассажирском сиденье авто ничего не подозревающих водителей.

Алекса начало знобить, хотя окна были закрыты, а отопление работало, но он продолжил читать.

Считается, что призрак неудачливого автостопщика начали видеть с середины 1970-х годов. Никто не знает, кем он был при жизни. Призрак появляется лишь на минуту или около того, а затем, как только машина достигает Висельного Холма, исчезает. Его молчаливое присутствие

необъяснимо.

Оцепенев, Алекс уставился на страницу, перечитывая снова и снова, пока слова не закружились у него в голове, как навязчивое заклинание.

Но я знаю, кто он такой.

* * * *

В воскресенье Алекс решил навестить мать, отчасти потому, что не хотел оставаться один, но в основном для того, чтобы снова отправиться на Висельный Холм. Родительница удивилась столь неожиданному визиту, так как наслаждалась тихим воскресным обедом с мужчиной, который, как вскоре понял Алекс, оказался ее бойфрендом. Что было довольно неловко. До этого момента он не знал, что у матери кто-то есть.

— Хорошо выглядишь, — похвалила его мать, когда полчаса спустя Алекс собрался уходить. — Я беспокоилась о тебе.

— Все в порядке, мам. Правда. Я уже большой мальчик и могу о себе позаботиться.

Она заключила его в объятия.

— Каким бы взрослым ты не стал, ты навсегда останешься моим маленьким мальчиком. Позвони мне, как доберешься.

Мать Алекса и ее бойфренд, довольно тихий седовласый джентльмен, стояли на пороге и махали Алексу, пока он не скрылся из виду.

Начался отлив, и Алекс без труда пересек дамбу. Но стоило добраться до суши, руки на руле задрожали, и мужчину снова поглотили мысли о мрачной дороге.

Неудачливый автостопщик.

Что, черт возьми, произошло? Неужели кто-то сбил Джо? Неужели кто-то… Боже, нет, если бы кто-то убил автостопщика на главной дороге, ведущей в город, это стало бы общеизвестно, подобное упоминалось бы даже в книге с небылицами о привидениях. Неужели авария?

Возможно. Алекс знал насколько опасна дорога, особенно в темную дождливую ночь. Он довольно часто проделывал этот путь после того как родители переехали в деревню на острове, а сам он уехал в университет. Мужчина ездил по этому маршруту больше десяти лет. Так почему же Джо решил материализоваться в его машине именно сейчас?

Алекс помотал головой. Он остановился в том месте — как помнилось — где его тормознул Джо и вышел.

— Джо? — позвал мужчина. Ответом стало

лишь мычание нескольких коров, пасущихся в поле за деревьями. Они словно говорили, что ему пора отказаться от столь дурацкой затеи и вернуться домой.

Конечно, там никого не оказалось. Ведь Джо призрак. Если таковые вообще существуют. И появляется лишь по ночам, всегда вымокший от дождя. Даже в ясную погоду.

Разве не существует какой-то теории, что призраки застревают во временной петле, вновь и вновь проигрывая наиважнейший момент в своей жизни? Что, если каким-то дождливым вечером Джо поймал попутку, намереваясь отправиться на вечеринку в город, несмотря на ужасную погоду и отсутствие денег на такси? Что, если машина разбилась?

А вдруг Джо убили?

Алекс содрогнулся. Мимо — по направлению к Висельному Холму — пронеслась машина. Алексу показалось, что тот, кто сидел за рулем авто пялился на него, вероятно, недоумевая, какого хрена он стоит на обочине.

Ежевику собираю. Вот что.

Однако шутки-шутками, а в душу закралось ужасное чувство потери, от которого у Алекса перехватило дыхание. Вцепившись в ветку дере-

ва, мужчина закрыл глаза, пытаясь справиться с нахлынувшей волной отчаяния. Джо был молод, красив, приветлив. Он был именно таким парнем, которого Алекс пригласил бы на свидание, представься ему подобная возможность.

Но Джо мертв. Причем очень давно. Умер еще до рождения Алекса.

Неудивительно, что рука Джо казалась такой ледяной.

И все же Джо заговорил с ним. Больше никто из попутчиков Джо не удостаивался разговоров — по крайней мере, если верить этой книге историй о привидениях.

— Алекс?

Открыв глаза, он увидел перед собой Джо в промокшей куртке. Тот улыбался.

— Снова едешь в город, Алекс? Я бы не возражал, если бы меня подвезли.

Алекс крепко сжал ветку, затем пересилив себя, отпустил.

— Да, конечно, я подвезу тебя. Но мы могли бы… не хочешь сначала поболтать немного?

— Да, хорошо, — ответил Джо. — Ты в порядке под дождем? У тебя нет зонтика.

Алекс сунул руки в карманы.

— Нет… нет, мне и без зонтика хорошо, но

спасибо.

— Вечеринка обещает быть веселой, — произнес Джо. — Я собирался захватить с собой кое-какие пластинки, но забыл! Что за идиот. Не могу же я теперь под таким ливнем вернуться домой и забрать их.

Жаль, что ты не вернулся. Тогда, возможно, ты остался бы жив.

Алекс попытался улыбнуться.

— Ну что ж… Уверен, все остальные привезли кучу пластинок. Ты все еще хочешь пойти выпить? — поинтересовался Алекс, хотя и знал, что им никогда не доведется выпить вместе.

И в этот момент Алексу почудилось, что он видит сквозь дымку времени, словно в телескоп. Джо десятки лет назад путешествовал автостопом по этой дороге и так и не попал на вечеринку. Оказавшись в ловушке между местом, где сел в машину, и местом, где закончилось путешествие.

— Да, с удовольствием. Знаешь, я слышал об одном очень неплохом пабе. Где… ну, где мы сможем спокойно выпить. — Джо подмигнул ему, и Алекс понял, что тот имеет в виду. Паб, в котором ничего не имеют против *мужчин, которые интересуются мужчинами*, как выразилась

бы его мать.

— Здорово. — Алекс внимательно посмотрел на Джо. Молодой человек был прекрасен. Заперт во времени и прекрасен.

Джо смущенно отвел взгляд.

— Почему ты так на меня смотришь?

— Прости. Это было грубо с моей стороны. Больше не буду. — Алекс уставился на свои ботинки. — У тебя чудесные голубые глаза, Джо. Я всего лишь это хотел сказать.

Джо ответил не сразу, и в затянувшейся тишине Алекс услышал отдаленные звуки уличного движения, крики птиц на болотах и звон церковного колокола. Посмотрев сквозь листву верхушек деревьев, мужчина увидел церковную башню.

Но, казалось, Джо не слышал звона колоколов. Этим воскресным днем его здесь не было. Он застрял в дождливом субботнем вечере сорок лет назад. Хотя в конечном итоге колокол прозвенел по Джо, когда его вынесли из церкви на кладбище.

Джо просиял, глядя на Алекса.

— Лучше поторопись, если мы собираемся пропустить по стаканчику до вечеринки!

— Да, пора шевелиться. — Но Алекс словно прирос к месту. Потому как знал, что произойдет,

стоит им достигнуть Холма. — Послушай… ты уверен? Мы могли бы прокатиться в город по живописному маршруту, минуя Висельный Холм.

Джо шагнул к нему и Алекс впервые ощутил его запах. Помимо аромата свежести дождя и сельской местности Алекс чувствовал нотки сандалового дерева, бергамота, ванили и табака. Одеколон 70-х годов, предположил он.

— Поехали, Алекс. Живописным путем, да под дождем мы протащимся целую *вечность*.

Алекс опустил голову. Сможет ли он это сделать?

Джо приподнял подбородок Алекса холодными пальцами, и мужчина снова уставился в эти большие голубые глаза.

— Никто не смотрит, — с дерзкой улыбкой Джо наклонился ближе и коснулся легким поцелуем губ Алекса. — Обещание продолжения.

Затем подмигнул и забрался на пассажирское сиденье.

На мгновение мужчина застыл, губы покалывало, а ощущение поцелуя накрывало снова и снова.

Могут ли призраки целоваться?

Он сел в машину и, прежде чем включить зажигание, погладил Джо по ледяной щеке.

— Ты просто прелесть.

— Ты тоже, — прошептал Джо, притягивая Алекса за шею холодной рукой для нового поцелуя.

Сначала соприкосновение их губ было едва уловимым, но потом Джо приоткрыл губы под напором Алекса, и все свелось к единственному ощущению — мягкости и удивительной теплоте поцелуя. Когда поцелуй стал глубже, тихий стон Джо подсказал Алексу, что это может с легкостью продолжиться, что они могут…

Алекс отстранился.

Ты ненастоящий.

Джо уставился на него широко распахнутыми голубыми глазами, в глубинах которых застыло замешательство.

— Алекс? Разве ты не хочешь…? Я знаю, быть геем нелегко, но в наши дни это нормально. Больше не нужно беспокоиться о фараонах. Если только ты не хочешь пошалить прямо в машине. Кстати, я не против, но тогда нам нужно место поуединенней.

Фараоны? И тут Алекс понял. Парень имел в виду полицию. *Черт возьми, что за древний сленг.*

— Дело не в этом. И я был бы счастлив пошалить с тобой в машине. Но… давай сначала узнаем друг

друга получше, ладно?

Джо погладил Алекса по плечу.

— Ладно, ладно, ты прав. Может, сходим на свидания и все такое? Я бы хотел, чтобы из нас получилась настоящая пара.

Алекс взглянул на свое отражение в зеркале заднего вида.

— Серьезно? Сомневаюсь, что я такой уж хороший улов.

Он завел мотор. Внутри все перевернулось, и его начала поглощать тупая боль — очень скоро Джо снова исчезнет.

— Ты великолепен, Алекс! И как я уже говорил, держу пари, ты потрясающе выглядишь в костюме.

Алекс рассмеялся.

— Тогда на следующую нашу встречу я надену костюм. Как тебе такое?

— Да, пожалуйста!

Алекс улыбнулся. Теперь он рассмотрел, что за расстегнутыми верхними пуговицами дождевой куртки Джо торчит длинный заостренный воротник рубашки. Узор на ткани не был столь кричащим, как считалось модным во времена Джо, но все же этот воротничок несомненно 70-х годов. Как и прическа Джо, дошло до него нако-

нец. То, что Алекс принял за чрезмерно отросшие волосы, нуждающиеся в стрижке, было модным во времена, когда жил Джо.

Завтра вечером Алекс сможет приехать в костюме, но Джо всегда будет в одной и той же одежде. В той самой, которой нет сносу вот уже более сорока лет.

Джо начал подпевать группе ABBA, звучащей по радио, и Алекс присоединился к нему. Они пели всю дорогу — спускаясь по склону, проезжая подземный ручей и вверх, к Висельному Холму. За несколько секунд до того, как Алекс осознал, что Джо вот-вот исчезнет, он повернулся и уверенно сказал ему:

— Я обещаю. Мы еще увидимся, очень скоро.

Как он и ожидал, Джо исчез, а радио снова заработало без помех. Алекс сморгнул слезы, но ему ничего не оставалось, как продолжать путь домой.

* * * *

На следующий день в обеденный перерыв Алекс смотался из офиса и направился в библиотеку. Он снова ждал у стойки местной истории, и тут появилась библиотекарь, с которой он разговаривал прежде. На этот раз в футболке с

изображением Бела Лугоши из Дракулы.

— Как истории о привидениях?

Алекс глубоко вздохнул и ответил:

— Раздражающе мало ссылок на источники.

Она рассмеялась.

— Говорите, как мой старый препод из универа!

— Просто меня интересует… в книге упоминается призрак автостопщика, который начал появляться где-то в 70-х годах. Поэтому я предположил, что конкретно этот призрак появился в результате чего-то, что произошло в 1970-х годах на Висельном Холме. Несчастный случай или, может, что-то подобное?

Библиотекарь задумчиво постучала пальцем по столешнице.

— Да, вполне вероятно.

Алекс на мгновение закрыл глаза, представив себе Джо, всю его жизнь, оставшуюся на мокрой, опасной дороге.

— Как бы мне это выяснить?

— Газетный архив, — усмехнулась она. — У нас есть местные газеты на микрофильмах, вам просто нужно пролистать их и посмотреть.

— Ааа…

— Хотя это может занять довольно много време-

ни. К сожалению, они не индексируются, — она скорчила смешную гримасу, затем вышла из-за стола и указала Алексу на металлические шкафы. — Вот что я скажу. Вы можете начать прямо сейчас, а если заполните кое-какую форму запроса, я могу сделать это для вас. Десять фунтов в час.

— Правда? О, слава Богу. Берите сколько хотите!

— Рада, что вас это не пугает. Обычно, когда я говорю «десять фунтов в час» то все, что слышу в ответ, это крики и топот убегающих ног. — Она открыла один из ящиков в металлическом шкафу и начала доставать коробки с микрофильмами. — Кстати, меня зовут Сара.

— Меня Алекс, — улыбнулся мужчина.

Сара загрузила первый микрофильм в огромную машину, выглядящую как раритет 1970-х.

— Полагаю, ты не откажешься рассказать мне, почему так заинтересован в этом автостопщике? На днях ты обмолвился, что видел что-то странное, и мне просто интересно — ты видел его, автостопщика?

— Эмм… — *Он великолепен, и я вижусь с ним по несколько минут в машине.* — О, просто часто проезжаю там, моя мать живет на острове. И я

слышал о странных вещах, происходящих на этой дороге, и… и мне стало интересно, не связано ли что-то, что я видел, с автостопщиком. Вот и все, правда.

— Да, я тоже кое-что слышала об этой дороге. Хотя один раз к нам приходил парень, который видел, как призраки римских солдат маршировали через подвал — все как один без ног ниже колен! — Сара рассмеялась, затем повернула слайд, чтобы сфокусировать изображение на экране. — Поехали! Стандарт, январь 1970. Лучше начать с самого начала. Я принесу бланк запроса, а ты пока можешь приступить к поиску.

Позволив Алексу сесть, она указала на аппарат.

— Эта кнопка — вперед, а эта — назад.

За время, оставшееся от обеденного перерыва, Алексу не удалось отыскать в старых газетах упоминаний о Висельном Холме. Он старался не угодить в кроличью нору из случайных историй о концертах в его бывшей школе, праздниках в деревне, где он когда-то жил, и древних рекламах товаров, которые в наши дни никто не пожелал бы покупать.

По крайней мере, к концу поисков он почувствовал себя лучше от того, что начал узнавать

о десятилетии, в котором жил Джо, но которое закончилось еще до рождения Алекса.

— Я напишу тебе на электронку, когда что-нибудь откопаю, — пообещала Сара собирающемуся уходить Алексу, пока тот застегивал пальто. — Как дойду до 1980 года пришлю тебе все, что нашла об автостопщиках или несчастных случаях на этой дороге. Ты же это хочешь найти?

— Да, было бы чудесно.

— Это займет несколько дней, — предупредила Сара, — но я найду твоего попутчика!

* * * *

Вместо того, чтобы отправиться с работы прямиком домой, Алекс снова решил проехать по дороге Джо. Поправив костюм, он развернулся и выехал на проселочную дорогу сразу за дамбой. Немного опустив стекло, мужчина включил ретро-радио, надеясь, что Джо услышит музыку и она каким-то образом поможет ему материализоваться. Надежды Алекса оправдались и Джо появился на краю обрыва.

Стоило Алексу притормозить, парень подбежал к машине и запрыгнул в салон, разбрызгав повсюду дождевые капли.

— Алекс! Ты снова здесь, красавчик!

— Совершенно верно! А на мне… — Алекс с усмешкой указал на прекрасно сидящий темно-синий костюм.

— Я оказался прав, ты невероятно потрясающе выглядишь в костюме.

— Рад, что ты так думаешь.

— Где ты его взял?

— Костюм? Джон Льюис кажется. — Алекс не смог сдержать самодовольную ухмылку. — Тебе нравится?

— Очень. Похоже на шестидесятые, да? Значит, ты не поклонник удлиненных воротничков?

Алекс рассмеялся, вспомнив рекламу мужской одежды в газете, которую просматривал ранее.

— Не уверен, что это в моем стиле. Но тебе они идут.

— Спасибо. Это моя выходная рубашка. Не хотелось бы слишком выпендриваться, но выглядит притягательно.

— Давай отвезем тебя на вечеринку.

Алекс улыбнулся, хотя его сердце разрывалось при мысли о том, что Джо так и не попал на вечеринку, да и вообще никуда не попал. Выехав на дорогу с обочины, Алекс задумался, как скоро люди на вечеринке поняли, что Джо не придет? Возможно, лишь на следующий день? А родите-

ли? Когда они узнали об этом?

— О чем думаешь, Алекс? — поинтересовался Джо, постукивая пальцами о дверцу машины в такт песне Ареты Франклин, звучащей по радио.

— Ни о чем особенном. Разве что, как сильно хочу тебя поцеловать.

Они миновали подземное течение под дорогой и впереди показался Висельный Холм. Алекс съехал на узкую обочину, прежде чем Джо успел исчезнуть.

— Скажи «нет», если не хочешь. Если желаешь, чтобы вместо этого я поехал дальше и отвез тебя на вечеринку.

— Конечно же, я хочу тебя поцеловать. Я буквально стоял на обочине, ожидая твоего поцелуя, — Джо провел большим пальцем по подбородку Алекса. — Ты правда красивый. И просто потрясающе, что подвозишь меня вот так, когда я насквозь промок.

— Не стоит об этом.

Нет, не надо об этом. Пожалуйста, не надо.

Джо обнял Алекса за плечи и притянул ближе. Не в силах сопротивляться, Алекс игриво коснулся губами губ Джо, а мгновение спустя поцелуй стал горячим и глубоким. Джо *был* настоящим, таким же ощутимым, как любой другой любовник,

с которым встречался Алекс. Ничто не выдавало в Джо призрака и то, что он умер на этой дороге много лет назад. Алекс положил руку на грудь Джо и почувствовал под ладонью глухой стук сердца. Джо *был* жив.

По крайней мере, сейчас.

Без лишних разговоров Джо взял его за руку и потянул ниже. Алекс тут же пожалел, что они в машине. Рычаг переключения передач впивался ему в ногу, руль цеплялся за бедро, и любой прохожий мог их заметить…

И тут раздался стук в окно.

Алекс оглянулся через плечо. Это оказался *фараон*, как сказал бы Джо.

Который тут же исчез из его объятий.

Алекс приоткрыл окно. Раздираемый пустотой и отчаянием, он старался не скрипеть зубами, когда заговорил.

— Добрый вечер, офицер.

— Добрый. — Молодой полицейский с ямочкой на подбородке заглянул в машину. — Вы один?

— Э-э… похоже на то.

К несчастью.

— Мне показалось, что я видел кого-то еще… должно быть, тень. Могу я поинтересоваться, что заставило вас остановиться на обочине? Непо-

ладки с машиной?

— Нет… Нет, я… — Алекс совершенно растерялся. Он выдавил улыбочку, надеясь, что полицейский сочтет его безобидным чудаком и оставит в покое.

Полицейский вопросительно приподнял бровь.

— Вы…?

И тут на ум пришло объяснение.

— Вообще-то я просто провожу кое-какие исследования. Местная история, знаете ли. Ходят слухи, что на этом отрезке дороги появляется призрак автостопщика, и я хотел узнать, где именно. Вы ничего об этом не знаете? Наверное, часто здесь бываете?

Полицейский прищурился, но ответил.

— Я слышал кучу разных глупостей о привидениях и упырях на этой дороге, но позвольте заметить, этот склон опасен, и вы не должны останавливаться здесь без крайней нужды. Это небезопасно.

— А, понятно, — кивнул Алекс. — Тогда мне лучше отправиться в путь.

Алекс уехал в темнеющий вечер, сломленный и одинокий. Каким образом ему удастся поддерживать отношения — если это вообще можно

назвать отношениями — с призраком, который существовал в плену короткого отрезка дороги? Это невозможно. Это просто смехотворно. Безумно.

И тем не менее он все еще ощущал поцелуй Джо на губах.

* * * *

Алекс не поехал к матери, чтобы избежать дороги. И встречи с Джо. Она сама приехала в город, чтобы встретиться с Алексом в кафе во время его обеденного перерыва, желая рассказать о своем бойфренде.

— Ты ведь не возражаешь, правда? — Она нервно наматывала-разматывала салфетку на палец. — Не хочу, чтобы ты думал, будто я предаю твоего отца, но…

Алекс подлил себе чаю из фарфорового чайника.

— Я вовсе так не думаю. Здорово, что ты нашла кого-то. Просто удивился, хотя, наверное, не следовало заявляться к тебе домой без предупреждения.

Она похлопала его по руке.

— Я чувствовала себя немного провинившейся из-за того, что ты меня поймал, но… если ты не

возражаешь.

— Ну что ты, мам, я совсем не против. И даже если бы был — ты должна жить своей жизнью.

Мать кивнула и достала телефон, чтобы показать ему фотографии сына своей подруги. Алекс начал разглядывать их с вежливой улыбкой.

На следующее утро Алекс получил оповещение от Сары. Послание было кратким — она закончила рыться в газетах и нашла статью 1970-х годов о несчастном случае с автостопщиком на Висельном Холме.

Не дожидаясь обеда Алекс поспешно вышел из кабинета, сославшись на дела. Единственным человеком, который проявил хоть какое-то беспокойство была Тора, но он заверил ее, что волноваться не стоит и направился в библиотеку.

Там его встретила Сара, уже держа наготове распечатку с одного из микрофильмов. Не успев прочитать заголовок, он увидел фотографии на первой полосе. Два молодых человека. И один из них Джо.

Алекс сглотнул и отошел с распечаткой в тихое место в углу.

Статья была из газеты «Стандард», от первых чисел сентября 1976 года. Там сообщалось о наводнении, которое обрушилось на этот район в

выходные дни августовских Банковских каникул *(прим. пер.: общественный праздник в Великобритании)* после затяжной жары и засухи. Алекс провел по фотографии Джо кончиком пальца. Изображение было черно-белым и размытым, испещренное царапинами с микрофильма, но это был Джо. Алекс безошибочно узнал бы эту улыбку.

Под фотографией он прочел: «Погибший: автостопщик Джозеф Сиборн, 26 лет».

На странице была еще одна фотография — молодой человек с копной темных волос, из-за которых почти невозможно было разглядеть лицо. «Выживший: водитель Дэвид Берчли, 28 лет».

Алекс продолжил читать. Несмотря на полученные травмы, Дэвид каким-то образом добрался до соседнего фермерского дома, чтобы сообщить о несчастном случае, и по чистой случайности это оказался дом Сиборнов. Поэтому родители Джо почти сразу узнали, что с их сыном случилось несчастье. Они вызвали помощь, а затем последовали за Дэвидом через поле к искореженной машине, которая врезалась в дерево. Работники скорой помощи констатировали смерть Джозефа на месте происшествия. Также в статье вскользь сообщалось о том, что Джозефа похоронят в эту

пятницу в церкви рядом с фермой его родителей.

Алекс закрыл лицо руками и заплакал. Почувствовав чью-то руку, мягко сжимающую его плечо, мужчина поднял глаза и увидел рядом Сару, протягивающую ему салфетку.

— Печально, не правда ли? — сказала она. — Он всего лишь хотел съездить в город повидаться с друзьями.

— Спасибо, что нашла это. — Алекс вытер слезы и полез в карман за бумажником. — Сколько я должен?

Сара оглядела комнату и заговорщицки улыбнулась Алексу.

— Это бесплатно.

— Ты уверена?

— Конечно, — усмехнулась Сара. — Хочешь, я еще покопаюсь? Можно поискать в Отделе семейной истории.

Алекс помотал головой, свернул распечатку и сунул в карман пальто.

— Нет, это все, что мне нужно было знать. Спасибо.

Он плотнее закутался в пальто, пытаясь согреться. Стало холодно, смертельно холодно, все тело пробирал озноб. Дойдя до офиса, он предупредил начальника, что приболел и едет домой,

а затем сел в машину.

Отец всегда говорил ему: «Не садись за руль, если плохо себя чувствуешь». Но до дома было рукой подать.

Вот только Алекс не поехал домой. Он зашел в цветочный магазин за углом своего офиса и выбрав букет ярко-розовых лилий направился к Висельному Холму.

Он должен попрощаться. Нельзя продолжать в том же духе — встречаться с мертвецом, крадя короткие мгновения в машине. Навоображал ли он себе Джо или тот на самом деле был призраком, им не суждено быть вместе. У них не было будущего, потому что будущего не было у Джо — он навсегда застрял в нескольких минутах дождливой августовской ночи 1976 года.

Алекс пойдет в церковь и найдет могилу парня. Положит там лилии и пожелает Джо мира и покоя, подальше от Висельного Холма. Даже если это значит, что он больше никогда его не увидит.

Алекс притормозил на перекрестке, проверяя, нет ли машин, и выехал на дорогу. Он увернулся от столкновения с собакой — огромным существом со светящимися красными глазами и темной лохматой шерстью — неторопливо перебегающей дорогу.

Только когда стало слишком поздно, Алекс увидел металлическую решетку передней части грузовика и услышал сигнал клаксона. Грузовик протаранил бок его машины, и автомобиль Алекса, как в замедленной съемке, начал вращаться вокруг своей оси через обочину. Лилии разлетелись по салону розовыми брызгами. А когда по радио заиграла попсовая песня и столкновение с большим старым дубом стало неизбежно, на пассажирском сиденье появился Джо, протягивая Алексу руку и улыбаясь.

* * * *

Алекс заморгал от яркого белого света.

Значит, вот как выглядит рай.

Однозначно так и есть, потому что Джо стоял рядом, и они больше не были на дороге. Дождевик Джо тоже исчез. Его шевелюра больше не казалась влажной. Он держал руку Алекса и прикосновение было теплым. Отец Алекса тоже должен быть здесь, на небесах, и он взглянул на фигуру, стоявшую по другую сторону от его койки.

Койка.

Алекс почувствовал резкий запах антисептика и боль в груди, когда пошевелился. *Это не рай, а*

больница. Слева от него стояла медсестра в синей униформе, а когда она отошла в сторону, Алекс увидел мать. И ее бойфренда.

И Джо.

Который был таким же реальным, как занавеска позади него и кувшин на прикроватном столике, таким же настоящим, как боль в груди Алекса и капельница на тыльной стороне его ладони.

— Он пришел в себя! — обрадовался Джо.

Мать Алекса потянулась через кровать, чтобы погладить Джо по руке, а затем обняла Алекса.

Медсестра рассмеялась.

— Осторожнее, ему все еще больно. Сломанные ребра — это не очень весело.

Мать отпустила Алекса и убрала волосы с его лица.

Он вздрогнул, пытаясь перевести дыхание.

— Что… что случилось?

— Ты попал в аварию, — объяснил Джо. Его голос был точно таким же, каким помнился Алексу, и он непонимающе посмотрел сначала на него, а потом на их сцепленные руки. — Но ты в порядке. Помимо синяков и сломанных ребер. И пары порезов, но они перевязали их. С тобой все будет в порядке.

— Твой друг Джо был с тобой в машине, — объяснила мать Алекса. — Вас сбил грузовик, а потом вы врезались в дерево. Прямо лоб в лоб! Нам повезло, что мы не потеряли тебя. Авто врезалось в дерево со стороны водителя, а не пассажира. Джо не пострадал.

— Я увидел собаку. На дороге, — признался Алекс. — Поэтому свернул… кто-нибудь нашел собаку?

— Нет, — ответил Джо. — Не беспокойся о собаке. Уверен, с ней все в порядке.

Мать Алекса поманила своего бойфренда.

— Надеюсь, ты не возражаешь, что я взяла с собой Дэвида. Он лишь хотел навестить тебя, правда, Дэвид?

Дэвид нерешительно потрепал Алекса за другую руку.

— Веришь или нет, но я попал в аварию на том же самом месте много лет назад. Подобрал автостопщика под дождем, а через несколько минут… не могу даже вспоминать об этом. — Дэвид сглотнул и взглянул на Джо. — Автостопщиком был молодой человек — вы мне его очень напоминаете. Никогда не забуду его лица. Видите ли, он… ему не довелось попасть в больницу. Ни дня не проходило, чтобы я не чувствовал себя

виноватым.

— Вы не должны терзать себя виной, — голос Джо звучал мягко и всепрощающе. — Не ваша вина, что эта дорога опасна в дожди. Не нужно корить себя.

Дэвид кивнул Джо.

— Спасибо… это много значит.

Алекс снова с трудом перевел дыхание и сумел произнести:

— Не могли бы вы дать нам с Джо секунду?

Мать суетилась вокруг Алекса, поправляя одеяла, словно собиралась уложить спать.

— Почему ты не сказал мне, что у тебя есть молодой человек? — спросила она едва слышным театральным шепотом. — Джо просто прелесть! Ни на минуту не отходил от тебя!

— Мы не очень давно знакомы, — признался Джо. — Но ради Алекса я готов на все.

Даже переступить грань между жизнью и смертью.

Мать Алекса выскользнула за ширму вслед за Дэвидом и медсестрой. Оставив Алекса наедине с призраком.

Который больше не был призраком. Уже нет.

— Ты умер, Джо, — пробормотал Алекс. — Сорок лет назад. Как… как ты можешь быть здесь?

Джо присел на край кровати, и Алекс почувствовал, как матрас прогнулся под его тяжестью — Джо был настоящим. Определенно.

— Я и сам не знаю. Когда тебя подрезал грузовик, я оказался с тобой в машине, и увидев, что мы несемся на дерево вспомнил… вспомнил ту дождливую ночь, когда видел все это раньше, и только тогда я осознал… — Джо оглядел занавески вокруг койки, затем повернулся к Алексу и прошептал. — Я был призраком. До этого момента я ничего не понимал. Все эти годы, сидя в чужих машинах, поднимаясь на холм в надежде попасть в город, я снова оказывался внизу под дождем. Понятия не имея, что умер. Разве это не странно?

Это была отнюдь не единственная странность в происходящем, но Алекс подбадривающее улыбнулся. Джо еще крепче переплел свои теплые пальцы с пальцами Алекса.

— И я понял, Алекс, я понял, что через мгновение ты умрешь. Держал тебя за руку и все думал: «Здесь будет не так одиноко, если ты будешь со мной». Но ты не умер. А теперь… Теперь и я могу жить.

— Такие вещи не… не могут происходить. — Алекс уставился на Джо в его рубашке с длинным воротником 70-х годов, затем заглянул в его

бездонные голубые глаза, излучающие спокойствие. — Но тебе выпал второй шанс. Как и мне.

— Знаю. И не принимаю это как должное. Ничего из этого. Честно говоря, я так же удивлен, как и ты. Я не понимаю этого и не думаю, что когда-нибудь пойму. — Джо рассмеялся и взъерошил волосы Алекса. Мужчина ощутил эту улыбку на своей коже, как тепло солнца, а Джо добавил: — Но, по крайней мере, теперь ты можешь пригласить меня выпить.

Конец

«Плащ, банан и Хэллоуин»

Маз Меддокс

Переводчик: *Олеся Левина;*
Редактор: *Эра.*

Аннотация

Винсент далеко не фанат Хэллоуина.

Все эти дурацкие костюмы и суматоха — для него перебор. Единственная причина, по которой он все-таки решается купить костюм — симпатичный эмо-бариста с колечком в губе.

Кого вообще может оставить равнодушным пирсинг?

Но есть одна проблема — последний раз Винсент флиртовал в далеких девяностых и немного подрастерял форму.

Ох, и он вампир, кстати.

Который понятия не имеет, что такое «Снапчат».

Ненавижу Хэллоуин.

Каковы бы ни были истоки этого по-настоящему ужасного праздника, сейчас он является причиной, по которой вполне себе разумные люди выряжаются в это день, как посмешище. Посмешище и его сексуальные вариации. Некоторые переодеваются поп-звездами, актерами, всевозможными героями популярных фильмов и мультиков, или монстрами. Оборотнями, например, болотными тварями и, конечно…

Вампирами.

Некоторые подумают, что меня оскорбляет повально абсурдная имитация представителей моего народа, но, на самом деле, мне все равно. Бледный грим — ничего так, пластиковые клыки — прикольно, ну а викторианский прикид?

Выше всяких похвал. А кто не будет в этом классно смотреться?

Но лично я предпочитаю затаиться и переждать этот день. На самом деле, прошло уже приличных

двадцать-с-чем-то лет с моего последнего появления на праздновании Дьявола. То есть, появления вообще. Я взял творческий отпуск… от жизни.

По сути, последние два десятилетия я провел в вампирской версии медвежьей спячки. Довольно долгая история, но если в двух словах, у меня была серьезная причина — кол в сердце, и потребовалось некоторое время… пережить разрыв.

Ох уж эти бывшие, ага?

Очнувшись в этом мудрено-электронном году, я занервничал. Потом восхитился. Потом снова занервничал. Технологии заметно продвинулись за время моего отсутствия, но боже ж ты мой! Это был настоящий культурный шок! Я обожал 90-е. Именно тогда я окончательно стал вампиром. Я был чем-то вроде позднего цветка, и все эти вампирские дела как-то не сразу задались. Но в эпоху драных джинсов, гранж-рока и золотого века кино?

О-о-о, я был королем. Нереально крутым для мертвяка.

А сейчас?

Я даже не знаю, как разблокировать «Айфон». Ничерта не шарю в «Фейсбуке». Мне не нравятся джинсы-скини, пусть я в них и потрясно выгляжу. И что это за херня такая — «СнапЧат»?

Ну, серьезно. В чем прикол? Фоткать себя со странными анимешными рожами с мышиными ушами — это так сейчас развлекаются?

Охренеть не встать.

Кстати, вот вам забавный факт о вампирах и камерах смартфонов: Мы не совместимы. Уверен, вы слышали сотни разных бабушкиных сказок о том, что вампиры не отражаются в зеркалах. Так вот, это неправда — мы довольно часто и с удовольствием в них смотримся. Да, вот такие мы тщеславные засранцы.

Именно поэтому я перепробовал все «фейси» штучки.

Стоп. Не так.

«Селфейс»? Короче, селф… что-то. Когда надуваешь губы и фоткаешь свое лицо, держа телефон в вытянутой руке.

Как-то так.

Так вот, если мы смотрим прямо в камеру телефона, то наши глаза словно… душу сверлят насквозь. Жутко, да. Но я совсем не страшный, честно. Ростом около метра восьмидесяти, с телом пловца, темными волосами до плеч и обычными голубыми глазами. Иногда после ужина они приобретают тот же оттенок, как в «Интервью с Вампиром», но все же не такой безумный как

у Лестата.

Но если я смотрю в камеру, они становятся бесцветными. Понятия не имею, почему. Будто глядишь в пустые глаза демона. Зрачки становятся прозрачными, и кажется, что можно смотреть сквозь них.

Пугает до чертиков, если честно.

Что я реально люблю в этой эпохе, так это «Старбакс». Ну, точнее, мне нравится один конкретный бариста.

Сейчас осень, и светает довольно поздно. А значит, я могу упиваться ночной жизнью сколько душе угодно. Как в переносном, так и в очень даже прямом смысле — я могу пить кровь.

Без этого никак.

Его я впервые увидел, когда он припарковался и направился к небольшой кофейне «Старбакс» в дальнем углу торгового центра. Я сидел в машине, пытаясь разобраться, как, мать твою, работает навигатор, когда мальчик привлек мое внимание. Поразительное существо. Молодой, стройный, с крашеными черными волосами и челкой, прикрывающей левый глаз.

Мрачный. Как я люблю. Позже я узнал, что создаваемый им образ именуется «эмо». Производное от «эмоциональный», я думаю. Это стиль

такой, и в музыке, кстати, тоже, и он не так уж и плох. Хотя, по-моему, называть себя «эмоциональным» немного странно. Разве не все такие? Может, имеется в виду, слишком эмоциональные — ну, там, плачут часто или как-то так?

Как бы там ни было, мой мальчик очарователен.

И хотя кофе пить не могу, я последовал за ним в кофейню, чтобы заказать чашечку и, заодно, поговорить. Как последний лох, знаю. Но, о великий призрак Кобейна, паренек — настоящий красавчик. Черные волосы, бледная кожа, зеленые глаза… А эти губы? Колечко с правой стороны его пухлой губы вызывает у меня разные непристойные мысли.

С того дня это стало чем-то вроде утреннего ритуала: я прихожу в «Старбакс» к шести утра, покупаю кофе, который пить не стану, и флиртую с баристой. Его зовут Дэнни. У него мягкий, приятный голос. Когда разговаривает, он как-то так встряхивает головой, чтобы убрать с лица волосы. Очаровательно и очень смешно.

Каждый раз, пытаясь пригласить его на свидание, я буквально задыхаюсь. Будто за время спячки все мои способности супер-мега крутого вампира испарились. Я словно вернулся в свой

период неуклюжего сопляка.

Так продолжалось пару недель: я флиртую, он улыбается, я ухожу, чтобы вылить кофе в ближайший куст. Я уже был готов драть на себе волосы, но однажды Дэнни вдруг задал вопрос:

— Винсент? — он передал мне выпечку, которую я выкину позже, и прислонился к стойке.

— Да?

— Ты любишь вечеринки?

— А пчелы любят мед?

Он засмеялся.

— Ну, у моего друга завтра намечается вечеринка в честь Хэллоуина. Ты мог бы прийти.

Мое сердце пропустило удар.

— Интересно.

— Но тебе понадобится костюм. — И снова эта проклятая улыбка. Эти зубы, это колечко в губе — сексуально.

Костюм. Потрясно.

— Явлюсь при полном параде, чувак.

Он настоял на том, чтобы отправить мне адрес сообщением, хотя мне хотелось просто записать его на салфетке. Повезет, если до начала вечеринки я вообще вспомню, как разблокировать телефон.

И конечно же, это вечеринка в честь Хэлло-

уина.

Я уже говорил, что ненавижу Хэллоуин?

Тем не менее, вот он я, накануне этого муторного праздника, пытаюсь выбрать в магазине «Дух Хэллоуина» наименее идиотский наряд. Поскольку основная волна покупателей уже растащила более-менее приличные костюмы, мне достались только откровенно смешные вещи, или те, что не в тренде сезона.

Я остановился на двух: маленькой пастушке и гигантском банане.

И раз уж так случилось, что я мужчина, и для наряда пастушки комплектом убийственных сисек и задницы не обладал, выбор оказался очевиден — из магазина я ушел с костюмом чертова банана под мышкой.

Итак, я, бессмертный вампир, который питается кровью и спит в гробу. И я чертов счастливчик — мне выпал шанс воплотить самую дикую фантазию: превратиться в громадный фалообразный фрукт, и попытаться замутить с симпатичным эмо-боем чуть за двадцать с соблазнительным колечком в губе.

Ненавижу. Хэллоуин.

Я постарался не появляться на вечеринке раньше десяти. Здесь было оживленно, слава богу, без

детей, и достаточно теплых тел, чтобы разыгрался аппетит. Я, естественно, не конченый монстр, и поел до прихода. Никем закусывать на вечеринке, куда пригласил меня Дэнни, я не собирался.

Это было бы крайне невоспитанно с моей стороны.

Над моим костюмом смеялись почти все, что было немного обидно. Знаю, знаю, я взрослый мужик в костюме гигантского ярко-желтого банана, но да ладно. Показывать пальцем?

Но я все равно ничего не мог с этим сделать, поэтому взял пиво и оглядел толпу. Дэнни обнаружился сразу — он дымил электронной сигаретой с запахом жженной сахарной ваты. Он был в чем-то вроде костюма клоуна. Белый грим на лице, неоново-зеленый парик и фиолетовый пиджак. Сначала я подумал, что он, наверно, изображал какого-то злодея из фильмов 80-х, но потом я увидел его зубы.

Они были… металлическими. Значит, он клоун-робот?

Дэнни заметил меня и рассмеялся. Под белым гримом проступал румянец от выпитого алкоголя.

— Привет, Винсент! Классный костюм.

Раскинув руки, я покрутился перед ним.

— Ну что сказать? Попробуй найти молнию.

Очень смешно, дедуля.

— Чего?

— Вечеринка — что-то с чем-то! — сказал я, в то время как Дэнни притворялся, что пьет принесенное мной пиво.

— Вау, он и правда странно говорит. Я думал, ты шутишь, — сказал его друг в костюме викинга, приподняв брови, словно я разговаривал на латыни.

— Эм-м… А у тебя что за костюм? — спрашиваю Дэнни, который смотрит на меня с весельем во взгляде.

— Ты что, не смотрел «Отряд самоубийц»?

— Ох, эм… пока нет. — Наверное, это название фильма. Я мысленно пытаюсь добавить его в огромную кучу всего, что придется пересмотреть. Довольно скоро я потерял нить разговора. Оказывается, парень-викинг одет как герой из «Игры престолов», а комиксы «Марвел» с какого-то хрена вдруг стали самыми крутыми на свете. Я думал, что комиксы для ботанов.

Каждый раз, как я присоединяюсь к обсуждению, с горечью понимаю, что они считают меня смешным, при том не в хорошем смысле. Все мои слова звучат старомодно. Приятно, что Дэнни

пытается поддерживать со мной разговор. Но по мере того, как быстро заканчиваются темы, я внезапно осознаю, что у нас совсем нет ничего общего.

В смысле… Этот парень ни разу не смотрел «Криминальное чтиво». И как можно, мать вашу, не любить «Нирвану»?

Вдобавок ко всему, Дэнни и его друзья постоянно хотели со мной сфотографироваться и бесконечно жаловались, что я моргаю. Еще один повод меня подкалывать.

Каким-то образом, с обсуждения неизвестных мне групп и фильмов «Марвел» мы переключились на «Черепашек ниндзя». И вот тогда все стало действительно хреново.

— Боже, ты видел их оригинальные фильмы? — Дэнни засмеялся. — Те, что снимали в жутких девяностых. Я даже не досмотрел первую серию. Настоящая пытка.

Внезапно пирсинг в губе Дэнни перестал казаться милым.

Я со многим готов мириться и вполне могу признать, что слегка отстал на пару десятилетий. Но если тебя чем-то не устраивают мои ребята в панцирях?

Смело иди лесом, мудак.

С меня хватит.

Я смог улизнуть незаметно, потому что вся компания переключилась на обсуждение «Во все тяжкие». Испорчен идеальный вечер: зря вырядился бананом, да еще и с сексуальным баристой не вышло. Не самый мой удачный момент, а живу я уже довольно долго.

Но так просто сдаваться я не собирался. Только не в свой звездный час.

Бодрящий осенний ветер растрепал мои волосы и слегка охладил плавящееся в жутком костюме тело. Поскольку наряды большинства гостей вечеринки едва их прикрывали, в приятной прохладе двора практически никого не было. Только какой-то парень сидел в шезлонге, курил сигарету — настоящую — и смотрел на городские огни.

Общаться с кем-то желания вообще не было, но выкурить сигаретку — очень даже. Я давно ими не баловался, да и смерть от курения мне не грозит, так что я потащил свой банановый зад в сторону парня.

У него был красивый профиль. Молодой, может лет двадцать пять или около того, прямые, каштановые волосы до плеч под белой перевернутой козырьком назад кепкой. Длинное черное пальто оберегало от холода и доходило длиной до колен,

но было очевидно, что завсегдатаем спортзала он не был.

Парень так здорово вписывался в образ Молчаливого Боба из «Клерков», от телосложения до аккуратно постриженной бороды, что я расплылся в улыбке.

— Хм, — начал я, и, дождавшись, когда на меня обратят внимание, продолжил: — Если я попрошу сигарету, ты дашь мне ее *молча*?

От полученной в ответ улыбки я чуть не свалился. У засранца были ямочки. На обеих щеках.

К черту колечки на губах. Вся власть ямочкам!

— Знаешь, ты первый, кто понял мой костюм, — рассмеялся «Боб».

— Современная молодежь совершенно не разбирается в классике, — ответил я, плюхнувшись в соседний шезлонг.

— Ты без «Джея»?

— Ага. Подруга должна была прийти в его костюме, но кинула меня в последний момент.

— Отстойно.

— Чувак, вокруг одни сумасшедшие, — выдал он сакраментальную фразу своего героя.

Ох, какой замечательный человечек.

— Кстати, меня зовут Винсент. — Я пожал его руку и, боже мой, неслабая у него хватка. От его

сухой и теплой ладони исходили те идеальные искорки, от которых покалывает кожу, и поджимаются пальцы на ногах.

— Бен. — Он снова улыбнулся, удерживая мою руку чуть дольше, чем это сделал бы натурал.

Да-а-а-а!

— Итак, Бен, что такое красивое место делает в таком парне как ты? — продолжил я сыпать цитатами из фильмов.

— Да ты льстец. Готов поспорить, ты говоришь это каждому Молчаливому Бобу.

— Только когда сам в костюме банана.

Бен скосился на меня с видом знатока.

— Просто тебе хочется, чтобы кто-то оценил твой уровень калия.

Успокойся, мое взбесившееся сердце.

— Не могу я же лишать мальчиков желанного, — гордо произнес я, отчего Бен хохотнул изумительно прокуренным голосом.

— Знаешь, никак не пойму, почему ты выбрал банан. Из тебя бы вышел классный киллер Винсент Вега из «Криминального чтива». И имя совпадает. А это уже бонус.

Я не выдержал и рассмеялся. Забавно, но Винсент мое ненастоящее имя. Каждые несколько лет я выбираю новое, чтобы не вызывать подо-

зрений, и всегда выбор падает на киногероя.

Думаю, вы уже догадались, откуда Винсент?

— Раз уж ты упомянул. У меня есть подходящий черный костюм и белая рубашка. И, возможно, я умею фантастически танцевать твист.

Глаза Бена засияли.

— Самые сексуальные слова в моей жизни.

— Я старался. Слушай, — я подался вперед, и мой чудный банановый костюм сексуально заскрипел. — Не хочешь свалить отсюда?

— Ты серьезно? — спросил он со смешком, слегка сощурив карие глаза.

— Да, абсолютно. Давай сбежим. И устроим свой собственный праздник.

— Знаешь, у меня такое правило — задавать конкретные вопросы мужчинам в костюме фрукта, которые предлагают мне свинтить с вечеринки…

Я понимающе закивал.

— Отличная идея. Задавай.

— Говоря «сбежим»… что ты имеешь ввиду?

— Конкретно? — Бен кивнул. — Секс.

— Со мной?

— Желательно.

— Может, ты псих, или женатик, или наемный убийца… или еще кто? И проснусь ли я наутро по-

сле совместного секса с обеими почками? — Бен тоже склонился, копируя мою бананово-развратную позу.

Что безумно ему подходило, вплоть до выгнутой брови и озорной улыбки.

— Ну что ты, я не настолько похож на Вегу, а почки нынче стоят копейки. Предпочитаю печень или сердце. Более драматично. — Я вскинул руки и пошевелил пальцами для пущего эффекта.

— О, Винсент, не продавай меня на органы, — рассмеялся Бен, заставив мое сердце трепетать от вида его ямочек.

Но смех резко оборвался, когда я подался к нему и поцеловал в губы. Всего лишь легкое, как перышко, прикосновение, дающее понять, что я не представляю угрозы. От Бена пахло «Олд Спайсом», сигаретами и каким-то цитрусовым шампунем.

Я чуть подался назад, предоставляя ему выбор самому отстраниться или, наоборот, приблизиться. Если Бен на самом деле не хотел никуда со мной идти, ему достаточно просто отодвинуться. К счастью для меня, этого не случилось. Следующий поцелуй уже был иным, а привкус никотина лишь усиливал ощущение покалывания во всем

теле. Мы чуть не увлеклись слишком сильно, но смех пьяной девчонки, вывалившейся из дома, нарушил все очарование. К тому времени я так завелся от одного лишь поцелуя, что готов был завалить Бена на месте, доказательством чему был мой нехилый стояк.

Впервые за весь вечер я был рад своему банановому облачению.

— Ты далеко живешь? — спросил я.

— В паре минут ходьбы, — тут же отозвался Бен, а я едва не растаял от того, каким низким и чувственным стал его голос.

Мой вид размягченного банана заставил его рассмеяться, пока он помогал мне подняться. Мы не стали заморачиваться прощанием с хозяевами. Вечеринка и без нас уже была в полном разгаре, так что мы просто незаметно ускользнули.

Бен действительно жил недалеко, хотя и чуть дальше, чем «в паре минут ходьбы». Но для меня — в самый раз, чтобы угомонить первобытную натуру и от возбуждения не разорвать на клочки этого замечательно парня. По дороге мы говорили о классике, Бен советовал фильмы, которые мне могли понравиться.

Я узнал, что он окончил кинематографический

факультет, работает программистом и ведет подкаст о кино с той самой подружкой, которая сегодня должна была сыграть его Джея. Когда я спросил, что такое «подкаст», Бену это вовсе не показалось странным.

Он уже завоевал мое сердце. С Беном весело.

— Предупреждаю, — бросил он через плечо, отпирая дверь, — у меня там что-то вроде мокрой мечты кино-задрота. Смотри, не перевозбудись слишком быстро.

Я прижался к его спине и прошептал на ухо:

— Поздно. А теперь медленнее повтори «кино-задрот».

Расплывшись в улыбке, Бен прижался ко мне и распахнул дверь.

Матерь божья, он не приукрасил.

По всему впечатляющему пространству квартиры были аккуратно развешаны киноафиши в рамках. Все плакаты — и плохие и хорошие — были настоящим сокровищем киноискусства. «Тусовщики из супермаркета» делили одну стену с «Молчанием Ягнят». Но самым оргазмическим в его квартире были охренительный домашний кинотеатр и коллекция фильмов.

Несколько. Тысяч. Фильмов.

DVD, голубые диски (блю-рей?) и даже парочка

видеокассет.

Бен, скорее всего, собирался как-то скромно это прокомментировать, но я бы слишком занят его ртом. Мои руки потянулись к его одежде, стягивая тяжелое пальто и пробираясь к телу. Бен оказался не таким мягким, как я предполагал, во всяком случае, не в плечах и груди. В нем чувствовалась сила, несмотря на слегка полноватый живот.

Мне было пофиг. Бен до безумия меня возбуждал, я хотел его так сильно, что все тело было словно в огне. Его восхитительный смех и попытки стянуть мой костюм заставили меня улыбнуться.

— Это все надо снять, — заявил он.

С банановым костюмом я особо не церемонился, безжалостно содрав с себя проклятую штуковину, особо не заботясь, что под ней из одежды почти ничего не было. Поскольку внутри костюма было ужасно жарко, а я и так планировал потрахаться, то надел лишь боксеры.

Бен окинул меня взглядом и вспыхнул румянцем.

— Мать твою. Ты… как модель. Шесть кубиков и… полный комплект.

Вампирский бонус. Мы все вроде как невероятно сексуальные. Я поиграл чуток мышцами и

пошевелил бровями.

— У меня такого пресса нет. Заранее предупреждаю. — Бен нервно хохотнул и накрыл ладонью свой живот.

Я снова его поцеловал, подталкивая вперед, пока Бен не уперся спиной в кухонный островок. Мои руки были везде, бесстыдно лапая его грудь, руки, постепенно подбираясь к заднице.

— Я хочу тебя, — прошептал я между поцелуями. — Очень. В спальню. Умоляю. Или мы сделаем это прямо на кухне.

— Это негигиенично, — выдохнул он под моим напором и повел в требуемом направлении.

Здесь наверняка была еще более впечатляющая киноколлекция, но мне было совершенно не до нее. Меня волновало лишь то, как бы побыстрее раздеть Бена и прижаться к нему губами. От его солоновато-мускусного запаха я чуть не выпустил клыки, но все-таки сдержался. Меньше всего мне хотелось войти в Бена не той частью тела и раскрыть себя как вампира-убийцу.

Не раньше, чем на третьем свидании.

Но он такой вкусный. Каждая частичка его тела для меня — десерт с вишенкой сверху. Бен идеально скользнул толстым членом в мое горло, запутавшись пальцами в моих волосах. Обожаю,

когда мужчина издает звуки, а Бен сладко и тягуче стонал от каждого моего движения. Че-е-ерт, он такой занятный, как головоломка, которую, чтобы разгадать, нужно лизать и сосать.

— Можно мне тебя трахнуть? — спросил он, задыхаясь и прикрыв свои потрясающие глаза. Я медленно кивнул, и Бен расплылся в улыбке, демонстрируя ямочки на щеках. Он проворно раскатал по члену презерватив и откинулся назад в ожидании, а я в то время, как последняя сволочь, раззадоривал его до чертиков.

Было так забавно наблюдать, как округлились его прекрасные карие глаза, когда я скользнул в себя пальцами. Я покрыл их смазкой, лежавшей рядом с коробкой презервативов, и начал откровенно растягивать себя у него на глазах. Я тоже люблю пошуметь, так что оторвался на полную.

Бену нравилось. Очень.

Я сделал вид, что позволил грубо перевернуть себя на живот. Он, конечно, был намного слабее, но мне нравилось ему подыгрывать.

Я не сомневался, что Бен уверенно ведет себя в постели, но черт возьми, он обладал той еще интуицией. Он насаживал меня на свой член мучительно медленно, и я уже готов был молить его двигаться жестче, чтобы не сдохнуть к чертовой

матери. Поначалу мне казалось, что Бен слишком осторожничал, но наглый засранец просто надо мной издевался.

Когда он толкнулся до основания, я закричал от чистого удовольствия. Удовольствия, от которого поджимаются пальцы на ногах, и спину выгибает дугой. Бен обхватил мои бедра крупными теплыми ладонями и начал двигаться, лишь на миг убрав руку, чтобы смачно шлепнуть по ягодице.

Я раздвинул ноги шире, позволяя ему проникнуть глубже и жестче. Я охреневал от ощущения его члена внутри. Все мое тело простреливало разрядами удовольствия. Я начал ласкать свой член в такт толчкам Бена, уперевшись одной рукой в матрас. Бен навалился сверху и обхватил меня за шею, удерживая тем самым на месте.

Этот чертов искуситель шептал и стонал мне в ухо, посасывал мочку и вбивался с идеальной силой. Он чуть сместился, проехавшись по моей простате, и я заскулил. Буквально, блять. Кажется, даже глаза закатились.

Я пытался предупредить Бена, что вот-вот кончу, но смог лишь чего-то прохныкать и ускорить движения собственной руки, тем самым подавая ему сигнал. Он мастерски ударял по моему волшебному местечку, уделяя ему исключительное

внимание. Давление в яйцах зашкалило, перебросив меня через край. Перед глазами вспыхнули белые искры, и я обкончал все покрывало.

Бен откинулся, ухватившись за мои бедра, его ритм сбился к чертям в погоне за собственным оргазмом. Бен с криком кончил, и я, чувствуя, как теплое семя наполняет презерватив, содрогнулся. Я был бы совсем не прочь весь измазаться его спермой.

Может в следующий раз.

Бен, как истинный джентльмен, избавившись от презерватива, принес мне влажное полотенце и рухнул рядом. Я перевернулся на бок и обвился вокруг него, переплетая наши ноги и опустив голову ему на плечо. Бен улыбнулся мне в волосы и счастливо вздохнул.

— Думаю, мне нравится Хэллоуин, — лениво признал я.

— Ага, классный же праздник?

— Угу.

— Я бы поел чего-нибудь. А ты? — Он обводил пальцами мои лопатки, что вызывало мурашки по всему телу.

— Можно. — Я довел до совершенства умение притворяться, что притаюсь обычной едой. — Давай, закажем что-нибудь? Мой гардероб сейчас

слегка ограничен.

— Конечно. Дай телефон. — Бен указал на сваленную возле кровати груду одежды.

Я выпутался из объятий, подполз на животе к краю и потянулся к его джинсам.

— Я уже признавался в любви твоей заднице? — спросил он шутливо за моей спиной. Я чуть тряхнул задом и вытащил его телефон из кармана. Когда я перевернул его, чертова штуковина ослепила меня вспышкой света, заставляя прищуриться.

— Дьявольская хреновина. — Я потер глаза и отдал телефон Бену, а потом снова улегся вплотную к нему. Он хохотнул, что отдалось вибрацией мне в голову, которую я уже успел устроить на его груди.

— Пиццу? — спросил он.

— Идеально.

Я закрыл глаза, не мешая ему заказывать, и улыбнулся, во всем теле чувствуя отголоски нашего интимного танца. Я ощущал вокруг только запах Бена. Теплый, цитрусовый, прокуренный… Бен. И я даже с удовольствием притворюсь, что ем пиццу и возможно даже перед уходом посмотрю с ним фильм.

Да-а-а, Хэллоуин все же не такой отстойный.

Может, даже новый ужастик удастся посмотреть. Идеальная комбинация. Бен точно выберет что-то потрясающее.

— Ха, — с улыбкой произнес он. — Мой телефон тебя сфоткал, потому что решил, что ты хочешь его разблокировать.

— А? — рассеянно ответил я, вообще не соображая, о чем он говорит. Но когда в голове чуть развеялась посторгазменная дымка, я с тревогой распахнул глаза.

Однако было уже поздно.

Бен открыл мою фотографию с безумно взлохмаченными волосами и хмурой рожей.

А еще жуткими, бездушными глазами, сквозь которые был виден плакат «Криминального чтива», висевший у меня за спиной.

Гробовая тишина.

Я задержал дыхание.

— …Винсент, что за херня у тебя с глазами? — спросил Бен, уставившись шокированным взглядом на замершего на его плече меня.

Я выдавил слабую улыбку.

Полагаю, третье свидание резко перенеслось на первое.

Чтоб тебя, Хэллоуин.

«Чужак в доме»

Джо Лэньон

Переводчик: *bоomaga;*
Редактор: *Олеся Левина.*

Аннотация

В воспоминаниях Майлза Тьюздея Монреаль — счастливейшее место на свете, но теперь, когда он унаследовал особняк по адресу Брэйсайд, 13, все изменилось.

Было ли роковое падение с лестницы мадам Мартель, предыдущей хозяйки дома, действительно несчастным случаем?

И каким образом после ее смерти из особняка начали исчезать сокровища?

Одно лишь остается незыблемым со времен детства Майлза: он по-прежнему хочет, чтобы утонченный и красивый арт-дилер Линли Палмер обратил на него внимание.

Глава первая

Ворота заперты. Разумеется.

Ничего страшного, если не получится войти, с самого начала сказал себе Майлз. Он может подождать до понедельника, когда месье Тибо придет в свой офис и выдаст ему ключи. Достаточно просто осмотреть дом снаружи.

Но сейчас, когда сквозь причудливые завитки кованой ограды Майлз разглядывал укрытый красным плющом особняк в якобинском стиле с характерной бирюзово-зеленоватой кровлей из окислившихся медных листов, он решился на большее.

Потому что он вовсе не турист. Не в этот раз. Майлз приехал в поместье по адресу Брэйсайд, 13 в Уэстмаунте не из праздного любопытства. На самом деле этот дом принадлежал ему.

Два часа назад, в дождливый пятничный вечер, Майлз прибыл в Монреаль и заселился в гостиницу. Он даже не стал распаковывать вещи. Потому что до сих пор не мог отойти от шока, который охватил его при огласке завещания «тетушки» Маргаритки. Он не мог просто расслабиться и ждать, как… как зрелый, законопослушный гражданин. Вооруженный сомнительными аргументами, почерпнутыми в первом сезоне *«Аббатства Даунтон»*, Майлз убедил себя, что в особняке кто-то непременно должен быть, и этот кто-то обязательно его впустит.

Но нет. Величественный старинный дом, увитый золотой и красной листвой, погрузился в сумерки, а его окна оставались темны.

В нем никого не было.

Так что Майлз поступил как любой истинный американец. Молясь про себя, чтобы начало его канадской иммиграции не ознаменовалось грандиозным арестом за незаконное проникновение, он полез через ограду.

В двадцать шесть люди обычно уже завязывают лазать по заборам, но этот был не так высок, да и Майлз мог похвастаться неплохой формой. Ухватившись за верхнюю планку, он подтянулся и попытался найти опору на черных завитках металла. Это далось ему с некоторым трудом, но в конце концов Майлз неуклюже вскарабкался наверх, а затем спрыгнул на влажную брусчатку двора.

Он отряхнул джинсы и огляделся. Вечерние тени сгустились, гаражные ворота из натурального дерева по левую руку и обрамленная цветочными клумбами белая балюстрада справа таяли во тьме, становясь все более неразличимыми.

Майлз надеялся, что не активировал какую-нибудь сигнализацию.

Он не заметил камер видеонаблюдения. В прежние времена их тоже не устанавливали, но то были *очень* давние времена. Десятилетие назад. Ему было всего лишь шестнадцать.

Здесь такая *тишина*.

Майлз закрыл глаза и глубоко вдохнул этот дождливый вечер. Аромат влажных камней, мокрых листьев и осенних костров. Слабый привкус города. Отныне именно так будет для него пахнуть дом.

Майлз улыбнулся, но потом его охватило беспокойство. Он открыл глаза.

Тишина, которая окутывала дом, совершенно непривычная. Практически кладбищенское безмолвие. Так странно. Сад и вековые деревья, казалось, поглощали все звуки извне. В этом районе были и другие дома, но размер участка и густые деревья создавали иллюзию загородного поместья.

Майлз вдруг вспомнил, как во дворе вечно раздавался рокот спортивных автомобилей: молодежь гоняла туда-сюда в любое время дня и ночи. Он мог даже слышать призрачное эхо голосов: глубокие, рассудительные интонации Оливера, легкомысленные и саркастические комментарии Линли, фальшивый, но от этого не менее очаровательный акцент хозяйки дома. Ах, да, и музыка. Музыка звучала повсюду. Маргаритка была страстной поклонницей мюзиклов пятидесятых. И дом был полон ретро-мелодий в духе «I Love Paris» и «Que Sera, Sera».

Маргаритка любила рассказывать, что отказалась от карьеры танцовщицы в пользу брака с Гордоном Болеем, но мама Майлза говорила ему, что самое большое достижение ее любимой подруги в искусстве — неудачное прослушивание в колледже для *«Юга Тихого океана»*.

Майлз стряхнул пыль воспоминаний. Сейчас не время оглядываться назад. Перед ним шанс начать новую жизнь. Возможность создать будущее, о котором он мечтал — черт возьми, даже *не смел* мечтать.

Майлз пересек широкий, покрытый лужами двор, миновал снисходительно улыбающихся мраморных львов, окропленных недавним дождем, а затем — щемяще одинокий, словно забытая связка воздушных шаров, бронзовый фонарный столб с пятью круглыми белыми плафонами, покрытыми изморосью. Брусчатка уступила место черной сланцевой плитке. Майлз продрался сквозь мокрые, по-осеннему расцвеченные заросли, поднялся по узким изогнутым ступеням, миновал каменные урны, увитые влажными стеблями плюща, и вошел под резную каменную арку. В бездонной и настороженной тишине шуршание резиновых подошв его «конверсов» звучало подобно глухим раскатам грома.

Он остановился перед массивными двустворчатыми дверями из резного дерева со вставками из дымчатого стекла. Майлз глубоко вдохнул, медленно выдохнул и нажал на кнопку звонка.

По дому прокатился глубокая, звучная трель, которая через несколько мгновений растворилась в тишине.

Никто не отозвался.

Конечно, нет. Потому что никого нет дома.

Маргаритка умерла, ее сыновья разъехались много лет назад.

Майлз подождал и нерешительно нажал на звонок еще раз, кляня себя за малодушие. Кого он мог побеспокоить? Насколько он помнил, в доме всегда были *слуги*. Со своего места Майлз не мог увидеть, есть ли свет в задней части особняка. Он предположил, что люди здесь все-таки должны быть…

Но нет.

Мелодичный перезвон снова прокатился нарастающей волной и затих где-то в недрах дома.

Никто не подошел к двери.

Майлз вздохнул.

Что ж, придется подождать до понедельника. В конце концов дом никуда не денется. Открыт он для него или заперт, особняк все равно принад-

лежит ему. И каждый клочок четырех гектаров земли, на которых он стоит. Каждый след от сучка на полированном резном дереве, каждое стеклышко в витражах, малейший скол на кирпичной кладке, брусчатке и мраморе. Это все его. Безоговорочно.

Прошло пять дней, как он узнал об этом, но все еще не мог поверить.

Один лишь дом стоил больше девяти миллионов долларов. Девять. *Миллионов.* Когда Майлз получил письмо от месье Тибо, он сначала неправильно посчитал нули и решил, что речь идет о сумме в девятьсот *тысяч*, и эта цифра потрясла его до глубины души. Миллионное наследство — предел мечтаний для учителя рисования в средней школе, который зарабатывает чуть больше шестидесяти тысяч в год.

На математическую ошибку указала его подруга Робин. Одурманенный финансовыми перспективами, Майлз перешел от фантазий о домашней студии и инвестировании собственных пенсионных накоплений к планированию безбедного существования до конца жизни.

Откровенно говоря, такие цифры немного пугали. Миллион долларов не представлялся таким уж недосягаемым при правильных инвестициях

и удаче на экономическом поприще, которая направит его финансовый корабль в нужном направлении. По расчетам Майлза, когда он выйдет на пенсию, на его счету уже будет миллион. А вот число в *девять* миллионов выходило за пределы его воображения. Люди убивают за меньшее.

Но когда он немного оправился от шока, Майлз осознал, что значит для него это наследство. Для него миллионы — не просто стабильность и перспектива безбедного существования до самой смерти, но и возможность осуществить свою заветную, но задвинутую в пыльный угол мечту стать художником. *Настоящим* художником.

Будем откровенны, речь о канадских долларах. Но разве это существенно? Более того, никакого налога на наследство. Да ради всего святого! Никаких пошлин. Все до цента принадлежит ему.

И кстати говоря, девять миллионов — лишь за дом. По словам месье Тибо, все, что находилось внутри, до сих пор не оценено. Если в доме на Брэйсайд, 13 ничего не изменилось с тех времен, когда Майлз приезжал сюда с мамой, то эти каменные стены под завязку набиты антиквариатом и предметами искусства.

Правда, тут Майлз сталкивался с моральной дилеммой. Ему было не по себе от мысли, что

он владеет личными вещами Маргаритки. Он должен принимать во внимание и чувства ее сыновей, Оливера и Линли. Потеря дома и так, несомненно, обернулась для них серьезным потрясением, поэтому Майлз не собирался отказывать им ни в чем, что касалось содержимого особняка. И как только Маргаритка могла подписать такое завещание? Она обожала своих мальчиков. Особенно Лина.

Майлз нахмурился. Он не хотел вспоминать Линли. Можно представить, что тот подумал бы о его планах.

Тем не менее, Майлзу придется разбираться и с ним. Во многом это и подтолкнуло его бросить все и сломя голову помчаться в Канаду. В Квебек, Монреаль… и наконец сюда, в этот приют роскошной респектабельной старины — Уэстмаунт.

Майлз задрал голову и принялся изучать резной каменный фриз над массивными парадными дверями. Триглифы, похожие на окаменевшие рейки, чередовались с гладкими метопами, на которых были вырезаны ворон, роза и меч. Ребенком Майлз пытался разгадать значение этих эмблем.

— *Это всего лишь декор, дорогуша,* — утверждала Маргаритка.

В некоторых вещах она была довольно прагматична.

Или нет. *Семь* спален. Пять с половиной ванных комнат. Полноценный гараж на четыре автомобиля. Бассейн. Винный погреб, который был настоящим погребом с вином, а не переделанным шкафчиком в кухне. *Безумие*, конечно, что все это теперь принадлежит Майлзу.

— *Разумеется, я принимаю в расчет, что вы захотите выставить дом на продажу как можно скорее,* — сказал месье Тибо во время их единственной беседы по телефону. Адвокат Маргаритки был терпелив, но его быстро утомил лепет Майлза, который был потрясен и полон беспокойства, не кроется ли в документе ошибка.

— *Уверяю вас, мистер Тьюздей, в нем нет ошибок. В завещании мадам Мартель недвусмысленно указано, что дом и все его содержимое переходит по наследству к вам, ее крестнику.*

И кто такой Майлз Тьюздей, чтобы противиться последней воле умершей?

— *Отложите, пожалуйста, опись дома,* — сказал тогда Майлз. — *Не спешите с оценкой. Я еще ничего не решил. Возможно, я не буду его продавать.*

Эти слова повергли в шок самого Майлза и,

конечно, удивили месье Тибо. Но в конце концов адвокат заверил, что не предпримет никаких действий, пока Майлз не осмотрится.

И возвращаясь к нынешнему моменту, это означало подождать до понедельника.

Майлз неохотно оторвал взгляд от парадного входа и спустился вниз по лестнице. Направившись к воротам, он краем глаза заметил какое-то движение в одном из окон на втором этаже. Майлз поднял глаза, вглядываясь в прямоугольник стекла за узким кованым балконом. На мгновение ему показалось, что он видит смазанное бледное лицо, смотрящее прямо на него.

Он застыл в шоке.

Лицо исчезло — если оно вообще там было — и теперь окно закрывали плотные бесцветные шторы. Которые… *колыхались*?

Майлз вглядывался до боли в глазах, не будучи уверенным. Вокруг сгустилась тьма. Промозглые сумерки быстро перетекали в густо-синюю ночь. На синем бархате неба, словно поедами от моли усыпанном звездами, черными тенями проступал силуэт дома. Майлз судорожно вдохнул, увидев очертания фигуры, сидящей на коньке крыши, но потом расслабился, узнав бронзовую скульптуру сатира, играющего на флейте.

Из горла вырвался хриплый смешок. Следует лучше держать себя в руках.

Майлз снова взглянул на окно, где, казалось, он видел лицо, но стало совсем темно, и разглядеть, что там за стеклом, было уже невозможно.

Если в доме кто-то есть, то звонок Майлза определенно услышан. Будь это сторож, он почел бы за лучшее не открывать незнакомцу, который проник на частную территорию. В таком случае вскоре сюда примчится полиция, чтобы разобраться с нарушителем.

Эта мысль подстегнула Майлза. Он подбежал к воротам и перелез через ограду. Спасаясь от сырого октябрьского ветра, он поднял воротник и ринулся обратно в гостиницу.

***

Осенний Монреаль радикально отличался от летнего и даже в сравнение не шел с осенним Лос-Анджелесом. Майлз не был готов к пронизывающему ветру, ледяному дождю и температурам в районе десяти градусов тепла. Разумеется, у него даже не было вещей на такую погоду. Он вообще не собирался в поездку.

Когда Майлз добрался до гостиницы, он промок до нитки и был близок к обморожению. Он остановился в Chateau de Versailles на Шербрук-

стрит. Месье Тибо предлагал отель Gault в старом Монреале, но Майлз поперхнулся, узнав о цене за ночь. К тому же это было дальше от Брэйсайда.

Горячий душ и чай, заботливо присланный в номер, ускорили процесс разморозки, и к половине десятого Майлз уже сидел в своем уютном номере, листая потрепанную записную книжку, которая когда-то принадлежала его матери. Конечно, в ней был и номер Маргаритки.

Майлз взял телефон, набрал комбинацию цифр и замер в ожидании. Где-то на том конце провода кто-то слышал звонок. Кем бы он ни был. Неизвестно, отключен ли номер Маргаритки, но попробовать стоило. По дороге в отель Майлз размышлял о том, что если в доме на Брэйсайд есть сторож, то он охотнее ответит на телефонный звонок, нежели откроет дверь незнакомцу.

Майлз с надеждой вслушивался в долгие гудки.

Если ему ответят, то уже завтра он сможет попасть в дом.

— Ну давай же, возьми трубку, — бормотал он.

И, как ни странно, ее взяли. Гудки прервались и послышался мужской голос:

— Алло?

— Здравствуйте! — обрадованно воскликнул

Майлз. — С кем я разговариваю?

— С Майлзом Тьюздеем, — ответил голос. — Могу я узнать, кто звонит?

Глава вторая

— Погодите-ка. *Что*?! — опешил Майлз. — Вы сказали, *вас* зовут…

На том конце положили трубку.

В недоумении Майлз уставился на телефон.

Громкие пронзительные гудки заполнили уши.

Он ослышался? Он… Черт, нет. Все именно так и было. Мужчина ответил ему и представился *Майлзом Тьюздеем*.

И самое безумное, что говорил человек *голосом* Майлза. По крайней мере, он был такой же тональности, с той же легкой хрипотцой. Никакого акцента, хотя как можно различить хоть какой-то акцент в двух коротких предложениях. Он же не сказал типично канадское *«Э?»* Или типично французское *«Алло?»* Так что…

— Да что ж это такое… — пробормотал Майлз и еще раз набрал номер.

Гудки не прекращались.

И никто на этот раз не ответил.

После десятого гудка Майлз сдался. Он уставил-

ся на свое тусклое отражение в плоском экране телевизора, который стоял на комоде напротив кровати. Это ведь был не сон? Он бодрствовал. Находился здесь, в номере отеля в Монреале. Он не летел в самолете и не страдал от джетлага. Возможно ли, что это такой странный эффект от смены часовых поясов?

Майлз встал и прошелся по комнате, с беспокойством осматривая нераспакованные чемоданы.

Он должен что-то предпринять. Позвонить кому-то.

Да, верно, в полицию.

Он тут же представил себе, как объясняет случившееся.

«Я позвонил своей покойной крестной, и мне ответил мужчина, который оказался мной».

Они точно скажут, что Майлз не в себе, а человек, который ему ответил, просто повторил за ним фразу или что-то в этом роде. Еще приемлемое объяснение: он ошибся номером или кто-то его разыграл. Или он разыгрывает полицию.

И вообще сбежавший из дурдома псих.

Даже если к нему прислушаются, Майлз должен будет признаться, что, не вступив в права владения, пробрался на частную территорию и ломился в дом. Не то чтобы он нарушил закон

— Майлз на это надеялся — но и не повел себя как законопослушный гражданин.

Законопослушный гражданин дождался бы понедельника, встретился с адвокатом и торжественно с ключами и правами на наследство вошел в собственный дом.

Подождите. Он мог позвонить месье Тибо.

Однако… та же дилемма. По короткому разговору с адвокатом Майлз понял, что тот предпочитает, чтобы его клиенты соблюдали рамки приличий. К тому же в столь позднее время месье Тибо наверняка ушел из конторы, а его личного номера у Майлза не было.

Все это чертовски нервировало.

Майлз вернулся к кровати и вновь уставился на свои чемоданы.

Можно еще раз пойти в дом.

Его так и *подмывало* это сделать.

Но затем он вспомнил темную, настороженную парковую тишь. Неумолчный *стук* капель дождя по черной листве, дрожащий свет фонаря на мокрых блестящих камнях. Сырой пронизывающий ветер, обдувающий шею.

Что ж… Может, *не так уж ему и хочется туда.* Честно говоря, совсем не хочется.

Усталость обрушилась на Майлза могильной

плитой при мысли о походе в Брэйсайд и сомнительной прогулке по глухим, заросшим и малоосвещенным улицам.

С девяти утра он в пути, а сейчас уже десять вечера. Где-то посреди этого напряженного графика был временной скачок в его пользу, но он его даже не почувствовал. Последний раз Майлз ел в Лос-Анджелесе, а сейчас уже точно пропустил ужин, потому что в отеле не было ресторана.

Какая бы чертовщина ни творилась сегодня, он был слишком утомлен, чтобы ее обдумывать. Он хорошенько выспится, и с утра, восстановив силы и уровень сахара, займется этой проблемой.

Захлопнув записную книжку, Майлз положил телефон на прикроватную тумбочку и лег в кровать.

***

Его разбудил голод.

Робкое солнце заглядывало в комнату сквозь тонкие занавески, на цыпочках кралось по желтым и синим пятнам на псевдо-Матиссе над камином. Несколько секунд Майлз не мог сообразить, где он находится, но затем замешательство сменилось волнением. *Монреаль!*

Майлз бросил взгляд на экран телефона — было начало одиннадцатого — и подскочил. Уже де-

сять?! Он *никогда* не вставал так поздно. Все-таки прошлый вечер его добил.

В памяти тут же всплыл визит в Брэйсайд и странный телефонный звонок на номер Маргаритки, но сейчас, утром, все это казалось нереальным и фантастическим.

Однако мог ли Майлз ошибиться насчет диалога, который произошел по телефону?

Нет. Он отчетливо помнил, что спросил имя собеседника. И ему разборчиво ответили: *«Майлз Тьюздей»*. Человек на том конце провода ни секунды не сомневался.

Какого черта все это значит?

Вероятно, всему есть разумное объяснение, но Майлз не мог придумать ничего толкового.

Впрочем, он начал не с того. Сперва завтрак, а потом можно вернуться в дом и еще раз осмотреться. Определенно там кто-то был. Возможно, при свете дня Майлзу охотнее откроют.

Если все-таки войти не удастся, то Майлз просто изучит окрестности. Раз уж он планировал переехать в Брэйсайд, стоило ознакомиться с местными достопримечательностями.

Майлз прислушался. Порывы ветра сотрясали оконные рамы и напомнили о дожде, который ледяными струями стекал за воротник. Наверное,

следует купить куртку по погоде.

Откинув полосатую простынь и кашемировый плед, Майлз вылез из кровати и направился в ванную, но тут зазвонил телефон.

— Майлз Тьюздей, — ответил он, и в голове снова возник вчерашний разговор.

Знакомый голос бодро воскликнул:

— Так все-таки *ты* приехал!

— Эм, да… С кем имею честь?

— Майлз, это Оливер. Сын Маргаритки. Даже не знаю, помнишь ли ты меня. Все-таки прошло уже десять лет.

Майлз был удивлен. И не в последнюю очередь тем, что был рад услышать знакомый голос.

— Конечно, помню.

В памяти Майлза Оливер был высоким, серьезным молодым человеком с темными волосами и карими глазами, обрамленными длинными ресницами. Образ всегда дополняли очки. Он был тем самым «хорошим» из двух братьев. Это не значит, что Линли был плохим, но восемь лет составляют существенную разницу, когда ты только вошел в пору тинейджерства, а твоему брату уже за двадцать. Хотя Оливер был старшим братом (а может, именно *поэтому*), он находил время, чтобы показать Майлзу свеженародив-

шихся котят, поделиться коллекцией *детских детективов* или покатать на своей новенькой «Мазде MX-5».

— Адвокат мамы сказал, что ты приехал, хотя он был уверен, что ты остановился в Gault. Я обзвонил несколько отелей, пока тебя нашел.

— Ну, просто эта гостиница ближе всего. — Майлз вдруг подумал, к чьему дому ближе всего находился отель. Возможно, у Оливера, несмотря на его благодушный тон, свои претензии к завещанию матери. — Мне так жаль, Оливер… Я о твоей маме, — добавил он.

Это было не слишком красноречиво.

Но Оливер серьезно ответил:

— Спасибо. Настоящий шок для нас. Если бы не падение, то, уверен, она прожила бы еще лет двадцать. — Но затем его голос вновь обрел бодрость: — И все-таки ты должен был сообщить, что приезжаешь. Ты занят сегодня? Хочу пригласить тебя на бранч.

— Я… Ну, я не против. Это было бы замечательно.

— Встретимся через полчаса.

***

Оливер привел Майлза в Olive & Gourmando, милое и уютное местечко в районе старого Мон-

реаля, которое славилось своей выпечкой, и судя по ароматам, совершенно заслуженно. Майлз очутился в интерьерах в фермерском стиле, всюду дерево и малиновый декор, за развалами с коричными булочками, ореховыми батончиками, бретонским лимонным печеньем и фруктовыми тартами висели грифельные доски с нацарапанными ценами. Жизнерадостную атмосферу дополняла квебекская фольклорная музыка. В зале было яблоку негде упасть. Вокруг стоял немолчный гул посетителей, которые мгновенно переключались с английского на французский и обратно буквально на полуслове. Майлз обвел глазами переполненный зал и подумал: *«Вот оно. Вот почему я хочу здесь жить. Хочу, чтобы каждый день становился настоящим приключением».*

— Старина Тибо сказал, что ты подумываешь переехать в наши края, — сказал Оливер, пробуя свой кубинский панини.

Майлз подумал, что он сильно изменился. Разумеется, так и должно быть, ведь десять лет уже прошло. Оливеру было двадцать девять, когда они виделись в последний раз. Он возмужал, очки уступили место контактным линзам. Темные волосы немного поредели, но все еще выглядели

привлекательно. Оливер носил бородку «Ван Дайк», которая придавала его чертам острый и утонченный вид.

Майлз набросился на яйцо кокот с томатами, нутом, фенхелем, картошкой, домашним тулузским соусом, авокадо, фета и йогуртом на чесночной лепешке.

— Я полюбил Монреаль, когда в первый раз приехал сюда с мамой. Этот город — лайтовая версия Парижа. Прекрасный, насыщенный культурой и историей, но при этом… доступный.

Оливер усмехнулся.

— Проще говоря, больше людей говорит по-английски.

— Именно, — улыбнулся Майлз в ответ. — Это очень практично.

Улыбка Оливера погасла.

— Прости, что не пригласили тебя на похороны. Это упущение… Все из-за внезапности, и мы были в шоке…

— Все в порядке, — прервал его Майлз. Он знал, что кроется за словами Оливера. Он и Линли наверняка даже не вспоминали о Майлзе много лет. Не то чтобы Тьюздей был близок с Маргариткой. Честно говоря, *он* едва ли думал *о ней* все эти годы.

— И, Майлз, я хотел выразить соболезнования по поводу смерти твоей мамы. Ты знаешь, мне она всегда нравилась.

— Да, спасибо. Мама умерла пять лет назад.

Майлз все еще по ней скучал. У него не было другой семьи: после развода с матерью и повторного брака отец потерял интерес к сыну.

Оливер сочувственно взглянул на Майлза и решил сменить тему.

— Продажа дома должна принести неплохую прибыль.

Майлз про себя выдохнул с облегчением, потому что понятия не имел, как подступиться к этому разговору.

— Да. Точно. Но… Я ведь могу и не продавать.

Оливер удивленно вскинул брови.

— Не будешь продавать?

— Не буду. Мне нравится Брэйсайд. Всегда нравился. Этот дом был полон волшебства. Каменные львы и фонари на подъездной дорожке. Фреска в японском стиле рядом с библиотекой. Доспехи и скульптуры на крыше. Мраморные камины и двери с художественными вставками… — он осекся и резко втянул воздух, заметив кривоватую улыбку Оливера. — Но я хочу сказать, что вы с Линли можете забрать все. Что захотите. Из

дома, я имею в виду. Мебель, картины, личные вещи Маргаритки — *конечно*, все это я отдам.

Оливер выглядел озадаченным.

— Это… очень великодушный жест.

— Нет. То есть… Я не знаю, почему Маргаритка оставила дом мне. Для меня это многое значит, но… Ведь я никогда не входил… не вхожу… в семью, и я не уверен, почему…

Майлз сбивался и путался, но его замешательство было искренним. Он мечтал об этом доме и был бесконечно благодарен за возможность стать его хозяином, но его снедало чувство вины. Да и как иначе? Как бы ни звучало по-детски наивно, он не желал, чтобы Оливер или Линли его ненавидели.

Конечно, Оливер не выказывал признаков обиды или, более того, ненависти.

— Мама говорила, что собирается оставить дом тебе, — сказал он наконец. — Полагаю, мы оба, Лин и я, были уверены, что она шутит. Но ничто не могло ей помешать на самом деле это сделать. Знаешь, этот дом ведь не всегда принадлежал нашей семье. Мой отец купил его для Маргаритки, когда они поженились.

— Но все-таки это был твой дом. Я понимаю… — На самом деле Майлз не понимал. Не мог пред-

ставить, каково это — оказаться вычеркнутым из завещания матери, ведь его собственная ничего особенного завещать ему не могла.

Оливер пожал плечами.

— Был когда-то. Но я уже давно там не живу. Много лет. Мама никогда ни в чем нам не отказывала. К тому же Лин унаследовал кучу денег от своего отца. Нам грех жаловаться на судьбу, — иронично отметил Оливер. — Но раз уж ты предложил… В доме остались мои детские вещи. В основном, со времен школы. Книги и всякий спортивный инвентарь. Что-то вроде того. Ничего ценного, просто сентиментальное барахло. Никогда руки не доходили его разобрать. Мы же думали, что Маргаритка будет жить вечно.

— Разумеется! — воскликнул Майлз, испытывая облегчение от мысли, что Оливер не держит на него обиду. — В любое время, когда захочешь.

Оливер хохотнул.

— Ты всегда хотел всем угодить. Но на твоем месте Лину я бы не стал этого предлагать.

Майлза немного задела такая характеристика его душевных качеств, но Оливер отчасти был прав. В душе Майлз отчаянно жаждал понравиться Оливеру и Линли, особенно Линли. Но он постарался сохранить равнодушное выражение

лица.

— Да? Почему?

— Ты же знаешь Лина. Дай ему палец, и он всю руку оттяпает.

— А. — Майлз улыбнулся с сомнением. Он никогда не считал Линли стяжателем, но десять лет назад он вообще не слишком хорошо разбирался в людях. — Как он, кстати?

— Такой же, как всегда.

— Ясно. Ну, да.

Майлз понятия не имел, что это значит. Братья всегда общались как дружелюбные соседи, а не родственники. Впрочем, возможно, это все идеалистические представления Майлза, который понятия не имел, какими должны быть братские отношения, ведь он был единственным ребенком в семье.

Оливер насмешливо улыбнулся.

— А ты всегда немного боялся его, да?

— Кого? *Лина*? — ошеломленно спросил Майлз. — Нет!

Улыбка не сходила с лица Оливера.

— Признайся, он тебя страшил.

Правда в том, что стеснительным и испуганным Майлза делала неистовая влюбленность. И Лин, острый на язык и бестактный, конечно,

заставлял нервничать еще больше. Оливер был совсем другим. Даже в юности в нем было что-то покровительственно-отеческое.

А Линли… Достаточно сказать, что благодаря Лину Палмеру девятилетний Майлз осознал, что он все-таки гей.

— Как скажешь… — отступил Оливер, хотя Майлз его явно не переубедил.

Звуки беззаботной музыки на заднем плане привлекли внимание Майлза. В ней были ирландские залихватские мотивы, хотя пели на французском.

— Мило. Что это? — поинтересовался он.

Оливер прислушался и скорчил гримасу:

— *‘Et l’on n’y peut rien*.

— А-а, — протянул Майлз, который был не слишком хорош во французском.

— Это означает: *«Ты ничего не можешь с этим поделать»*. Очередная песенка о любви.

В лихорадочных поисках новой темы для разговора Майлз внезапно вспомнил вчерашний вечер. Теперь, когда он убедился, что Оливер не претендует на дом Маргаритки, по крайней мере, смирился с мыслью, что он уже принадлежит Майлзу, тот был не прочь рассказать о своих приключениях.

Майлз описал, как перелезал через ограду, чтобы проникнуть в частные владения, и когда дошел до странного видения в окне второго этажа, Оливер расхохотался.

— Господи. Это наверняка была Агата.

— Кто?

— Агата Дюбе. Ты должен ее помнить. Наша экономка. Ну, номинально. По завещанию она переходит к тебе вместе с домом, хотя, полагаю, можно попробовать откупиться от нее. Наверняка старина Тибо тебе все объяснит в понедельник.

— Ладно, но почему она не открыла дверь?

— Она уверена, что вокруг масса желающих ее изнасиловать и расчленить. — Казалось, Оливер находил всю эту историю крайне забавной. — Агата беспрерывно смотрит криминальные сериалы, поэтому ни за что не откроет тебе после захода солнца.

— Это…

— Я знаю. — Оливер покачал головой. — Ирония в том, что единственный преступник, с которым Агату столкнула судьба, — ее сын. Большую часть жизни он провел в тюрьме.

— А сейчас он там же?

— Без понятия.

— Это не единственная странность за вчерашний вечер.

Майлз рассказал Оливеру о том, как позвонил на телефон Маргаритки и услышал свое имя на другом конце провода. На этот раз Оливер выглядел озадаченным.

— Должно быть, ты ослышался.

— Понимаю, что все это безумие какое-то, но слышно было очень хорошо.

— Может, ты автоматически назвался, и это просто не отложилось в памяти.

— Исключено.

Уверенность Майлза заставила Оливера задуматься.

— Если все так, то почему этот человек положил трубку? — аргументировал Майлз.

— Хороший вопрос. — Оливер нахмурился, но вскоре его лицо прояснилось. — А отчего бы нам это не выяснить?

— Выяснить… Что ты имеешь в виду?

— Разберемся с этим прямо сейчас. Пойдем и разузнаем, кто, кроме Агаты, еще может быть в доме. Если это Эрван… — Оливер помрачнел.

Неужели все так просто разрешалось?

— У меня нет ключа, — напомнил Майлз. — Официально я вступлю во владение только в

понедельник.

— У меня есть ключи. У Лина тоже, если уж на то пошло. В любом случае Агата должна меня впустить, и я представлю ей тебя. На самом деле ты уже сегодня можешь переехать из отеля в дом.

Сердце Майлза подскочило в груди, словно воздушный шарик, оторвавшийся с привязи.

— Правда? Ты уверен? Я не нарушу никакой закон?

— Ну какой закон может тебе помешать? — Похоже, Оливер вовсю забавлялся. — Этот дом принадлежит тебе. Мы с Лином не собираемся оспаривать завещание мамы. Даже если захотели бы, у нас не было бы никаких шансов. Мама находилась в здравом уме. Все документы подписаны, датированы и засвидетельствованы. — Он пожал плечами.

Видимо, Оливер с Лином все тщательно перепроверили, и радость Майлза немного померкла. Но с другой стороны, кто бы не усомнился в таком завещании. Даже самый великодушный человек перепроверил бы разок-другой, расставаясь с девятью миллионами долларов в пользу какого-то незнакомца.

— Если вы не против, тогда… — промямлил Майлз.

— Никаких проблем! — заверил его Оливер и подмигнул. — Кроме того, ты меня заинтриговал. Люблю хорошие детективы.

Глава третья

Когда Майлз и Оливер добрались до дома по адресу Брэйсайд, 13, солнце наконец отважилось выглянуть из-за туч. Навершия ограды сверкали в лучах осеннего солнца, словно копья.

Оливер нажал кнопку на брелоке, и решетки плавно разъехались, пропуская автомобиль в обширный двор. Они остановились у деревянных ворот гаража.

— Дом, милый дом. — Оливер заглушил двигатель своего черного «Мерседеса» и улыбнулся Майлзу.

Тот улыбнулся в ответ, чувствуя неловкость, ведь формально для Оливера особняк уже не был «милым домом».

Они вышли из машины и огляделись. В солнечном свете деревья отбрасывали ажурные тени на теплые каменные стены и окна. Высыхающие лужи отсвечивали розовым и зеленым, когда они проходили по брусчатке и черной плитке к массивным двустворчатым дверям парадного входа.

Окна были зашторены, нигде ни отблеска ламп,

ни струйки дыма из труб. При дневном свете мертвенная тишина казалась привычной и закономерной.

— Кровля в хорошем состоянии, — отметил Оливер. — С этим тебе повезло.

— Мне вообще со всем повезло, — сказал Майлз.

Оливер хохотнул.

— Посмотрим, что ты скажешь, когда будешь выплачивать налог.

Они подошли к парадным дверям. Оливер нажал на звонок. Как и прошлым вечером, ничего не произошло. Оливер позвонил еще раз и вздохнул:

— Так я и думал. Глухота Агаты прогрессирует. — Он достал ключи, но замешкался. — Не окажешь ли мне честь?

— Нет, прошу, — перебил его Майлз.

Оливер вставил ключ в замок, толкнул дверь и отступил.

Майлз сглотнул. Казалось, сделав шаг, он волшебным образом очутится в прошлом. Или во сне. С порога он мог видеть прихожую с укрытым черной и кремовой мраморной плиткой полом, белым камином с резной полкой и трехметровым потолком.

Ничего не изменилось.

Два стула в черно-белую полоску в стиле Ампир стояли перед камином на красно-синем тебризском ковре, а между ними возвышался круглый столик из позолоченного дерева на изогнутых ножках в виде когтистых лап. Над камином в золоченой раме висело полотно с натюрмортом из красных роз в голубой вазе. С двух сторон картину обрамляли два настенных подсвечника из золоченой бронзы и хрусталя.

Впрочем, все же кое-что *изменилось*. В прежние времена на каминной полке стояла пара белоснежно-кобальтовых китайских ваз с изображением феникса. Они исчезли.

Видимо, дом многое утратил. В том числе и хозяйку.

— Ну что, узнаешь? — поинтересовался Оливер.

— Все *как* в моих воспоминаниях.

На лице Оливера появилась слабая улыбка.

— Апартаменты Агаты вон там. Пойдем.

Майлз проследовал за Оливером по светлому коридору мимо изящной изогнутой мраморной лестницы в испанском стиле, смотреть на которую старательно избегал, ведь именно с нее упала и разбилась Маргаритка. Они прошли

через инкрустированные двери, а затем такие же, но менее изысканные. Все стены на их пути были увешаны картинами. Некоторые — работы знаменитых художников, другие — безымянных рисовак типа Майлза.

Маргаритка считала себя ценительницей искусства. Дом был забит под завязку ее приобретениями. Линли регулярно высказывал свое мнение о вкусе матери, но Майлз не понаслышке знал, какими саркастичными засранцами могут быть подростки.

Они миновали оранжерею с купольным потолком и полом, застеленным блестящей черно-белой мраморной шахматкой, а затем — поистине исполинскую старомодную кухню с кладовой за дверями из матового стекла и наконец достигли ведущего в крыло для прислуги коридора, до которого даже из-за нескольких закрытых дверей доносили звуки работающего телевизора.

«Туристы обнаружили обнаженное тело молодой женщины, лежавшее на камнях под скалой…» — вопил диктор программы.

— Жуть, — пробормотал Майлз.

— Агата! — позвал Оливер. — Вы здесь? У вас гости. Агата?

Громкость телевизора резко убавили. Дверь в

конце коридора со скрипом отворилась, и из-за нее осторожно высунулась полная женщина средних лет с окрашенными хной волосами, на ее переносице сидели очки в черепаховой оправе.

— Мистер Оливер? Это вы?

— Конечно, я, — ответил Оливер. — С вашим новым хозяином и повелителем.

— Прекрати, — запротестовал Майлз.

Агата с опаской покинула комнату и вгляделась в непрошеных гостей. На ней была бесформенная серая юбка, белая блузка под мешковатым серым свитером, черные туфли на низком каблуке. Образ дополняла длинная нитка жемчуга.

— Что вы сказали?

— Это Майлз Тьюздей, — пояснил Оливер. — Мама завещала дом ему.

Не то чтобы Агата начала плеваться огнем, но и радостной эту новость не посчитала. Она нахмурилась, близоруко щурясь на мужчин.

— Из Америки?

— Точно. Прямиком из Калифорнии. Прошлой ночью Майлз приходил. Вы же слышали звонок.

— Никто не звонил.

К этому моменту они уже приблизились к Агате. Майлз увидел у женщины слуховой аппарат.

— Приятно познакомиться с вами, Агата, —

сказал он, отчетливо артикулируя и протягивая ей руку.

Агата стрельнула взглядом в Майлза, потом посмотрела на Оливера и наконец неохотно пожала руку.

— Вам придется нанять прислугу обратно, — заявила она. — Я не справлюсь с домом в одиночку. Я экономка, а не горничная.

— О. Да, конечно. — Майлз с сомнением посмотрел на Оливера.

— Сейчас не подходящий момент углубляться в такие темы, — пришел на помощь его спутник. — Майлз…

— Он не имеет права выкинуть меня из дома. Это указано в завещании мадам. Я могу оставаться здесь, сколько пожелаю. — Агата сердито воззрилась на Майлза.

— Никто не собирается от вас избавляться.

— Что?

— Обещаю, что не уволю вас, — повторил Майлз громче. Ему было немного жаль женщину и… тревожно.

— До поры до времени, — расхохотался Оливер. — Вчера вечером вы оставили о себе не слишком хорошее впечатление.

Всем своим видом Агата выразила удивление.

— Я могу вытирать пыль и пылесосить, — она снова перешла в режим претензий. — Только легкая домашняя работа. И я готовлю только для мадам. Я не…

— Все понятно. Я привык готовить и убирать за собой, — прервал ее Майлз.

— Что?

— Вам не о чем беспокоиться, — надорвал связки Майлз.

— Это что же, я вам, значит, не нужна?!

Почтенная дама обладала поистине стервозным характером. Майлзу уже не терпелось рассказать о ней Робин.

— Ну вот что, Агата, — вмешался Оливер. — Успокойтесь. Майлз изучил завещание.

Видимо, недостаточно хорошо. И новость о том, что ему придется делить крышу над головой с Агатой Дюбе, нельзя назвать приятной. Но не могло же все быть идеальным.

— Не волнуйтесь, — сказал Майлз. — Я просто не хочу загружать вас работой.

Агата скептически на него уставилась.

— Вы сейчас живете одна? — спросил Оливер.

Скептицизм Агаты тут же сменился настороженностью.

— А с кем же еще? Кто, по-вашему, будет тра-

тить время на визиты ко мне?

— Как насчет Эрвана? Он часто наведывается?

— Нет. — За толстыми стеклами очков взгляд Агаты наполнился враждебностью. — Мистер Линли сказал, что ему запрещено здесь появляться.

Это не убедило Оливера.

— Вчера вечером Майлз звонил сюда по телефону, и ему ответил мужчина.

— Никто не звонил. — Агата метнула в Майлза взгляд, чтобы все убедились, кто повинен во ее бедах и несчастиях.

— Думаете, вы могли услышать при включенном телевизоре? — продолжал давить Оливер.

— Разумеется, я бы услышала.

— Но звонок в дверь вы не услышали.

Майлз готов был умолять Оливера прекратить этот допрос. Он точно знал, что звонил и ему ответили, но было совершенно ясно, что от Агаты никакой полезной информации они не получат.

— Наверное, звонок сломался, — угрюмо настаивала Дюбе.

Оливер взглянул на Майлза, и тот едва заметно покачал головой. *Достаточно.*

— Что ж, ладно, — произнес Оливер. — Майлз перевезет свои вещи и останется в доме. Так что

не пугайтесь, если…

— *Сегодня?!*

— А почему бы и нет? У вас есть возражения?

Агата неохотно качнула головой.

— Я не кухарка, — еще раз сообщила она Майлзу. — Готовьте себе сами.

— Да, я уже понял. И не рассчитывал на иное.

— И комнаты не убраны. Мне сказали, что вы приедете в понедельник.

— Все в порядке. Я могу позаботиться о себе.

— Агата, мы просто хотели поставить вас в известность. — Оливер начал терять терпение. — Отныне это дом Майлза. Он может приходить и уходить, когда ему заблагорассудится. А вам стоит подумать о том, как оправдать свое проживание в этом доме.

Майлз поморщился. Оливер всегда казался тактичным. Но, возможно, лишь на фоне Линли и Маргаритки. А может, это Агата способна вывести из себя даже стоика. Определенно, у нее есть талант.

Женщина выглядела одновременно сердитой и испуганной.

— Может, вы и правы, но до понедельника я никому не служу в этом доме. — Она повернулась на каблуках и, ворвавшись в свои апартаменты,

захлопнула дверь. Следом громкость телевизора достигла максимума, грозя разрушить дом до фундамента.

— Не женщина — кремень. Ни пяди врагу… — Оливер криво усмехнулся. — Итак, вот ты и познакомился с Агатой. Не спрашивай, за что ее любила Маргаритка. Для меня это тайна, покрытая мраком. Мама вечно бросалась спасать страждущих, даже если те не нуждались в спасении.

Интересно. Оливер считает, что и Майлз входит в эту категорию несчастных, нуждающихся в спасении? Майлз привык думать о себе иначе. Факт, что он не слишком богат, не переводил его автоматически в категорию приживалок.

— Однако Агата всей душой была предана матери. И я верю ей, когда она говорит, что не слышала звонков в дверь и по телефону. Вполне возможно, где-то поблизости ошивается Эрван, но как только ты переедешь, он тут же исчезнет. Он подлец и вор, но не опасен. Так что, съездим за твоими вещами? Или Агата напугала тебя до чертиков?

Определенно Агата — та самая ложка дегтя в бочке меда, но даже она не могла омрачить предвкушение Майлза. Дом был еще красивее,

чем Майлз помнил, и это был первый день его новой жизни.

— Вот уж нет! Едем за вещами! — воскликнул Майлз Тьюздей, новый владелец дома по адресу Брэйсайд, 13.

***

Им потребовалось немного времени, чтобы упаковать полуразобранные чемоданы и оплатить счет в отеле. По предложению Оливера по дороге они остановились, чтобы купить кое-какие продукты в «Метро» в Уэстмаунте, а затем вернулись в Брэйсайд.

— Я чувствую себя неловко, оттого что ты тратишь на меня все свое время, — виновато сказал Майлз, когда они въехали на дорогу, густо обсаженную деревьями.

— Мне не в тягость. Это приятные хлопоты. Я рад, что дом достался человеку, который любит его так же, как мама. Когда открылись двери и я увидел твое лицо… — Оливер кривовато улыбнулся. — Она была бы счастлива узнать, что ее подарок оценили.

— Оценили? Она изменила мою жизнь, — честно ответил Майлз.

— Тебе так не нравилось в Калифорнии?

— Нет, вовсе нет. Я был вполне счастлив. —

Майлз задумался. — Понимаешь, я был *доволен* жизнью, потому что у меня не было иной. Но я всегда чувствовал, что есть другие возможности и что не так я представлял свое будущее. Я просто слишком легко сдался.

— Легко сдался?

— Отказался от… мечты.

Оливер иронично хмыкнул:

— Я и забыл, как ты молод.

А вот это было обидно. Поэтому Майлз предпочел сменить тему.

— Что произошло с Маргариткой? Месье Тибо просто сказал, что она упала с лестницы.

Улыбка Оливера погасла.

— Больше нам ничего не известно. У нее было прекрасное здоровье. Никаких проблем с сердцем. Это не инсульт. Такое ощущение, что она просто потеряла равновесие. Эта мраморная лестница… — он покачал головой.

Да, железные балясины и перила, а также пятьдесят мраморных ступеней не оставят никакого шанса оступившемуся.

— Это случилось ночью? Кто-то был поблизости?

— Был вечер пятницы. Лин нашел ее. Он собирался остаться на ночь. Он так делает — делал

— иногда, чтобы мама не оставалась одна. Лин поужинал с друзьями и приехал домой после полуночи. Тогда и нашел ее.

— Это ужасно.

Оливер рассеянно кивнул.

— Да. Их ссоры были грандиозны, но думаю, он очень любил маму.

Оливер говорил отстраненно, однако он всегда был сдержан в проявлении чувств. При этом искренне заботился о брате и матери. Майлз вообще с трудом представлял, что может вызвать у Оливера сильные эмоции.

— А Агата не слышала, как она упала?

Оливер фыркнул в ответ.

***

Когда они добрались до дома, Майлз вновь предложил Оливеру забрать все, что тому было обещано или просто представляло ностальгическую ценность.

Оливер задумался, но потом отказался:

— После смерти отца я получил от него наследство. Все остальное — не в моем вкусе, даже если бы у меня хватало места в квартире.

— Может быть, картины? Статуэтки? Светильники? Или… ты ведь раньше играл на пианино. Не хочешь забрать его? — продолжал настаивать

Майлз.

— Ты еще спроси, не нужны ли мне рыцарские доспехи.

— А что, нужны?

Оливер расхохотался.

— Нет. Определенно нет. У меня нет места для пианино. Кроме того, я уже много лет не играл. Это была идея матери, сам я не горел желанием учиться. По ее задумке, я должен был играть на фортепиано, а Лин — на кларнете. Полагаю, она хотела иметь под рукой подходящий аккомпанемент, когда ей вздумается попеть.

Майлз усмехнулся. Это было в духе Маргаритки.

— Лин говорит, что большая часть картин ничего не стоит. Если и есть что-то ценное, можешь передать в его галерею. Остальное, вероятно, можно выкинуть на помойку. Для меня все картины одинаковые.

— Но что-то же тебе нравится.

Оливер удивленно посмотрел на Майлза.

— Верно. И здесь нет ничего, что вызывает у меня желание пополнить свою коллекцию настенного декора.

Что ж, это было честно, хотя и удивительно. Майлз считал дом шкатулкой, наполненной

красивыми, восхитительными вещицами. Он просто не мог поверить, что Оливер ничего не хотел бы взять. Но этот мужчина был щепетилен в выборе одежды, а его машина была хоть и не нова, но дорога и безупречна, что говорило о нем как о человеке, который точно знает, чего хочет, и не загромождает свою жизнь излишествами. Возможно, соседство с такой богатой и ветреной матерью открыла для Оливера прелести жизни аскета.

— Ну, если ты передумаешь… — начал было Майлз.

Оливер поблагодарил, и они поднялись в его детскую комнату. Майлз помог (на самом деле ему ничего не пришлось делать) упаковать вещи, которые Оливер оставил в доме матери. Их было не так уж и много.

— Ха. Не узнаешь? — у Оливера в руках оказался экземпляр *«Сокровищ старой башни»* из серии детских детективов.

Майлз расплылся в улыбке.

— Конечно! Наши издания отличались.

— Да, ты все время сравнивал. — Оливер задумался. — Это самое первое издание. Пожалуй, не буду выбрасывать. — Он сложил книги на старом письменном столе и достал картонную коробку.

— Знаешь, у мамы было много драгоценностей. Наверное, они тоже принадлежат тебе, хотя я не уверен… — он оборвал себя. — Ну, Тибо точно знает. Полагаю, большая часть находится в маминой сейфе.

— А. Ясно. Может, там есть что-то ценное для тебя? — смущенно спросил Майлз.

Оливер удивился, но потом задумался.

— Не знаю. Я не думал об этом… Но, наверное, не откажусь взглянуть.

— Конечно!

— Если ты переедешь сюда, — спустя какое-то время начал Оливер. — Ты будешь жить один? — Он заклеил картонную коробку. — У тебя… Может, твой партнер тоже переедет?

Такая осторожная деликатность почему-то позабавила Майлза. Оливер не хотел поднимать скользкую тему и старался быть тактичным, но Майлз рано осознал свои сексуальные наклонности.

Они вроде бы принадлежали одному поколению, но все-таки тринадцать лет — слишком большая разница в возрасте.

— Нет. Я живу один.

— Понятно, — сказал Оливер бодрым тоном старшего брата. — Ты еще молод, и не стоит торо-

питься. Тем более в нынешних обстоятельствах.

Точно. Потому что теперь Майлз стал богачом, и некоторые захотят приобщиться к его девяти миллионам.

— А что у тебя с личной жизнью? — поинтересовался Майлз. Оливер не носил обручальное кольцо и ни разу не упоминал супругу, но это еще ничего не значило.

— Убежденный холостяк, — сообщил Оливер.

Некогда «убежденный холостяк» означало «гей», но Майлз был уверен, что в случае Оливера это выражение имеет прямое значение: «гетеросексуал среднего возраста, который не хочет загонять себя в рамки».

— А что насчет Лина? — как можно небрежнее спросил Майлз.

Оливер неодобрительно *промычал*.

— Он расстался с Джайлсом около года назад. Мне кажется, Лин еще не отошел от разрыва.

— О, жаль слышать.

Майлз понятия не имел, кто такой Джайлс, но это подтвердило его догадки насчет Лина. Он всегда полагал, что второй сын Маргаритки — гомосексуал, но у него не было прямых подтверждений. Маргаритка всегда относилась к сыновьям, словно к бродвейской постановке, в

которой она выступала спонсором.

— Полагаю, в конце концов Лин устал делать поправку на артистический темперамент Джайлса, — продолжил рассказ Оливер. — Не то чтобы я обвинял в чем-то этого парня. Жить с Лином то еще удовольствие.

— Вы часто видитесь? С Лином.

— Нет. У него дом в Горе.

— Понятно, — сказал Майлз, не имея ни малейшего представления, где этот Гор находится. Он мало что знал о Канаде. Это следовало исправить. Кроме того, нужно освежить свой французский. Майлз не хотел быть одним из иммигрантов, которые до сих пор играют в экспатов, не желая принимать новую родину.

— Лин помешан на горных лыжах, а от Гора до Мон-Трамблана всего час езды.

Майлз посчитал это отличной новостью: он не встретится с Лином. Но отчего-то испытал укол разочарования. Неужели после всего случившегося он так и не перерос свою давнюю страсть?

— У меня такое чувство, что целый день мы говорим только обо мне, — сказал Майлз. — Я даже не спросил, чем ты занимаешься.

— Я архитектор корпоративных приложений в BEC Financial.

— Это как-то связано с IT?

— Только с IT и связано, — энергично откликнулся Оливер.

Звучало *смертельно* скучно, но Оливер, казалось, был очень доволен своей работой.

Оливер закончил упаковывать последние книги и модели самолетов. После этого они с Майлзом прошли в библиотеку в английском стиле с огромными эркерными окнами, откуда открывался панорамный вид на Монреаль и окрестности. Книжные стеллажи из орехового дерева закрывали стены от пола до потолка. Дополняли интерьер камин и аккуратно скрытый бар с напитками.

— Чего желаешь выпить? — спросил Майлз. Казалось нереальным находиться в этой комнате из детских снов со всеми ее картинами и старыми книгами, разливая напитки в хрусталь, будто он хозяин этого места. Почему же «будто»? Так и было на самом деле.

Майлз не был уверен, что когда-либо сможет почувствовать себя здесь как дома, но все равно это было потрясающее ощущение.

— В шкафу должна быть бутылка «Юкон Джек», — бросил Оливер через плечо. Он стоял у окна, глядя на деревья, город и дальше, где у

горизонта голубой дымкой вилась река Святого Лаврентия.

Майлз порылся в шкафу и отыскал бутылку ликера. Также он выудил набор хрустальных бокалов и принялся искать рюмки. В этот момент на него нахлынули воспоминания о вечерах в этой комнате, когда Маргаритка и его мама пили коктейли и хохотали над «былыми временами». Забавно, что эти мгновения стали теперь уже *его* «былыми временами».

— Помнишь ту забавную серебряную рюмку? В форме охотничьего рога с лисьей головой на конце.

— Ну и память у тебя, — поразился Оливер. — Это был кубок. Принадлежал еще моему деду. Он должен быть где-то тут.

Признание, что что-то *принадлежало деду Оливера*, отрезвило Майлза.

— Почему же ты не хочешь его забрать? — Он принялся с рвением перебирать барную посуду, но нигде не увидел кубка с лисьей головой.

— Майлз, — резко окликнул его Оливер. — Прекрати чувствовать себя виноватым. Разливай ликер, и мы выпьем за твое будущее. У меня еще планы на вечер.

Майлз оставил свои поиски и послушно разлил

«Юкон Джек» по бокалам. Оливер подошел к бару. Майлз протянул ему порцию. Они чокнулись.

— Пусть прошлое померкнет перед будущим. — Оливер выпил до дна, не пролив ни капли, а затем швырнул пустой бокал в камин, и хрусталь разлетелся миллионом сверкающих осколков.

После этого сын Маргаритки снял ключ от дома со связки, положил на полированную стойку бара и с решимостью посмотрел на изумленного Майлза.

— Удачи тебе. Обращайся в любое время.

Затем он отвернулся и вышел из комнаты.

Глава четвертая

Когда Майлзу исполнилось двадцать два года, он совершил нечто постыдное. Воспоминания об этом до сих пор заставляли его уши гореть.

Все произошло через год после смерти его матери. Он только получил диплом педагога и разослал резюме в несколько школ Саутленда. На самом деле ему предложили место преподавателя искусств в Канога Парк. Школа находилась менее чем в получасе от дома, на каждого учителя приходилось терпимое количество учеников, и ему понравились коллеги и сотрудники администрации, с кем довелось пообщаться.

Как ни посмотри, это было идеальное предложение, и Майлз знал, что следует соглашаться. По крайней мере так бы поступил ответственный за свою жизнь взрослый.

Но в двадцать два Майлз был еще слишком молод, полон надежд, или, возможно, глуп, чтобы отказаться от своей мечты в пользу стабильного заработка. Его мать была учительницей, и он прекрасно знал, что преподавание — это не то, чем можно заниматься спустя рукава. Это не работа, а призвание.

Майлз с болезненной ясностью понимал, что если он согласится на работу в Канога Парке, то превратит живопись в хобби выходного дня — возможно, навсегда, и определенно на обозримое будущее. А эта мысль была *невыносима*. Искусство составляло жизнь Майлза. Мама говаривала, что ее сын ест и пьет масляные краски, а также спит в них, и это было близко к правде. Майлз был пламенно увлечен рисованием, и хотя он с готовностью делился своей страстью с учениками — талант к преподаванию оказался для него настоящим открытием — но ему совсем не хотелось положить свою жизнь на это. Он хотел *творить*.

Поэтому он совершил поступок, при мысли о

котором его до сих пор прошибал холодный пот, а желудок крутило. Он позвонил в *Éclatant* — модную галерею в Монреале, благодаря которой Линли Палмер сделал себе имя, прослыв превосходным арт-дилером с невероятным чутьем на самородки. Другими словами, Майлз обратился к человеку, который ничем ему не обязан. И вообще едва ли помнил о его существовании.

Как ни странно, Линли выслушал по телефону бессвязный лепет Майлза и просьбу о помощи и наставничестве, а затем предложил привезти в Монреаль три лучшие работы. Может быть, Линли пытался пресечь идеи Майлза, сделав для него предприятие сложно осуществимым. Но начинающего художника это не остановило. Находясь в приподнятом настроении, Майлз выбрал три лучших полотна, тщательно упаковал и первым же рейсом отправился в Монреаль.

С каким стыдом он вспоминал позже муки надежды и волнение, охватившие его в том путешествии. Он был так уверен, что получит одобрение, которого отчаянно жаждал. Что Линли непременно благословит его продолжать рисовать, и Майлзу не придется вести двойную жизнь учителя и художника. Более того, что Линли Палмер торжественно предложит пред-

ставлять интересы нового дарования — Майлза Тьюздея.

Боже.

Он мечтал о… Что ж, лучше об этом не вспоминать. Майлз был неопытен, юн и… бестактен, *gauche*, если перейти на французский. Вероятно, именно это слово использовал Линли, характеризуя Майлза.

В общем, все пошло не так, как навыдумывал себе Майлз.

Линли был немало удивлен приезду Майлза — и вот он, первый звоночек. Затем он долго изучал каждую из картин с серьезным, почти суровым вниманием. Он расспрашивал гостя о работе и жизни, позволил Майлзу выговориться, а затем рекомендовал ему заняться преподавательской деятельностью.

— Прости, Майлз. Но я не вижу в этом искры, — сказал Линли холодным, резким тоном. — Цветовое решение, фокус внимания, динамика — да, ты более чем подкован в теории, и это загоняет тебя в рамки. Чересчур. А мне нужно… Не знаю, как это выразить словами… — И он по-линлиевски грациозно и беспокойно взмахнул рукой. — Понимаешь, я ищу нечто особенное.

— Нет, не понимаю, — сухо сказал тогда Майлз

на французском.

Линли поднял на него глаза, шокирующе синие на его тонком, смуглом лице, и Майлз увидел в них осознание, что именно значил для молодого художника его отказ. Понимание сменилось вспышкой смущения, нежеланием видеть такую реакцию, даже что-то вроде смятения.

Вот так все и кончилось.

Но все-таки часть мечты Майлза воплотилась в жизнь. Линли пригласил его на ужин. Он собирался встретиться с друзьями и сказал, что Майлз должен непременно присоединиться. В россыпи осколков своих надежд Майлз поблагодарил Линли за потраченное время и приглашение, выразил сожаление, что не сможет присутствовать на ужине и ушел прочь. Он выбросил картины в первый же мусорный бак.

А когда вернулся домой, согласился занять должность преподавателя искусств.

Он не прикасался к кистям почти год.

Но болезненная тяга к творчеству в конце концов вернулась. Возможно, в нем не было нужной искры, что бы это ни значило, но он все еще любил рисовать. *Нуждался* в этом.

Так что Майлз просто подчинился инстинкту. Он писал исключительно для себя, удовлетворяя

свой душевный порыв. И морщился, когда друзья или ученики говорили о том, что ему следует выставляться. Цену своему искусству он уже знал, и в достоверности информации сомневаться не приходилось. Майлз на собственном горьком опыте убедился, что «*страст*ь» — самое расхожее понятие в искусстве. Если он хочет иметь кусок хлеба, то ему нужно преподавать, и живопись в этом случае навсегда останется лишь хобби, несмотря на страсть.

Однако Маргаритка и ее завещание все изменили. Отныне Майлз может всю свою жизнь посвятить рисованию. Он может даже организовывать персональные выставки, если захочет.

И мысль об этом будоражила.

И немного пугала.

Будь осторожен в своих желаниях, так ведь говорят?

В свое время Майлз сделал трудный выбор и распланировал свою жизнь до конца, но теперь все перевернулось с ног на голову. И снова перед ним открылся океан возможностей. Разница лишь в том, что сейчас на берегу этого океана стоял не наивный юнец. Теперь на самом деле все *стало* возможным.

Деньги действительно управляют миром.

***

После ухода Оливера в доме воцарилась гнетущая тишина.

Майлз бродил по комнатам, с радостью встречая старых знакомцев вроде пары рыцарских доспехов, охраняющих лестницу, и отмечая новые приобретения, например, бронзовую копию жирного коня Ботеро на втором этаже.

Так. Много. Вещей. Без комфортной поддержки Оливера дом казался музеем. Но он полностью принадлежал Майлзу. Теперь новому хозяину особняка предстояло отделить любовно хранимые воспоминания прошлого от будущего, которое он собирался построить.

Десять лет — долгий срок. И хотя Оливер отметил безупречную память Майлза на детали, все-таки временная перспектива давала искажения: комнаты на его памяти были больше или меньше, шире или уже. Он бродил по спальням, в которых раньше никогда не бывал. А прогулка по покоям Маргаритки, которые та делила в разные годы с тремя мужьями, вовсе казалась нарушением границ частной собственности. Хозяйская спальня была великолепна: поток света, льющийся через эркеры, купол потолка, блестящий паркет. Но Майлз смотрел на голубой с серебром

пеньюар, небрежно оставленный в изножье кровати, на пузырьки и баночки с золотыми крышечками на туалетном столике и никак не мог представить себя, спящим в этой комнате.

Не странно ли, что никто не прибрался в комнате Маргаритки? Наверное, нет. Может, это юридическая необходимость — чтобы все оставалось на своих местах. Но вещи словно ожидали скорого возвращения хозяйки, и это определенно вызывало тревожные чувства.

Неужели теперь Майлз должен их убрать? Разве это не обязанность скорбящих членов семьи? Или, например, Агаты Дюбе. Майлз укрепился во мнении, что все-таки отношения Маргаритки с сыновьями были далеки от сыновне-родительской близости.

И тут на него обрушилось понимание, каких усилий потребует от него этот шаг — бросить работу, дом, друзей. Оставить все и всех ради… мечты. Хорошо финансируемой мечты, но от этого она не становилась менее зыбкой. Неужели Майлз будет жить в этом огромном доме один? Может, разумнее продать все и использовать деньги, чтобы организовать свое будущее в родной обстановке?

Однако когда мысль о жизни в особняке

впервые пришла ему в голову, сердце Майлза екнуло, и *это* послужило ответом ко всему. Да, перспективы были туманны, но в то же время захватывающи. Майлзу не нужны спокойствие и безопасность. Вся его жизнь была разумной и прочной. Но на самом деле он жаждал приключения.

И не стоит ли принять во внимание, что Маргаритка тоже хотела этого *для него*?

Она дала ему шанс, который выпадает раз в жизни. Разумеется, нужно хвататься за эту возможность не раздумывая.

С висевшего на дальней стене портрета в золоченой раме Майлзу улыбалась хозяйка дома.

***

Решение изучить территорию поместья этим вечером было крайне удачным. Майлз не только наслаждался свежестью прохладного вечернего воздуха, которая наполняла его бодростью, но и обнаружил, что Оливер не запер главные ворота.

Майлз закрыл ворота и обошел двор и сады. Осенний воздух был напоен сладостью, угасающий день наполняло мягкое сияние. Было что-то волшебное в этом осеннем свете, и Майлз испытал знакомый зуд, побуждающий взять в руки кисть и краски. Он чувствовал запах костров и

наблюдал, как внизу, у подножия холма город расцвечивается огнями. Майлз бродил по выложенным кирпичом дорожкам мимо увядающих клумб, поднимался и спускался по каменным ступеням, ведущим к укромным уголкам сада, любовался видами меж колонн террасы позади дома, уставленной кованной садовой мебелью.

Да, дом был огромен для одного человека, но ведь Майлз и не собирался провести здесь жизнь в одиночестве. Летом он мог бы пригласить Робин с мужем и детьми погостить на несколько недель. Он мог бы позвать и других друзей. Может, Канада в целом и Монреаль в частности будут располагать и к налаживанию личной жизни Майлза. Он представил, как поселится в этом доме с милым парнем и выводком детишек. Майлз ведь на самом деле обожал детей. Это стало самым неожиданным открытием в его преподавательской деятельности. Когда-нибудь он обязательно станет отцом.

Дома, вернее, в Калифорнии, он пытался завести отношения, но ничем хорошим это не закончилось.

Один парень, Ларри (кажется…), сказал Майлзу на прощание: «Ты *хороший парень*». Что, очевидно, означало: *«Ты слишком скучный»*.

Что ж, наверное, так и есть. Ларри тоже не искрил, если уж на то пошло.

И на самом деле, что плохого в том, чтобы быть хорошим парнем? Чувствовать ответственность, быть честным, стараться видеть позитивные стороны во всем и принимать чужую точку зрения? Что плохого в том, чтобы быть человеком, на которого можно положиться?

Ничего. За исключением того, что все привыкли пользоваться этими позитивными качествами Майлза. Люди ожидали, что он возьмет на себя дополнительную работу или выйдет на замену, станет спонсором, персональным психологом, нянькой, гидом, волонтером или на худой конец просто побудет рядом.

Не то чтобы Майлз возражал против этого, но может, он будет чувствовать себя лучше в Канаде, где люди, говорят, не столь корыстны.

Относится ли это к монреальцам? Все-таки Монреаль казался немного более шумным и экзальтированным, чем остальная Канада. Майлз не был знатоком остальной Канады, но ему об этом говорили.

И все-таки, вдруг Майлз встретит мужчину своей мечты, пока воплощает в жизнь другую? Маргаритка обеспечила его всем, почему бы и не

этим тоже?

***

«Частично затопленное, обнаженное, изуродованное тело было обнаружено отрядом бойскаутов…»

Майлз вздохнул, выложил омлет с сыром на тарелку, подхватил бокал с вином и вышел из кухни под омерзительные вопли, доносящиеся из телевизора Агаты.

Он потратил немало времени на изучение содержимого шкафчиков и полок на кухне (он не отважился побеспокоить Агату) и почувствовал себя настоящим героем, когда не только сумел приготовить свое первое блюдо в новом доме, но и набрался храбрости покопаться в винном погребе. В итоге он откупорил бутылку Совиньон Блан, чтобы отпраздновать свои достижения.

Майлз часто ужинал в одиночестве, так что этот вечер в Брэйсайде не отличался от множества других в Калифорнии. И все-таки… отличался. Майлз поел в библиотеке, наблюдая как за огромными окнами сгущаются тени и меняются оттенки закатного неба, а во дворе один за другим вспыхивают ночные огни. Затем он составил список дел на следующий день. Например, следовало купить теплое пальто. Запастись продуктами. Или — как

вам это? — приобрести все для рисования.

Когда в комнате скрипнула половица, Майлз чуть не выпал из кресла и тут же обернулся, чтобы посмотреть, кто стоит за его спиной.

Глава пятая

Никого не было.

Никто не стоял в дверях. И за ними, в коридоре, тоже.

Дом был старый, и конечно, «*ходил*» и *скрипел*, что свойственно всем домам в его возрасте.

До этого момента Майлз не осознавал, что ему не по себе. Минутная слабость вызвала раздражение. Ради всего святого! Ему шесть или двадцать шесть? Затем Майлз понял, что в доме скоро стемнеет, а он даже не знает, где находятся выключатели многочисленных люстр. И вот теперь он почти запаниковал.

А это *уже* смешно. Майлз никогда не боялся темноты, даже в детстве. Но почему-то не мог посмеяться над своим иррациональным страхом. Он принялся зажигать лампы в библиотеке, затем пошел искать выключатели в холле. Чемоданы все еще стояли у подножия лестницы. Майлз пока не решил, в какой из комнат будет ночевать, да и Оливер ничего не предложил на этот счет. Майлз

проигнорировал багаж и поднялся на открытый и прохладный второй этаж, чтобы включить свет и там.

Он не мог продолжать в том же духе, иначе получит астрономические счета за электричество, но пока ему некомфортно в доме, он ничего не мог с собой поделать.

Теперь свет горел *везде*.

Конечно, не только это успокоило Майлза. Заодно он проверил, что в доме нет чужаков.

Разумеется, никто ему не повстречался.

Майлз чувствовал себя полным идиотом.

Он подошел к краю лестницы и посмотрел вниз на смертельный изгиб сверкающих мраморных ступеней. Прислушался.

Ничего.

Впрочем, если бы он действительно сосредоточился, то, вероятно, смог бы различить отдаленные вопли рассказчика из очередного криминального шоу и устрашающие слова: *«…задушен… замучен… тайный… труп…»*

Неудивительно, что Агата опасалась открывать дверь незнакомцу. И что вообще опасалась выходить за нее.

Майлз подумал, что, пожалуй, неплохо бы найти себе место для сна. Вслушиваться в скрип

половиц вредно для нервов. Но если не хозяйские покои, то какая комната устроит его?

Он провел большую часть дня в комнате Оливера, но чувствовал неловкость думая о ней как о собственной спальне. Особенно после того, как стал свидетелем эмоциональной вспышки Оливера, когда тот швырнул хрустальный бокал в камин.

Майлз решил осмотреть другие спальни, но во всех обнаружил незастеленные кровати. И он не представлял, где может храниться постельное белье. В конце концов он остановил свой выбор на большой комнате с видом на деревья на заднем дворе. Пейзаж был великолепен, но Майлза прежде всего привлекла аккуратная стопка свежевыстиранных простыней на кровати и несколько книжных новинок по искусству в синей сумке на подоконнике. Майлз посчитал это знаком свыше.

К тому же книги по искусству свидетельствовали, что комната некогда принадлежала Линли, и вероятно, он до сих пор сюда наведывался. Возможно, было что-то вуайеристически извращенное в том, что Майлз выбрал спальню своей первой детской влюбленности. Но что плохого в этом, раз Линли больше не воспользуется ею?

Майлз спустился вниз, подхватил чемоданы и вернулся в комнату. Почему-то комната Линли придала ему уверенности, так что, поднимаясь по лестнице, он даже выключил пару ламп.

Застелив постель и достав смену одежды для сна, Майлз поддался уколу любопытства и заглянул в шкаф. В нем было пусто, за исключением смокинга, висевшего в углу на плечиках. Кто ведет столь активную светскую жизнь, что ему даже пришлось *купить* смокинг? Очевидно, Линли. Смятый шелковый галстук-бабочка лежал на дне шкафа.

Возможно, у него слишком разыгралось воображение, но Майлз почувствовал призрачный шлейф аромата лосьона после бритья — прохладной смеси зеленого чая и эвкалипта — который привел его к почти пустой бутылочке Proraso в ванной комнате. Там же Майлз обнаружил одинокую красную зубную щетку и оранжевый тюбик с надписью Buly 1803. Зубная паста? Пахла апельсинами.

Все эти вещицы, вероятно, многое могли рассказать о человеке, который ими пользуется. Майлз предпочитал Nautica Voyage и чистил зубы отбеливающей пастой Crest 3D. Ему нравились ботинки на шнуровке от Thursday Boot, джинсы

Levi's, футболки с принтами и одежда, которую было не жалко, если на нее попадут брызги краски. Смокинг ему пришлось надеть всего пару раз в жизни.

Майлз почувствовал, что все это уже отдает сталкерством.

Он вернулся в спальню и устроился в безупречно удобной кровати в обнимку с *«Бесконечной загадкой: восемь веков фантастического искусства»*, и принялся читать.

Примерно через пять минут он понял, что все еще читает первый абзац.

Книга была интересной, но Майлз никак не мог сосредоточиться, потому что все время прислушивался.

Прислушивался к *чему*?

Он не знал. Поэтому постарался снова сосредоточиться на книге.

В коридоре скрипнула половица. Сердце трепыхнулось, и Майлз подскочил в кровати. Он распахнул дверь — и, конечно же, коридор был пуст.

А как же иначе?

Майлз почувствовал раздражение, потому что до сих пор он не думал о себе как о человеке с расшатанными нервами. Он же преподавал у

старших классов, в конце концов. Занятие не для слабонервных, между прочим.

Он вернулся в постель, взялся за книгу, но затем ему стало любопытно, что находится в ящиках прикроватной тумбочки. Майлз удовлетворил любопытство, обнаружив там почти пустую коробку окаменевшей жвачки Nicorette и черно-белую фотографию в серебристой рамке.

Никотиновая жвачка намекала на неожиданную уязвимость в безупречном образе Линли. Даже этот человек страдал от какой-то зависимости.

На фотографии был Линли, он выглядел старше, чем помнил его Майлз, хотя это напряженное, худощавое лицо он узнал бы где угодно. Рядом находился беззаботный мужчина со светлой растрепанной шевелюрой и широкой белоснежной улыбкой.

По-видимому, это и есть тот самый Джайлс, бывший парень Линли с артистическим темпераментом. Он не выглядел склонным к экзальтации и не был похож на того, с кем Палмер завел бы отношения, но романтический выбор людей еще сложнее понять, чем выбор продуктов для ухода за полостью рта.

Во всяком случае, на фотографии оба выглядели

вполне счастливыми.

Впрочем, на камеру легче скрыть чувства. Майлзу потребовалось несколько картин, чтобы узнать истинную натуру Линли Палмера.

И вообще он начинает совать нос не в свои дела.

Майлз решительно задвинул ящик и схватился за книгу.

***

Ему снился скрип половиц.

Вкрадчивый шорох подошв становился все ближе.

Сердце затрепыхалось в ужасе.

И его глаза распахнулись. Майлз проснулся растерянный и встревоженный — уже привычные ощущения в последнее время — от света и шума.

Люстра… Серьезно, *люстра*? Над кроватью. Где он, разрази гром, *находится*? Свет слепил глаза, а из дальнего угла комнаты раздался испуганный мужской голос:

— О, *Господи! Какого черта…*

Майлз одним прыжком вскочил с кровати и, моргая, уставился на высокую темную фигуру в дверном проеме.

— Лин?

— *Майлз*? — Линли казался озадаченным. Как

и Майлз. Но он быстрее пришел в себя. — Боже, это всего лишь *ты*, — произнес он осуждающим тоном. — Что ты тут делаешь? Я думал, ты приедешь в понедельник.

— Оливер отдал мне ключ.

— Оливер отдал тебе ключ, — повторил Линли в ступоре.

Ему, должно быть, уже стукнуло тридцать четыре, но его конституция и врожденная элегантность помогали Палмеру оставаться вне возраста. Он был счастливым обладателем прямых черных волос и голубых глаз, которые, казалось, пронзали насквозь, как булавка бабочку. Прямая линия бровей придавала ему грозный вид, но образ смягчала чувственная, почти безупречная линия рта.

Ребенком Майлз считал Линли Палмера самым красивым, уверенным и стильным мужчиной на свете. Что, разумеется, довольно забавно, ведь, когда они впервые встретились, Линли был подростком, а не мужчиной, и наверняка, как и все молодые люди, испытывающие гормональные вспышки, был подвержен приступам неуверенности в себе и нерешительности. Не говоря уже о прыщах.

Объективно, младший сын Маргаритки *не*

обладал красотой в классическом понимании. Все в его лице было слишком резким, слишком яростным. И все же что-то в нем определенно было. Даже посреди ночи, усталый и помятый, в джинсах и вязаном свитере, он не утратил лоска. Нет, притягательности, *savoir faire*. Вот подходящее слово.

Он всегда был немного больше французом, чем Оливер, хотя на самом деле оба англичане. Только в последнем браке Маргаритка связала свою жизнь с франко-канадцем.

— Что *ты* здесь делаешь?! — парировал Майлз, потому что он уже не наивный мальчик и его не так-то легко пронять, будь ты хоть трижды savoir faire.

К его удивлению, Линли смахнул со лба непослушную прядь и рассмеялся.

— Прости. Не хотел тебя напугать. Я заехал, чтобы забрать свои вещи, пока ты не вступил во владения… эм-м, этим роскошным поместьем.

Роскошное поместье. В этом весь Линли. Всегда немного беспечный, немного саркастичный.

— Я приехал вчера вечером, — пояснил Майлз.

— *А-а.* Понятно. Если бы я знал, что ты уже заселился…

Улыбка делала его значительно моложе, менее

пугающим, гораздо привлекательнее.

— Пока неофициально, — признал Майлз. — Оливер посоветовал остановиться здесь. — И неловко добавил: — Прости, что занял твою спальню. В других комнатах не было постельного белья. А в спальне твоей м… Маргаритки… не совсем удобно.

Линли выслушал все это, склонив голову набок и приподняв бровь — очень по-французски.

— Но теперь ведь это твоя спальня.

— Да, точно, — пробормотал Майлз. Говорить об всем с Оливером было сложно, но по крайней мере Майлз немного его знал. Гораздо сложнее ступать на скользкую дорожку с Линли, которого он не знал вовсе.

Однако, похоже, мысли Линли сменили направление, потому что он улыбнулся своей смешливой и неожиданно очаровательной улыбкой:

— Я едва узнал тебя. Ты вырос, Майлз.

— Надеюсь. — Майлз точно знал, о чем Линли, и это был не комплимент. Да, он изменился. Он уже не тот неуклюжий, болезненно застенчивый и отчаянно нуждающийся в одобрении мальчишка, каким был раньше. Слава Богу.

Тонкие губы Линли дрогнули, как будто он

понял, о чем думает Майлз. Такой оценивающий взгляд со стороны Палмера вызывал смущение.

Майлз оглядел себя. На нем были боксеры в красно-черную клетку и черная футболка — довольно скудный комплект, учитывая промозглость местных осенних ночей.

— Прости, не ждал гостей. — Он потянулся за толстовкой и быстро в нее влез.

— Не стоит из-за меня одеваться. Я спокойно могу занять любую другую комнату. Если ты не возражаешь, конечно, — сказал Линли. — Все равно я не собирался прямо сейчас разбирать вещи.

Тем временем Майлз уже натягивал джинсы. Сна не было ни в одном глазу.

— Конечно, я не против. Ты можешь приезжать в любое время.

Возможно, это был чересчур широкий жест. Линли вопросительно выгнул бровь, и с его языка едва не сорвался вопрос, но в итоге он промолчал.

— Ну, я уже не усну, — сказал Майлз. — Приготовлю кофе. Будешь?

— Спасибо. Замечательная идея. — Линли отступил от двери, пропуская Майлза вперед.

Определенно, это воссоединение друзей детства значительно отличалось от встречи с Оливером.

Старший из братьев тепло пожал руку и крепко обнял. Он воскликнул: *«Боже! Посмотри, как ты возмужал!»*

Майлз даже вообразить не мог объятия с Линли, да и тот не выказывал ни малейшего порыва преодолеть пропасть между ними.

— Наверное, Агата не в курсе, что ты пришел. — Майлз направился на кухню.

— Она не услышит, даже если танк проедет мимо ее спальни, — хмыкнул Линли. — Я уверен, что Тибо говорил, будто ты приедешь в понедельник.

— Таков был план. Но мне удалось купить билеты на более ранний рейс.

— Понятно.

Всю дорогу до кухни Майлз рассказывал о своей поездке и встрече с Оливером.

— Этот крысеныш и словом не обмолвился, — прокомментировал Линли, когда они наконец добрались до кухни и красноречие Майлза иссякло.

Линли вежливо подождал, пока Майлз пошарил в поисках выключателя, но потом не выдержал и сам зажег верхний свет в медных потолочных лампах.

— Voilà.

Надо же, кто-то действительно говорил «вуаля».

— Спасибо. — Каждый раз, когда Майлз натыкался на внимательный взгляд голубых глаз Линли, он чувствовал потребность говорить и говорить дальше. — Ну, я ничего такого не планировал, на самом деле. Думал, что неплохо бы приехать пораньше, чтобы посмотреть город. Оливер тоже не знал, что я приехал. Он просто выяснил, где я остановился, а потом пригласил позавтракать, и мы приехали сюда.

Линли легко сориентировался в этом потоке информации и оправданий.

— Разумеется, — сказал он. — Почему бы и нет?

— И я подумал, что если перееду сюда, мне будет легче все обдумать.

Выразительные брови Линли поползли вверх.

— Обдумать что?

И вот тут Майлз ступил на минное поле.

— Ну… Стоит ли продавать… Или поселиться здесь.

На мгновение между ними повисла тишина, а потом Линли произнес:

— А-а…

Майлз метнул в него неуверенный взгляд.

— Лин, я говорил Оливеру, и хочу сказать тебе:

ты можешь забрать отсюда все, что захочешь — мебель, картины, вещи твоей мамы… Честно говоря, я вообще не знаю, почему она завещала этот дом мне.

— Вероятно, потому что хотела, чтобы он принадлежал тебе, — холодно сказал Линли.

Майлз не знал, что на это ответить.

Линли изучающе посмотрел на него и смягчился.

— Ты ни в чем не виноват, Майлз. Наши матери всегда были как родные сестры, так что, по всей видимости, ей хотелось позаботиться о твоем благополучии.

Больше, чем о благополучии своих собственных сыновей? Вряд ли можно считать это хорошим объяснением.

Майлз отыскал кофеварку и пакетик с зернами. Насыпав кофе в отсек для зерен, он долил воды и включил машину.

— Раз уж ты так любезен, меня интересует кое-что, — резкий голос Линли разорвал тишину. — Перстень с печаткой моего отца. Он должен быть в описи. Есть еще пара безделушек, которые мать всегда обещала мне, хотя, как оказалось, со временем ее мнение изменилось.

— Что именно?

— Красно-синий тебризский ковер перед камином в прихожей, — произнес Линли с вызовом.

— Согласен.

— И два наброска маслом Алгонкинского парка в столовой. Это был подарок отца матери на их годовщину.

— Хорошо.

Линли с интересом посмотрел на Майлза.

— Это эскизы Тома Томсона.

— Ладно.

Майлз слышал о Томсоне. По крайней мере, знал, что его творчество оказало влияние на легендарную «Алгконкинскую школу» канадских пейзажистов и что в наше время картины этого художника высоко ценятся. Он изучил творчество Томсона после того, как Линли сказал ему в *тот* день: если Майлз собирается и дальше импровизировать на тему великих, ему стоит выбрать объект для подражания посовременнее. Или что-то вроде того. Майлз не нашелся, что ответить.

— Они очень ценные.

Майлз пожал плечами.

— Так забирай их. Есть еще что-то?

Линли уставился на Майлза с нечитаемым выражением на лице.

— Нет.

— Что? — неохотно спросил Майлз, защищаясь.

Линли покачал головой.

— Ничего.

Кажется, Майлз понял.

— Мне достаточно и дома.

— Возможно. Но далеко не каждый думал бы так на твоем месте.

— Сомневаюсь, что ты встречал многих на моем месте.

Линли коротко хохотнул.

— Тоже верно. Так вот чего ты хочешь? Иммигрировать в Канаду и поселиться в этом мавзолее?

— Может быть.

— Один?

— Пока что.

Линли кивнул в задумчивости.

— Что ж, все равно кредит за дом давно закрыт. А чем ты зарабатываешь на жизнь?

— Я учитель, — отрезал Майлз. — Такова же была идея, да?

Это вырвалось само собой. Линли прищурился, будто не совсем понял причину такого всплеска враждебности.

— Тебе не нравится этим заниматься?

— Очень нравится. Я хорош в этом деле. Просто оно не было мечтой всей моей жизни.

Майлз увидел, как в ярко-голубых глазах Линли вспыхнуло понимание. Неужели этот ублюдок на самом деле *забыл*? Неужели он так и не понял, как разрушил жизнь Майлза? Что за эгоцентричный *мудак*.

— Да. Конечно, — пробормотал Линли. Впервые Майлз услышал в его голосе неловкость. — Ты хотел стать художником.

— О, я и *есть* художник. Просто не зарабатываю рисованием на жизнь. Но благодаря тетушке Маргаритке, теперь мне не нужно беспокоиться о куске хлеба. Я намерен посвятить искусству всю оставшуюся жизнь.

Оказалось, Майлз был зол и обижен больше, чем признавал. Слова, словно камни падали между ним и Линли.

— Эм, хорошо, — вежливо сказал Линли, спустя какое-то время. — И пусть она будет долгой и счастливой.

Глава шестая

Не в характере Майлза лелеять свои обиды. Когда кофе был готов, он уже пожалел о гневной

вспышке. В конце концов, он сам хотел тогда услышать честное мнение Линли. Разве справедливо винить Палмера в том, что тот его высказал? К тому же все это *быльем поросло*.

Майлз отключил кофе-машину и, разлив напиток по чашкам, спросил, какой Линли предпочитает.

— Черный. Двойной сахар.

Линли сосредоточенно изучал (будь это кто-то другой, Майлз подумал бы, что скорее *делал вид*) обложку последнего номера глянцевого журнала *Chatelaine*, который лежал на длинном обеденном столе, венчая гору нераспечатанной почты.

Майлз помешал кофе и протянул чашку Линли. Тот сделал глоток. После чего его глаза округлились.

— Майлз, это поистине *ужасный* кофе, — восхищенно произнес он.

— Я знаю.

— Возможно, худший на свете.

— Благодарю, — Майлз скорчил гримасу. — Предпочитаю чай.

Линли расхохотался.

— Я приготовлю чай, если ты не против.

— *Будь добр*, — произнес Майлз, и Линли вновь рассмеялся.

Он быстро заварил чай. Открыв холодильник в поисках молока, Палмер обнаружил полупустую бутылку вина, которую Майлз откупорил за ужином. Его брови полезли на лоб.

— Кло ла Неор. Неплохой выбор.

— Оно дорогое? — с тревогой спросил Майлз.

Линли казался удивленным.

— Это хорошее вино, — повторил он.

Потом он нашел в кладовке нераспечатанную коробку крекеров Petit Beurre, и они сели за стол. На удивление атмосфера стала дружелюбной.

Майлз взял печенье и макнул его в чай.

— Сколько тебе сейчас? — спросил Линли.

— Двадцать шесть.

Палмер кивнул. Отвечая своим мыслям, он задумчиво произнес:

— Тебе следует сразу же продать автомобили. «Даймлер» будет стоить штук восемьдесят или около того.

Майлз едва сдержался, чтобы не ахнуть. Он совсем забыл о небольшом парке ретро-автомобилей в гараже.

— Что-то можно и оставить себе для передвижения.

— Можно. Только я не планирую ездить по городу на антиквариате.

— Ну что ты. «Остин-Хили» тебе бы подошел.

«Остин-Хили»?! Майлз умудрился не подавиться печеньем. А он все ломал голову, как переслать свой «Киа Рио» из Калифорнии в Монреаль и потратить на это не больше, чем стоит сама машинка.

Тем временем Линли продолжал размышлять вслух:

— В доме полно всякого хлама, но есть и ценные вещи. Если каждый месяц продавать одну-две семейные реликвии, ты сможешь оставаться на плаву несколько лет.

Он говорил серьезно с азартом прирожденного организатора. Кто бы мог подумать?

— Я в состоянии о себе позаботиться. Не беспокойся обо мне, — промямлил Майлз.

— Конечно. И все же именно этим я сейчас и занимаюсь. Ты же не список воскресных покупок составляешь.

Майлз фыркнул.

— Не думал, что забота о других — твое призвание.

Линли изменился в лице.

— Значит, ты меня совсем не знаешь.

Его тон был ледяным, и Майлз понял, что его слова задели Палмера.

— Не знаю.

— Редкие визиты в каникулы не делают тебя экспертом по нашей семьей или моей персоне.

Определенно, он был взбешен.

— Ты прав. Прости, — извинился Майлз.

Надменное выражение исчезло с лица Линли. Он раздраженно фыркнул.

— А теперь я чувствую себя виноватым. Знаешь, тогда, годы назад, я не хотел причинять тебе боль. Я не…

Когда стало ясно, что он не собирается продолжать, Майлз сказал:

— Все нормально. Твое мнение не должно было так на меня влиять.

Линли открыл рот, закрыл и, наконец, произнес:

— Верно, но сложно признать. — Неожиданно он с грустью улыбнулся. — Мне стоило быть добрее.

Майлз пожал плечами.

Через минуту молчания Линли осторожно спросил:

— И ты… У тебя… Ты на самом деле собираешься здесь жить совсем один?

Может, Майлз в конце концов разберется и с этим.

— Да. У меня нет партнера или парня.

Осторожный взгляд остановился на Майлзе. А затем Линли медленно кивнул.

— Понятно.

Майлз не смог отвести глаз от Линли. Сердце бешено заколотилось. Лицо обдало жаром, Майлз, кажется, покраснел до кончиков волос. Этот взгляд Палмера… Майлз ведь его неверно истолковал? Потому что в другое время и в другом месте…

Мысли Майлза — клубок из обрывков мыслей, чтобы быть точным — прервал полный ужаса вопль и грохот в конце коридора.

— *Господи Иисусе*, — воскликнул Линли.

Они оба вскочили на ноги.

— Что *это* было?! — воскликнул Майлз, хотя очевидно, что Линли пребывал в том же неведении. Гул был такой, будто обвалилась часть крыши.

Линли уже бросился к источнику шума. В столовую? Прихожую? Майлз последовал за Палмером на трясущихся ногах. Они выскочили за дверь и направились в коридор. За спиной послышалось испуганное кудахтанье Агаты.

После оглушительного лязга и треска повисшая в воздухе тишина казалось зловещей. Линли

бросил взгляд в прихожую, метнулся в столовую и еще раз осмотрелся.

— О, *черт*!

Затем он двинулся к парадным дверям… Но до них не дошел.

Не отставaвший ни на шаг Майлз почти сразу заметил то, что вынудило его спутника застыть на месте. Ему потребовалась вся сила воли, чтобы заставить ноги двигаться.

У подножия мраморной лестницы лежал человек. Тяжелая бронзовая копия коня Ботеро придавила его сверху.

Как? Какого черта тут делает незнакомец? Кто это наконец?

Скульптура не могла сама «перепрыгнуть» через железные поручни. А это значит… Майлз с трудом осознавал произошедшее.

Под головой мужчины начала расплываться липкая красная лужа. Желудок Майлза сдавило, а голова закружилась. Он не мог отвести взгляда от красных ручейков, расползающихся по белым плиткам, как жуткие паучьи лапы.

Майлз никогда не видел *столько* крови. Она была всюду.

Неистово матерясь сквозь зубы, Линли опустился на колени рядом с незнакомцем и проверил

пульс. Майлз наблюдал не в силах двинуться с места. Линли почти полностью закрыл обзор, но Майлз видел, что мужчине около сорока. Это был высокий и скрюченный (или его скрутило из-за падения) человек с худыми заостренными чертами лица и клочковатыми рыжими волосами с проседью.

— Он мертв? — спросил наконец Майлз. Он боялся услышать ответ, но Линли промолчал.

— Неужели он пытался стащить эту статую по лестнице? — продолжил Майлз.

Линли, казалось, его не слышал.

Не такая большая, как оригинал, копия все же весила наверняка около центнера. Этот мужчина был самоубийцей, если решил в одиночку спустить по скользким мраморным ступеням такую громадину.

— *Que s'est-il passé?* Что случилось? *Quelqu'un me répond*? — Вопли, полные ужаса, разносились по коридору, когда в прихожую засеменила Агата. На ней был стеганый халат в розовых и зеленых цветочках и бигуди.

— Майлз, — жестко приказал Линли. — Не позволяй ей это видеть.

Майлз дернулся, чтобы перехватить Агату, которая пыталась протиснуться мимо него.

— Эрван? *Mon Dieu! Est-ce lui*?

Майлз и не представлял, что Агата — франко-канадка. Ему также не приходило в голову, что этот незваный гость, грабитель, или кто бы то ни был, может оказаться вовсе не чужаком.

— Стойте! Не смотрите. Вам лучше подождать…

Она замахнулась, чтобы его ударить, но годы работы в средней школе Саутленда не прошли для Майлза даром: он блокировал удар, обхватил дебелое тело руками и прошипел:

— *Ну-ка.* И не пытайтесь!

Агата разразилась потоком отборнейших ругательств, которые Майлз никогда не слыхал, особенно от женщины бальзаковского возраста, предпочитавшей кардиганы и жемчуга.

— Эрван? *Эрван*!

Майлз вспомнил, что Оливер упоминал об Эрване — беспутном сыне Агаты. Уголовник, которому Линли запретил ступать на порог этого дома. Неужели он теперь мертвец?

Линли поднялся на ноги. Его лицо было совсем бледным. Потом он подошел к Агате и заговорил с ней по-французски очень серьезным тоном. Единственное слово, которое понял Майлз — *mort*.

Черт.

Агата издала леденящий вопль и закрыла лицо руками, разразившись слезами.

Майлз встретился взглядом с Линли, и тот покачал головой. Майлз сглотнул. Все очевидно и без слов.

— Нужно позвонить в неотложку, — произнес Палмер.

— Да, конечно. — Господи. Майлз даже не знал, как это сделать. — Он… Что он здесь делал?

Майлз осознал, что предчувствия его не обманывали. Кто-то *действительно* прятался в доме, наблюдая за ним, ожидая, когда он ляжет спать.

— Это очевидно. — Линли с энергичной, но не агрессивной деловитостью взял на себя заботу об Агате и повел ее по коридору. Они скрылись в кухне.

Майлз колебался. Он обернулся, чтобы рассмотреть мертвеца, и, стараясь подавить приступ тошноты, вгляделся в серое лицо со впалыми щеками. Длинная морда коня впечаталась в мраморный пол, свидетельствуя о мощном падении. Даже если бы скульптура не упала Эрвану на грудь, он наверняка скончался бы от падения. Именно так умерла Маргаритка.

Две смерти от падения с одной лестницы всего за месяц?

Не слишком ли для случайного совпадения?

***

Констебль Макграт из *полицейского участка Уэстмаунта,* похоже, испытывал те же сомнения.

Машины скорой помощи и полиции, мигающие и завывающие сиренами, ворвались во двор через пять минут после того, как Линли позвонил в Службу спасения. Макграт, седеющий чернокожий мужчина, видимо, был старшим. Своим невысоким ростом и коренастым телосложением он напомнил Майлзу шотландского терьера.

— Две смерти на одной и той же лестнице, и оба раза вы оказываетесь в гуще событий, мистер Палмер, — произнес Макграт, когда обмен любезностями закончился.

— Констебль, как вы помните, в случае с моей матерью, меня не было дома. Я нашел ее через несколько часов, — бесстрастно парировал Линли.

— Припоминаю, вы что-то такое говорили.

Неужели Макграт считает смерть Маргаритки *умышленным* убийством? Майлз понял намеки полицейского именно таким образом.

— Мы были на кухне, когда услышали крик Дюбе, — сказал он. — Мистер Палмер не может

быть причастен к смерти этого человека, если я правильно понял вашу мысль.

Линли метнул в него удивленный взгляд.

Усы констебля Макграта, похожие на половую щетку, встали дыбом.

— Я лишь констатирую факты, сэр.

— Так вот еще один в вашу копилку: мы были вместе, когда Дюбе упал с лестницы.

— Если он *действительно* упал, — многозначительно произнес Макграт.

После этого Майлза и Линли допросили по отдельности. Майлз рассказал констеблю, что после ухода Оливера парадные ворота оказались открыты и что весь вечер у него было тревожное ощущение чужого присутствия.

— Дюбе ни к чему оставлять ворота открытыми, — отметил Макграт. — Он профи в своем деле, а мать работает в этом доме.

— Точно.

— Предположим, ваши подозрения верны. В таком случае, скорее всего, он уже был здесь какое-то время.

Это напомнило Майлзу о загадочном видении в окне второго этажа и странном телефонном разговоре. За всеми событиями он почти об этом забыл. Он рассказал о пятничных событиях Мак-

грату. Констебль, как и следовало ожидать, с осуждением отнесся к тому, что Майлз вторгся в чужое поместье, но признал, что, по всей видимости, именно Дюбе маячил в окне и ответил по телефону.

— Он должен был скрываться. Ведь мистер Палмер запретил ему входить в дом после того случая.

— После какого случая? — спросил Майлз.

— После того, как в последний раз избил свою мать.

Что ж, кажется, Эрван Дюбе был тем еще мерзавцем. И теория Макграта не беспочвенна, хотя голос, ответивший по телефону, казался довольно молодым. Впрочем, сильно ли он отличается от голоса сорокалетнего мужчины?

— Предположу, что Дюбе пытался вынести все, что сможет, до понедельника. Последняя ходка. — Констебль невесело хохотнул. — Буквально.

— Наверное, вы правы.

— Держу пари, статуя стоит несколько тысяч.

— Не сомневаюсь в этом.

— Вам следует поскорее ознакомиться с описью имущества миссис Мартель. Кто знает, как долго Дюбе пользовался ее семейными реликвиями.

— Когда он вышел из тюрьмы? — поинтересо-

вался Майлз.

— Что-то чуть больше месяца, если верить словам его матери. Она клянется, что не знала о его возвращении в дом.

Возможно, так и было. Но определенно Агата поняла, что произошло, когда услышала грохот. Она выкрикивала имя Эрвана, еще не видя лица погибшего.

К концу беседы Майлз понял, констебль на самом деле не верит, что смерть Дюбе была результатом убийства и что между ней и гибелью Маргаритки есть связь. Казалось, что-то в Линли заставило Макграта отступить. Нетрудно было догадаться, что именно. Палмер с элегантностью носил доспехи из отчуждения и надменности. Но Майлз хорошо запомнил те несколько мгновений на кухне, когда ему показалось, что он видит настоящего Линли.

«Знаешь, тогда, годы назад, я не хотел причинять тебе боль», — кажется, эти слова были произнесены с искренностью, которая смягчила застарелую боль. К тому же то, как он смотрел на Майлза — будто видит его по-новому, впервые — заронило в душу нынешнего владельца дома по адресу Брэйсайд, 13 кроху надежды.

Но… Если у них и *был* момент, то они его упу-

стили.

Когда Макграт закончил допросы, он с сожалением, в большей степени неискренним, сообщил, что на некоторое время мужчинам придется подыскать себе другое жилье. Предварительная причина смерти — несчастный случай, но окончательный вердикт полиция вынесет только через день или два. Пока что дело будет передано коронеру.

Майлз не слишком хорошо понял, что это все значит для него. Он взял всего две недели отпуска на время каникул, после чего ему нужно вернуться в Калифорнию и закончить учебный год. Он не хотел тратить это время в ожиданиях, пока его пустят в собственный дом.

Линли напомнили, что дом больше не принадлежит ему, и он ответил на это *мрачным* молчанием, а Майлзу сообщили, что он все еще не владелец, по крайней мере до понедельника.

— Спасибо за помощь, — поблагодарил Майлз констебля, когда их выставили на улицу. Линли бросил на него неверящий взгляд.

— Он просто делает свою работу, — пожал плечами Майлз, когда они шли через освещенный мигалками двор.

— Но не слишком преуспел, — отрезал Линли.

Палмер идеально подошел бы на роль лорда как-его-там в «*Аббатстве Даунтон*», или может быть, персонажа из «Театра шедевров».

Разумеется, Майлз не сказал об этом вслух, но Линли все равно с прищуром посмотрел в его сторону.

— *Смеешься* надо мной, Майлз? — Он казался удивленным и слегка обиженным, что почти заставило Майлза рассмеяться.

— Типа того.

— Я рад, что хоть кто-то находит ситуацию забавной.

— За исключением того, что мне некуда податься, — признался Майлз. Покидать Брэйсайд совсем не хотелось по многим причинам, и не в последнюю очередь потому, что Майлзу вряд ли представится еще один шанс провести время с Линли.

Палмер, видимо, решил не обижаться. Он вздохнул.

— Я только что приехал из Гора. И не хочется возвращаться обратно. Давай завалимся к Оливеру.

Майлз колебался.

— Мне кажется, за сегодня Оливер уже достаточно на меня насмотрелся.

— Как такое возможно?! *Ce n'est pas possible*, — воскликнл Линли, и на этот раз Майлз не удержался от смеха.

Губы Линли дрогнули в слабой улыбке.

— Пожалуй, попытаю счастье со своим старым отелем, — решил Майлз. — Chateau Versailles на Шербрук-стрит. Теоретически комната за мной до понедельника. По крайней мере, я за нее платил.

— Понятно. Ладно.

Если бы он не знал Линли, Майлз мог бы поклясться, что тот немного разочарован.

Во второй раз в жизни — и снова с Палмером — Майлз совершил нечто необдуманное.

— Можем провести эту ночь вместе, — выпалил он.

Линли замер.

— Я правильно тебя понял? — недоверчиво переспросил он.

Стоило уточнить, оставить себе лазейку в виде оправдания, что речь всего лишь о номере на двоих. Но Майлз имел в виду совсем *другое*, и не собирался менять формулировки. Решение было импульсивным, но он на самом деле хотел провести ночь с Линли. От одной мысли об этом становилось сухо во рту, а колени подгибались.

— Да, — сказал Майлз. — Правильно.

Глава седьмая

Майлз снова и снова *наступал* на те же грабли, когда дело касалось Линли. Очевидно, Палмер мучительно колебался.

— Заманчивое предложение, — наконец произнес он с должной учтивостью. — Но не думаю, что это хорошая идея.

Сердце Майлза кувырком сорвалось вниз с вершины надежды, цепляясь за острые камни и кактусы, и разбилось вдребезги на дне оврага. О чем он вообще думал, в конце концов? Пара слов в качестве извинения еще не значила, что Линли готов прыгнуть к нему в койку.

Боже.

Майлз выдавил улыбку и пожал плечами.

— О, что ж. За спрос не бьют в нос.

Линли выглядел… обескураженным. Иначе и не скажешь. В один момент он был сама непроницаемость и отстраненность, а в следующий миг он… *Погодите-ка. Неужели…* Это можно счесть даже забавным. При других обстоятельствах. Серьезно, Линли же не думал, что его будут *умолять*? Нет, тут было что-то другое. Но что именно?

Да какая разница, в чем причина? Правда. Никакой. В любом случае ответ отрицательный. *Спасибо, но нет*.

— Я подвезу тебя, — оживленно сказал Линли, заглаживая вину.

Хотя о каком чувстве вины может идти речь, судя по прошлым событиям. Тем не менее Майлз сказал:

— Это было бы здорово. Спасибо.

***

Поездка до Chateau Versailles была короткой и прошла в полном безмолвии. Всплеск адреналина, который вызвало неожиданное появление Линли, иссяк, и Майлз понял, что желает лишь тишины и покоя безликого гостиничного номера. Хотелось лечь в постель и забыть об огромном пустом доме, о мертвых остекленевших глазах Эрвана Дюбе, о том, что Линли второй раз в жизни недвусмысленно ему отказал. Наконец «Ягуар XJ» Палмера остановился перед входом в гостиницу. Майлз потянулся к дверной ручке:

— Спасибо еще раз. Я сообщу, когда месье Тибо сочтет возможным забрать вещи из дома.

— Ты… хороший парень, Майлз, — сказал Линли.

— О *Боже*! Контрольный в голову, — застонал Майлз и рассмеялся.

— Прощу прощения? — И снова этот ошеломленный взгляд Линли.

Майлз покачал головой. Он все еще хохотал. Кажется. Это было *забавно*. Когда-нибудь станет.

— Ничего. Спокойной ночи, Лин.

— Погоди, — выпалил Палмер.

Майлз замер. Линли выдохнул, как бы решаясь на что-то.

— Не откажешься поужинать завтра со мной? То есть уже сегодня.

Да! О, да. И нет. Черт, конечно, нет.

— Эм… Дело в том, что я не знаю, какие у меня планы… — промямлил Майлз.

— Поужинать, например. М?

— Да. Но…

Внезапно к Линли вернулся весь его лоск. Он будто обрел почву под ногами.

— Ты позволил Оливеру угостить тебя завтраком. Будет справедливо, если я угощу ужином.

О какой справедливости идет речь? И все равно, Майлз очень хотел принять приглашение. Может, они больше не встретятся, так почему бы и нет? Кроме того, не воспримет ли Линли его отказ за мелочную обиду?

— Почему бы и нет, — сказал наконец Майлз.

— Я заеду в семь.

Майлз вышел из машины, поднялся по ступенькам парадного входа, миновал бронзовых

львов (более мелких по сравнению с теми, что в его доме) и оказался под оранжевым навесом. Линли подождал в своем самодовольно урчащем «Ягуаре», пока Майлз не зайдет внутрь через богато украшенные бронзой и стеклом двери.

Майлз слышал, как «Ягуар» отъезжал от тротуара. Но заставил себя не оглядываться.

***

Воскресенье было замечательным и не только потому, что Майлз старался изо всех сил сохранять оптимизм. Он рано проснулся, неспешно насладился обильным континентальным завтраком, и несмотря на промозглую погоду, прогулялся по городу, чтобы забежать в пару магазинов и осмотреть достопримечательности.

Он купил теплое пальто — ладно, это была парка — на распродаже в The Bay, и разорился на жемчужно-серую облегающую рубашку для ужина. Еще он запасся красками и кистями в магазинчике Avenue des Arts в Уэстмаунте, а затем перекусил неприлично вкусным тыквенным супом с орехами в крошечном ресторанчике под названием Café Bazin.

Вернувшись в отель, Майлз разобрал покупки и проверил, нет ли сообщений от полиции или еще кого-то (уговорив себя не разочаровываться, если

Линли отменит встречу). После он провел еще пару часов, бродя по мостовым улицы Сен-Поль, наслаждаясь скрытыми переулками и старинной архитектурой, которую гармонично дополняли многочисленные *calèches* — конные экипажи. Прогуливаясь, Майлз отметил для себя несколько самобытных картинных галерей и сувенирных лавок, пообещав себе, что уделит время на изучение этих и множества других монреальских «драгоценностей».

В небольшом парке он сделал пару набросков. Несомненно, город располагал к искусству, что пойдет на пользу творчеству Майлза. И несомненно, он располагал к возлияниям, что плохо отразится на талии. Майлз уже попробовал местные бейглы, кофе с кленовым сиропом, кленовое мороженое и еловое пиво.

Несколько раз он заблудился, углубляясь в запутанную сеть боковых улочек, но это было даже забавно. Во время бесцельного блуждания он и наткнулся на ломбард.

Сначала его внимание привлек старинный мольберт в углу забитой ценностями витрины. Дубовый треножник с двумя рейками для холста высотой полтора метра. Наверняка весит тонну по сравнению с легким и гибким алюминиевым

штативом Майлза. С другой стороны, отполированное годами использования дерево обладало особой красотой и притягательностью. Мольберт был великолепен. Именно на таком нужно создавать картины.

Пользуются ли спросом сейчас такие вещи? И сколько может стоит такой предмет уходящей старины? Взгляд Майлза блуждал по витрине, пока не выхватил из глубины знакомую бело-голубую пару фарфоровых китайских ваз. Очень странно. Они выглядели точь-в-точь, как те, что украшали каминную полку в прихожей его дома.

До боли в глазах Майлз вглядывался сквозь грязное стекло витрины.

Как и его старые знакомые, эти вазы высотой около тридцати пяти сантиметров расписаны фениксами. Крышки на обеих вазах сохранились, они вообще были в хорошем состоянии.

Конечно, в мире множество китайских ваз, да и прошло больше десяти лет с тех пор, как Майлз их видел. Он мог ошибиться. Возможно, так и *есть*. Но он никак не мог отделаться от мысли, что же случилось с теми самыми вазами. Неужели их продали? Переставили в другую комнату? Или, может быть, Эрван Дюбе их заложил?

Майлз отступил, чтобы прочитать выключенную неоновую вывеску на фасаде кирпичного здания.

Monsieur Comptant.

Что такое comptant? Наличные? Деньги? Комиссия?

Что ж, стоило спросить об этих вазах. Просто, чтобы удовлетворить свое любопытство. Майлз подошел ко входу и только тогда заметил в окне вывеску *Fermé*.

Это слово он знал. ЗАКРЫТО.

***

— Не помню, — пожал плечами Линли, когда за ужином Майлз спросил его о вазах.

Линли выбрал ресторан Le Fantôme на Уильям-стрит в самом сердце Центра искусств Гриффинтауна. Майлз обожал такие места. Точнее, обожал бы, если бы в Лос-Анджелесе было подобное. Ресторан был маленьким и плотно забитым посетителями. Он представлял собой один-единственный узкий зал с простыми белыми стенами, бетонным полом и темными, потрепанными и не слишком удобными деревянными столиками, уставленными свечами. Зал украшала серия великолепных коллажей в оттенках киновари, состаренного золота и охры.

Несмотря на какофонию из музыки и гула голосов, атмосфера казалась на удивление тихой и интимной.

Линли спросил разрешения сделать заказ на двоих, что Майлз нашел забавным, но очаровательно старомодным, так что они ужинали по очень дорогому, но восхитительному дегустационному меню из восьми блюд и пили лучшее вино, которое Майлз пробовал в своей жизни.

— Ты не помнишь, когда видел их в последний раз?

— Нет.

— Маргаритка могла их продать?

— Конечно. Но она не пошла бы в ломбард. — Взгляд Линли был полон любопытства. — О чем ты думаешь? Что Дюбе выкрал вазы и заложил их?

— Разве это невозможно?

— Вполне. Завтра Тибо должен выдать тебе опись имущества. — Линли кривовато ухмыльнулся. — Игра в «найди пару» должна занять тебя до конца отпуска.

Каждый раз, когда Майлз смотрел в глаза Линли, их взгляды, казалось, переплетались, и к лицу Майлза приливала краска. Готовясь к ужину, он постоянно повторял себе, что этот вечер для Линли — всего лишь жест вежливости и ничем

не отличается от завтрака с Оливером. Но разум сдавал свои позиции каждый раз, когда Майлз улавливал проблески тепла в глазах Линли. Если бы это был кто-то… Но Палмер не был кем-то другим и недвусмысленно отверг Майлза прошлой ночью.

И?..

Линли встретил его в отеле, легко поцеловал в обе щеки, оглядел с ног до головы с лестным одобрением и похвалил новую рубашку: *«Этот цвет тебе идет. Твои глаза такого же оттенка».*

Нет, глаза Майлза вовсе не жемчужно-серые. Они серо-голубые. Кроме того, ему не помешало бы подстричься, а еще обновить лезвия на бритве. Но он оценил комплимент.

Линли был одет в черную кашемировую водолазку и облегающие джинсы цвета индиго. Он выглядел лощенным и космополитичным, каковым, конечно, и был, но Майлз не удивился бы вопросу, что Линли делает рядом с таким, как он. На самом деле, время от времени их трапеза прерывалась, когда кто-то останавливался возле столика, чтобы поприветствовать Линли. Тот каждый раз учтиво представлял Майлза как старинного друга, приехавшего из Штатов. Что сопровождалось множеством понимающих

взглядов и улыбок.

Внезапно внимание Майлза привлекли звуки веселой песенки, звучавшей фоном.

— Опять эта песня.

— Какая? — Линли прислушался. И улыбнулся. — О-о! «Такова любовь, и ты ничего не можешь с этим поделать». Да ты романтик, Майлз.

— Не знаю. Просто она мне нравится.

— Попробуй. — Линли протянул свою вилку, и Майлз, чье сердце, казалось, вот-вот остановится, осторожно откусил кусочек… Что это, черт возьми, было?!

— Обжаренный на углях лобстер в игристом Crémant d'Alsace, — подсказал Линли.

Майлз прожевал, проглотил и выдохнул:

— Вау.

Он чуть не словил гастрономический оргазм. Линли слегка улыбнулся, вытянул руку и провел большим пальцем в уголке рта Майлза. Майлз напрягся, потому что этот жест не мог быть ничем иным, как… Мысль оборвалась, когда на его глазах Линли слизнул с пальца каплю Crémant d'Alsace.

То, что отразилось на лице Майлза, заставило Линли улыбнуться.

— Нравится?

— Как последняя трапеза смертника, — прокомментировал Майлз.

Линли рассмеялся, но затем сказал:

— Не уверен, что до конца оценил шутку.

— Можно спросить тебя кое о чем?

— Конечно.

— Почему Маргаритка оставила дом мне? И пожалуйста, не надо говорить, что *она хотела, чтобы он достался мне*.

Выразительные брови Линли поползли вверх.

— Скорее всего, именно так и было.

— Да, но почему? Мы не были слишком близки. Не уверен, что вообще ее знал. И… — Это отозвалось болью, потому что сильно огорчало мать Майлза. — Она ни разу не навестила маму, когда та заболела.

Взгляд Линли вспыхнул и погас. Помолчав, он произнес:

— Моя мать была не слишком… хорошим человеком.

— Что это значит?

— Болезнь и смерть Алекс не прописаны в сценарии Маргаритки. В ее постановке разрешен только счастливый конец.

Майлз не нашелся, что ответить. Он даже не был до конца уверен, что понял Линли.

— Конечно, потом, когда было уже поздно, она жалела обо всем. Но такова моя мать. — Рот Линли изогнулся в невеселой улыбке. — Так что Маргаритка решила поиграть в фею-крестную. Она всегда предпочитала широкие жесты обычным проявлениям чувств.

Эта хладнокровная оценка подтвердила мысли Майлза.

— Не пойми неправильно, — продолжил Линли. — Я любил ее. Она моя мать. Но я никогда не питал иллюзий относительно нее. Кроме того, — сардонически добавил он, — Ты избавил нас с Оливером от необходимости делить имущество. Не знаю, опасалась ли она того, что мы передеремся из-за дележа семейных сокровищ или что, не задумываясь, продадим дом вместе с содержимым. Во всяком случае, уверен, она хотела преподать нам урок.

— Ты разозлился?

Линли, казалось, задумался.

— Поначалу, возможно. Оливер точно больше, чем я. Но дом принадлежал ей. И она была в праве поступать, как ей вздумается.

— Вы оба с таким вниманием отнеслись ко мне.

В улыбке Линли появился намек на насмешку.

— Я не собирался. Но что-то в тебе есть, Майлз…

— Сладкие речи дьявола. — Майлз поднял глаза и увидел Оливера в компании высокой элегантной девушки, обладательницы длинных волос цвета карамели. Пара подошла к их столику.

— Привет, — поднявшись, поздоровался Майлз.

Линли застонал, скорее всего, в шутку, потому что спутница Оливера рассмеялась. Он тоже поднялся и расцеловал ее в обе щеки.

— Жюльет, неужели ты так и не нашла никого получше? — сказал он при этом.

— Хотел то же самое спросить у Майлза, — парировал Оливер.

Братья представили Майлза и девушку друг другу. Ее звали Жюльет Симар. Когда Оливер сообщил, что она его девушка, Жюльет отступила на шаг и метнула в него *гневный* взгляд. Оливер смутился.

— На самом деле мы только что обручились. И решили отпраздновать.

Жюльет показала левую руку.

— Правильнее сказать, это я сделала предложение. А он любезно согласился. Под принуждением.

Жюльет с Линли, похоже, находили это очень забавным. А Оливер — не слишком.

— Мои поздравления, — сказал Майлз. — Давайте выпьем за это.

— Ни за что! — воскликнул Линли.

— Тогда с удовольствием приму приглашение. — Оливер выдвинул стул для Жюльет рядом с Линли. А сам сел рядом с Майлзом.

Линли тяжело вздохнул и вскинул руку, подзывая официанта. Пока он заказывал на всех шампанское, Оливер склонился к Майлзу и тихо сказал:

— Если ты все еще не против, я *бы хотел* посмотреть мамины драгоценности.

— Конечно! Разумеется.

Все за столом обсуждали события, о которых Майлз не знал.

— На прошлой неделе я видела Джайлса, — поморщилась Жюльет. — У него скоро выставка в галерее NuEdge.

Линли равнодушно хмыкнул и допил вино. Он улыбнулся Майлзу.

И Майлз машинально улыбнулся в ответ.

Наконец принесли шампанское, все выпили за будущее счастье Оливера и Жюльет, и разговор перешел к шокирующим событиям прошлого

вечера.

— Какой кошмар! — сказала Жюльет Майлзу. — Надеюсь, это не отпугнет тебя от Монреаля.

— Вовсе нет.

— Я всегда знал, что Дюбе плохо кончит, — резко высказался Оливер. — Наверняка начал таскать вещи из дома, как только вышел из тюрьмы.

Это напомнило Майлзу о китайских вазах. Он спросил Оливера, когда тот видел их в последний раз.

Старший сын Маргаритки признал, что не может вспомнить.

— У Майлза ум архивариуса, — сказал он Линли. — Этот парень наверняка помнит каждую картину и каждую безделушку в доме. Мама пришла бы в восторг.

Линли улыбнулся, но выглядел рассеянным с тех пор, как Жюльет упомянула Джайлса. Они допили шампанское, Оливер и Жюльет перешли к своему столику, а Линли попросил счет и оплатил его.

На обратном пути в Chateau Versailles неловкую тишину сглаживала классическая музыка из колонок автомобиля.

— Мне понравилась Жюльет, — сказал наконец Майлз.

— Она очаровательна, — согласился Линли. — Лучше бы Оливеру на этот раз не облажаться.

Его тон был холодным, а выражение лица отстраненным. До конца поездки Майлз не произнес больше ни слова.

— Что ж, спасибо за потрясающий вечер, — сказал он, когда машина остановилась возле парковщика.

Линли, который уже собрался выйти из машины, напрягся.

— Ты не пригласишь меня к себе?

— А разве ответ с прошлого раза изменился? — растерянно спросил Майлз.

— За спрос не бьют в нос, — улыбнулся Линли.

Похоже, настал момент для откровенности.

— Да, но, видишь ли, когда тебе отказывают, это довольно болезненно. И мне бы не хотелось чувствовать себя дураком.

Улыбка Линли погасла.

— Ты не дурак, Майлз, — мягко сказал он. — И я не собираюсь тебе отказывать.

Глава восьмая

Майлз вышел из ванной и нашел Линли сидящим в изножье огромной кровати с альбомом набросков в руках. Он перелистывал страницы

и окидывал быстрым взглядом работы Майлза: пожилая женщина, играющая на гармони, кормящий голубей ребенок, мягкие карандашные рисунки деталей фонтана, мешанина из дорожных знаков и огней.

Майлз подавил желание завопить: «*Не смотри*!» — и выхватить альбом из рук Линли. Он знал, что его работы хороши. Не по стандартам Линли, но что с того? Он и не искал его одобрения. Не в этой области. Вообще ни в какой, на самом деле. У них было разное происхождение, разный жизненный опыт, но сейчас они оказались на одной ступеньке. Равны во всех смыслах.

Поэтому Майлз спросил:

— Не хочешь чего-нибудь выпить?

Подняв глаза, Линли отложил альбом и подошел к Майлзу, чтобы изучить содержимое мини-бара.

— Воды, если можно.

Майлз достал две бутылочки минералки Canada Geese.

И в этот момент он решил расставить точки над i, хотя, возможно, позже он пожалеет.

— Оливер сказал, что ты недавно расстался со своим партнером.

Линли отвинтил крышку на бутылке и мрач-

новато хмыкнул.

— Оливеру не следует лезть в чужие дела.

— Я сам его спросил.

Взгляд голубых глаз устремился на Майлза.

— В самом деле?

— Да. Я спросил, женат ли ты или в отношениях. На самом деле в детстве я был трагически в тебя влюблен.

— В *меня*?! — Линли был ошеломлен. — И почему «трагически»?

Майлз пожал плечами.

— Влюбленности всегда немного трагичны. Потому что безответны.

Помолчав, Линли произнес:

— Ты не перестаешь меня удивлять, Майлз.

И тот расхохотался.

— Серьезно. Ты не представляешь, как это свежо… — Он запнулся. — Я всегда думал, что пугаю тебя до чертиков. Что мы все тебя стращали. Завидев меня на горизонте, ты обычно разворачивался и убегал.

Майлз покачал головой. Теперь он мог шутить на эту тему.

— Я просто терялся в твоем божественном присутствии.

Линли округлил глаза и, поперхнувшись гази-

ровкой, закашлялся. По-настоящему. Не светское или эстетское покашливание в кулачок.

— О боже, прости, — пробормотал Майлз сквозь смех. Определенно что-то подкупало в том, как фонтанировали элегантные ноздри Линли. — Подними руки над головой!

Стараясь подавить кашель, Линли бросил на Майлза гневный взгляд и снова закашлялся. Когда он наконец пришел в себя, то прохрипел:

— В следующий раз предупреди, пожалуйста, заранее.

— Повешу на себя табличку «взрывоопасно», — согласился Майлз.

Линли рассмеялся, отставил бутылку и обнял его. Лицо Палмера было все еще мокрым, на ресницах повисли капли воды, но рот был теплым и сладким. Линли, все еще улыбаясь, прижался к губам Майлза, и тот почувствовал его улыбку, пробравшуюся в самое сердце. Он ждал этого поцелуя двадцать лет.

Затем Линли отстранился и сказал:

— С Джайлсом давно покончено. Еще до того, как мы расстались.

— О…

— Я поклялся себе, что больше на эти грабли не наступлю — не закрою глаза и не пущу на

самотек просто потому, что слишком занят или слишком устал, чтобы устраивать разборки.

— А было много разборок?

— Да. Все наши отношения были сплошной драмой. — Линли саркастично улыбнулся, но встретившись взглядом с Майлзом, смягчился. — Есть еще одна ошибка, которую я не собираюсь повторять: ни за что не откажусь от правильного шага.

Майлз пытливо посмотрел в лицо Линли. Он же говорил о сексе, да? Ничего серьезного. Ничего судьбоносного. Хотя, кажется, один поцелуй уже перевернул жизнь Майлза. Но все хорошо. Он уже не ребенок. Он знает правила и хочет эту ночь, даже если она останется всего лишь ночью.

— Полностью соглашусь, — тихо сказал Майлз. — Жизнь слишком коротка для иного.

***

Море поцелуев. Легких, страстных. Голодных, сладких. Теплых, как солнечный свет, нежных, как кожа младенца. Никогда поцелуи не были столь… интимными. Всепоглощающими.

— Откуда это? — Линли невесомо коснулся губами нитки шрама на подбородке Майлза.

— Врезался в бетонную стену на велике, когда мне было четырнадцать.

— О, — пробормотал Линли. Он вновь одарил Майлза ласкающим поцелуем в подбородок. — Монреаль очень удобен для велосипедистов.

— Приятно слышать.

Майлз никогда не был с партнером, который тратил бы столько времени на подготовку к сексу. Это немного смущало. Майлз знал, как заниматься сексом. Но не был уверен, что знает, как заниматься *любовью*.

— Необычно при таких светлых волосах иметь темные брови и ресницы. — Линли усмехнулся. — Подкрашиваешь шевелюру, Майлз?

— *Я*?! — Майлз потряс головой.

Улыбнувшись, Линли потерся носом о нос Майлза, их трепещущие ресницы соприкоснулись.

— У тебя вкус фуа-гра с арахисовым маслом.

— Я забыл почистить зубы.

Линли хмыкнул.

— Ох уж эти американцы! Мне *нравится* твой вкус, Майлз. Хочу попробовать каждый дюйм твоего тела.

И он занялся этим, заставляя Майлза задыхаться, закрывать глаза, судорожно сглатывать и лихорадочно отвечать тем же.

Предупредительность и даже своего рода вежливость Линли в постели поразила Майлза (не

слишком справедливо по отношению к Палмеру). Майлзу никогда не уделяли столько внимания. На него никогда не обращали столько внимания. Линли засыпал его комплиментами и вопросами. Не обычными вопросами про безопасность, а теми, что задают хриплым, низким рыком. «Майлз, тебе так нравится?», или «А это местечко чувствительное?», или даже «Скажи, чего тебе хочется?»

Не то чтобы у Майлза был *неудачный* сексуальный опыт. Всего пара неловких случаев. Но он ни разу не был с человеком, который пытался очаровать, соблазнить, когда оба уже голыми лежали в постели. В этом было что-то декадентское. Как бутерброды с арахисовым маслом и фуа-гра. Определенно Майлзу следовало поднять планку, если в Монреале занимаются таким сексом.

Обнаженное тело Линли было гибким и сильным, золотистым, как калифорнийское лето. Счастливый обладатель мощных ног и плеч лыжника, не говоря уже о плоском животе и крепкой заднице, он навис, опираясь на руки, над Майлзом, и его ясные голубые глаза сияли.

— В нашем распоряжении вся ночь, так кто будет первым? М-м?

— *П-первым*? — Майлз думал, вернее, боялся, что Линли выполнит свой долг гостеприимства и

сбежит, но опять ошибся. *У них впереди вся ночь.*

Линли мягко рассмеялся.

— Со мной в постели все еще тот застенчивый Майлз, которого я знал?

Майлз тоже усмехнулся, потому что нет, не совсем, но Линли был полон сюрпризов, и он наслаждался каждым из них.

Вытянув руку, он взял член Линли, чувствуя, как горячая кровь бьется под шелковистой кожей. Линли резко вдохнул и откинул голову назад.

— Вот так. Мне нравится.

Майлзу тоже нравилось, и он скользнул ладонью ниже, чтобы обхватить и погладить нежные яички. Линли мурлыкнул и толкнулся в ладонь Майлза.

— М-м… Так вот как ты хочешь?

— Ты можешь трахнуть меня, — сказал наконец Майлз.

Линли поморщился.

— Очень романтично.

— Есть подходящее слово на французском?

— Полно слов и фраз. Некоторые получше, другие хуже. *Faire des galipettes*. Кувыркаться. *Tremper le biscuit*. Проткнуть бисквит…

Майлз расхохотался.

— Ты это придумал только что.

Линли усмехнулся.

— Нет. Но не отвлекайся. Так ты хочешь потрахаться?

— Я хочу трахаться и быть оттраханным.

— Ваше желание — закон…

Линли ловким движением соскользнул с кровати. Порывшись в кармане джинсов, он вытащил блестящий пакетик и бросил презерватив Майлзу.

— Запомни, на чем мы остановились.

Линли включил свет в ванной и зашел внутрь. Он вернулся через минуту с маленьким тюбиком крема Crabtree & Evelyn.

— Вербена и лаванда.

— Лаванда? Надеюсь, я не усну, — сказал Майлз.

Линли ухмыльнулся.

— Приложу все свои скромные усилия, чтобы не допустить этого.

Он присоединился к Майлзу на кровати, и вместе они сдвинули покрывало с одеялами в сторону, оставшись на голых простынях и подушках.

Майлз вытянулся на животе, вибрируя от поцелуев Линли, когда тот пробегался губами вдоль спины и нежно посасывал кожу, уткнувшись

носом в ямочки у ягодиц, пока его пальцы, едва касаясь, подразнивали расселину.

Майлз сглотнул, но от накатившего удовольствия, а не тревоги. Земляной аромат лаванды, вербены и смазки согрел воздух, и наконец палец Линли осторожно и настойчиво проник в тело Майлза. Крем был теплым от рук Линли и слегка пощипывал нежное нутро.

— Такой тихий, — прошептал Линли. — Ты в порядке?

— Да, продолжай, — прошептал Майлз в ответ.

И Линли продолжил и довел Майлза до исступления, когда тот, тяжело дыша, уже извивался на простынях. Затем Палмер поставил его на колени и медленно, сладко вошел.

— О, Боже… — выдохнул Майлз. Линли не был экстраординарно большим, но сам момент таким и казался.

Палмер остановился в учтивой и участливой заботе, и Майлз, не выдержав, подался назад, насаживаясь на член Линли, пока его задница не прижалась к мягкому теплу паха.

Линли тут же начал двигаться, с неспешной уверенностью и полной отдачей. Майлз двигал бедрами в такт его толчкам, они скользили в едином первобытном ритме, который набирал

скорость и силу, становясь безудержным.

Кровать ходила ходуном. Дыхание Линли обжигало Майлзу ухо. Теперь Палмер был тих, сосредоточен и напряжен… Майлз тоже сконцентрировался, потянулся к трепещущим, эфемерным искрам, рождающимся за закрытыми веками и пробегающим по позвоночнику, и наконец вспыхнул.

Глубокую, всепоглощающую тишину разорвало горячее, влажное, липкое, ликующее освобождение.

В объятиях друг друга они рухнули, мокрые и дрожащие, на смятые простыни, как потерпевшие кораблекрушение, выброшенные штормом на необитаемый пляж.

***

Некоторое время спустя Линли лениво спросил:

— Как так получилось, что ты меняешь свою жизнь в одиночку?

Майлз лежал с закрытыми глазами, наслаждаясь легкими ласками руки Линли на своем бедре.

— Что ты имеешь в виду?

— Как… Как тебя до сих пор никто не прибрал к рукам?

Майлз фыркнул. «*Прибрать к рукам*» — звучит, будто он мешок фуража.

— У тебя нет парня или партнера?

— Если бы он был, разве бы мы сейчас оказались в этой ситуации?

— Прошу прощения, — сказал Линли скорее удовлетворенно, нежели извиняясь. — Просто хотел удостовериться.

— Может, следовало удостовериться *до* кувырканий в постели?

Возможно, это прозвучало слишком резко, потому что Линли тихо рассмеялся.

— Согласен. Но иногда маленькая голова думает за большую.

Не поспоришь. Кто не наступал на эти грабли? Оставалось надеяться, что только не Майлз. Однако, чем бы все не кончилось, он не будет жалеть об этой ночи.

Майлз вздохнул.

— Я из тех парней, друзья которых говорят: *«У меня есть для тебя идеальная пара!»* — и это всегда оканчивается катастрофой.

Линли *поцокал* языком. И Майлз улыбнулся.

— Катастрофа, да?

— Ну, может, и не совсем так, но пары точно не были идеальны.

— Тебе так сложно угодить?

До этого момента Майлз считал, что как раз всем остальным трудно угодить. Но, может быть, проблема была именно в нем. А еще, вероятно, проблема — не совсем подходящее слово. Возможно, он просто всегда ждал чего-то другого, стремился к большему.

— Не сказал бы, что я привередлив. Избирателен? — задумчиво произнес Майлз.

— Разборчив, — предложил свой вариант Линли.

— Требователен.

Линли хрипло усмехнулся и вновь завладел ртом Майлза.

***

Утром они позавтракали в кафе Joe на Сент-Антуан: Линли отказался от обильного гостиничного завтрака ради восьмиминутной поездки в одну из своих любимых закусочных.

— Вынужден огорчить, но шведский стол — не мой формат, — сообщил Палмер, когда они одевались.

— Ого!

— Думаешь, я сноб.

— Первостатейный.

— Это тебя напрягает?

А правда, напрягает? Майлз задумался. Он уже знал кое-что о Линли. Помимо того, что тот был эталонным снобом, он также отличался высокомерностью, своенравностью. А еще он обожал решать проблемы, независимо от того, существовали они в реальности или в его голове. Кроме того, Линли мог быть неожиданно чутким, иногда скромным и в целом мягким. И он был потрясающ в постели. Никаких существенных изъянов.

— А тебя напрягает, что меня не напрягает?

— Нет. Абсолютно.

Майлз пожал плечами.

— Ну тогда вот мой ответ.

После завтрака Линли планировал отправиться в свою галерею, так что Майлз сунул в рюкзак альбом для набросков. У него была назначена встреча с месье Тибо, но только на вторую половину дня, поэтому он решил провести утро в разведке территории.

Взглянув на Майлза, Линли открыл было рот, но промолчал.

Конечно, за яйцами Бенедикт с ветчиной он все же поднял болезненную тему.

— Я хотел бы посмотреть твои работы, — сказал он.

Майлз хмыкнул.

— Нет, не хочешь.

— Я серьезно.

— Я тоже. Нет.

Линли хмурился, помешивая кофе в своей чашке.

— Когда ты пришел ко мне в галерею… До того, как начал преподавать…

— Все в порядке, — прервал его Майлз. Он не желал снова слышать об искрах и новизне взгляда. Меньше всего ему хотелось наблюдать, как Линли разрушает его уверенность в себе или желание творить. Он не мог допустить, чтобы этот яркий и многообещающий день был омрачен напоминанием, что Палмер — полнейший мудак.

Но Линли продолжал давить.

— Тогда я был начинающим галеристом. Слишком зеленым и юным, чтобы доверять своему чутью. Я боялся ошибиться.

— М-м-м…

— Первый успех вскружил мне голову. Слишком сильно. Более того… Я боялся пробовать новое. Мне казалось, что моя репутация основана на нескольких удачных находках.

— Синдром самозванца, — подсказал Майлз. Он поверить не мог, что Линли вообще способен

чувствовать неуверенность.

— Судя по всему. Так что когда ты появился…

— Нет необходимости обсуждать это. Я бы не хотел.

Линли замолчал. Майлз пил чай, чувствуя себя неловко под изучающим взглядом. Он не хотел ссориться из-за этой истории, но почему Линли просто обо всем не забудет?

Спустя какое-то время Линли сказал с несвойственной ему робостью:

— Думаю, чтобы расчистить путь для будущего, нам стоит разобраться с прошлым.

— А есть ли у нас будущее? — настороженно спросил Майлз.

— Да. Я надеюсь. — Он скривился. — Наверное, слишком скоропалительный вывод?

— Что ж, я думаю, мне хотелось бы посмотреть, как будут разворачиваться события. — Майлз испытывал гордость за себя: ему удалось сказать это таким спокойным тоном, пока сердце вытанцовывало чечетку, как в каком-нибудь любимом мюзикле Маргаритки.

Линли с серьезностью кивнул.

— Итак. Когда ты появился на пороге моей галереи со своими картинами, они…

— Тебе не понравились.

— Нет, как раз наоборот. Но мне показалось, что они не станут чем-то большим, только крепкими середнячками. Ты был сыном самой близкой подруги моей матери, застенчивым малышом.

— Когда мы с мамой приехали к вам в последний раз, мне было шестнадцать.

— А тогда ты был застенчивым подростком, который сбегал из комнаты, стоило мне появиться на пороге. Я знал тебя с детства и не подозревал, что ты пишешь. Казалось невозможным, что…

— Что во мне есть искра.

— Что?

— Вот что ты мне сказал тогда.

Линли застонал.

— О, Господи. Каким засранцем я был.

Это было сказано с такой искренностью, что Майлз расхохотался.

— Я плохо помню твои работы. И это правда. По-моему, мне тогда показалось, что в них есть потенциал, но им не хватало… Зрелости.

Майлз пожал плечами.

— Я *был* молод.

— Да. Более того, все выглядело так, будто ты хочешь, чтобы я принял за тебя важное решение. Решение, которое повлияет на всю твою жизнь. Зарабатывать на кусок хлеба живописью нелег-

ко. А на деле чертовски трудно.

Майлз никогда не задумывался об этом.

— Когда я посмотрел в твои глаза и увидел, как много значит для тебя мое мнение… — Линли покачал головой. — Но я подумал тогда, что если ты серьезно настроен и видишь в этом свое будущее, ты просто не сдашься после моих слов.

Майлз не сдался, но был близок к этому. Но разве его будущее не зависело от него самого?

— В творчестве нет места слезам, — произнес он.

— Вообще-то, на море слез оно и держится, — сказал Линли.

Глава девятая

— Я позвоню тебе, — сказал Линли, когда они прощались у остановки метро. — Поужинаем снова? — Он самоуверенно улыбался, но в глазах читался вопрос.

Сердце Майлза трепыхалось, как рыба на крючке.

— Конечно.

— Сегодня?

Майлз едва удержался, чтобы не выкрикнуть: «*Правда?!*» Он не хотел выглядеть слишком ошеломленным тем, что Линли пригласил его на

свидание так быстро, но не мог скрыть удивление и радость.

Особенно, когда Линли наклонился, чтобы его поцеловать.

***

Из «Тибо, Тибо & Тибо» остался всего лишь один месье Тибо. Невысокий пожилой франко-канадец с проницательными темными глазами и вечно поджатыми губами, выражающими сдержанное осуждение. Он явно сдерживал свое истинное отношение к Майлзу, пока они кратко разбирали детали завещания Маргаритки.

Когда Майлз вновь выразил желание поселиться в Брэйсайде, адвокат сказал, что он не специалист по иммиграционному праву и поэтому не в состоянии помочь.

— Да, вам не придется выплачивать кредит за дом, мистер Тьюздей, но учтите и прочие расходы. Налоги на недвижимость. Страховка жилья. Счета за ремонт и обслуживание. Старинный дом требует серьезного ухода. Если вы планируете нанимать людей — а собственность таких размеров невозможно содержать в одиночку — придется оплачивать их труд. Упомяну также коммунальные платежи. И… в конце концов вам нужно питаться.

— Я это понимаю, — отрезал Майлз. Он и правда уже об этом думал, хотя в изложении месье Тибо все звучало куда более устрашающе.

Тибо позволил себе слабую улыбку.

— Простите мое любопытство, но есть ли у вас дополнительные финансовые резервы?

— Нет. — Его собственных сбережений в тридцать одну тысячу долларов на долго явно не хватит. Все идет к тому, что он едва ли сможет покрыть ежегодный налог на недвижимость. — Я думал о продаже нескольких вещей.

— Да, вы можете продать. И лучше всего — дом, — язвительно заметил месье Тибо. — Тогда вы смогли бы купить приличную недвижимость и сберечь средства на комфортную жизнь до конца дней. Альтернативный путь — распродавать содержимое дома, сохраняя недвижимость в течение нескольких лет, но затем все равно придется с ней расстаться.

— Я мог бы сдавать в аренду флигель с гаражом.

Месье Тибо удивился.

— Могли бы.

— Наверняка есть и другие возможности.

Месье Тибо вздохнул.

— Всегда есть возможности, мистер Тьюздей. —

Он нажал кнопку интеркома. — Мистер Уэсли, принесите дело Мартель, *s'il vous plaît*.

Пока они ждали, Майлз спросил у месье Тибо, не приходила ли к нему полиция, а потом рассказал о трагичной попытке Эрвана Дюбе украсть скульптуру коня. Оказалось, что полицейские уже посвятили Тибо в события субботней ночи. Он мрачно выслушал Майлза, а затем высказался в духе, что ничего удивительного в том, как кончил Эрван, нет.

— Я предупреждал мадам Мартель. Но она очень любила Агату.

— Это правда, что Агата может жить в доме до конца жизни?

Месье Тибо хотел что-то ответить, но дверь открылась и в кабинет вошел стройный блондин лет двадцати в коричневом твидовом костюме в елочку. Он положил толстую папку на стол и вышел, бросив на Майлза любопытный взгляд. Странное завещание Маргаритки, без сомнения, стало предметом сплетен в «Тибо, Тибо & Тибо».

— У вас есть какие-нибудь соображения, как скоро я смогу вернуться в дом? — поинтересовался Майлз.

— Не раньше середины недели. Я свяжусь с полицией и уточню, когда можно будет пере-

ехать. — Месье Тибо задумчиво пролистывал папку. — Хм. Кажется, все в порядке.

— Оливер упоминал, что у Маргаритки были украшения, которые могут представлять ценность.

Адвокат погрустнел, и Майлз не понял, связано ли это с отсутствием вкуса у Оливера или интересом Майлза.

— Да, конечно. Полагаю, в коллекции есть пара стоящих вещей. Они находятся в сейфе мадам.

— Возможно, я смогу их продать. Ну, те, что не заберут себе Оливер и Линли, — быстро добавил Майлз. — Линли упоминал о перстне его отца.

Брови месье Тибо взлетели наверх.

— В самом деле? — сказал он сухо. — Можете быть уверены, что если бы мадам Мартель захотела подарить такую вещь своему сыну, то так бы и поступила.

Это подвело их к вопросу, который Майлз собирался задать единственному объективному человеку в этом деле.

— Месье Тибо, вы знаете, почему Маргаритка не оставила дом своим сыновьям?

— Вам не стоит беспокоиться на этот счет. Мадам была весьма щедра с Оливером и Линли. Оба обеспечены с самого рождения. И получили

достаточный капитал по достижении совершеннолетия. Кроме того, Линли имеет значительное наследство от своего отца.

— А отец Оливера?

— Отец Оливера потратил большую часть своего состояния на покупку особняка для своей супруги. Тем не менее, насколько мне известно, Оливер, как и Линли, процветает в финансовом отношении.

Майлзу казалось, что он попал на страницы романа Диккенса, но информация была ободряющей.

— Понятно.

— После смерти вашей матери мадам хотела обеспечить и ваше финансовое будущее, как, по ее мнению, сделала бы ее подруга, будь у нее средства. — Тибо пожал плечами. Когда французы пожимали плечами, они вкладывали в этот жест гораздо больше, чем представители любой другой нации.

— Невероятно, что она оставила мне дом и все его содержимое.

— Она была невероятной женщиной.

— У вас есть копия описи?

— *Mais certainement*. Разумеется. — Месье Тибо вынул из папки стопку бумаг и пододвинул ее

к Майлзу. — Опись несколько устарела. Ничего из списка не имеет современной оценки. Могу я предложить вам услуги Sotheby's или Christie's?

***

Майлз покинул офис Тибо с длиннющим списком имущества, несколькими доверенностями и ключом от сейфа Маргаритки.

В банковской ячейке он обнаружил различные бумаги — свидетельства о браке, страховые полисы на недвижимость — и несколько ювелирных изделий. За исключением мужского платинового перстня-печатки с зелено-голубым камнем и бриллиантами, все украшения оказались женскими: кольца со сверкающими крупными камнями, громоздкие блестящие браслеты и тяжелые эффектные ожерелья.

Согласно страховым документам, часть из них была бижутерией, а часть — настоящими драгоценностями. Майлзу следовало провести их оценку. Но прежде он собирался показать украшения Оливеру. Майлз подозревал, что тот подыскивает обручальное кольцо для Жюльет. И конечно, он отдаст Линли перстень, хотя этот пункт и не числился в завещании Маргаритки.

Он сделал несколько фотографий на телефон, надел на палец перстень и закрыл сейф.

***

Поскольку в ближайшие несколько дней Майлзу не светило вернуться в дом, он решил пройтись до ломбарда и побольше разузнать о китайских вазах. На его счастье магазин был открыт. Пожилая женщина за прилавком показывала наручные часы молодой покупательнице.

Старушка улыбнулась и поздоровалась с Майлзом по-французски. Он улыбнулся в ответ.

— Просто посмотрю.

Женщина удивилась, но потом сказала:

— Прошу, не торопитесь.

Майлз подошел к витрине. Китайские вазы все еще стояли на своем месте с ошеломляющим ценником в пятьсот пятьдесят пять долларов за пару. *Те* ли это вазы? Интуиция подсказывала, что да, но не было никаких реальных оснований так думать.

Хозяйка магазина все еще занималась своими делами, поэтому Майлз решил осмотреть витрины с драгоценностями и столовым серебром. В одном из ящичков он обнаружил небольшой серебряный предмет в форме воронки, увенчанный изображением головы собаки — нет, лисы. Средневековый английский кубок с лисьей головой.

Который исчез из бара особняка по адресу

Брэйсайд, 13. Майлз готов был поставить свои последние деньги на то, что нашел пропажу. Он сфотографировал кубок на мобильный телефон, и пожилая женщина подняла голову.

— *Pas de photos, s'il vous plaît,* — резко сказала она.

— *Excusez-moi,* — извинился Майлз. Он убрал телефон, как она и просила.

Женщина фыркнула и вернулась к разговору с девушкой.

Майлз дождался, пока молодая покупательница заберет часы и уйдет.

— Меня интересуют китайские вазы в витрине, — сказал он, подойдя к прилавку.

Старушка просияла.

— У месье наметан глаз. Это антикварная вещь 1880-х годов. В китайской мифологии феникс — символ покровительства небес, добродетели и благодати, удачи и счастья. Это одно из четырех священных существ, управляющих судьбами Китая.

— Здорово. Они редкие?

— Редкие? Нет. Но при этом не валяются на каждом углу, конечно.

— Вы не помните, откуда у вас эта пара?

Она продолжала улыбаться, но в глазах появи-

лась настороженность.

— *Je regrette, je ne me rappelle pas*.

Майлз поднял руку над головой.

— Высокий парень… — эм, *garçon* — около сорока лет? Волосы рыжие с проседью? — От волнения у него вылетели из головы те немногие французские слова, что он помнил. Майлз правильно употребил слово *garçon*? Или оно означало «*официант*»?

Она уставилась на Майлза нечитаемым взглядом, оставив вопросы без ответа.

— А как насчет кубка с лисьей головой? Откуда он взялся?

Женщина невольно посмотрела в сторону ящичка.

— *Je ne sais pas de quoi vous parlez*.

Да, разумеется. Или, как говорят в Калифорнии, *Me no comprende*. Но конечно же, все она понимает и знает. На большее Майлз и не рассчитывал. Все было очевидно, и его подозрения превратились в уверенность.

— Что ж, спасибо за помощь.

Она вежливо кивнула и не шевелясь глядела Майлзу вслед, пока он не покинул магазин.

Майлз помедлил на тротуаре, а потом открыл дверь и влетел обратно. Женщина разговари-

вала по телефону, но заметив Майлза, тут же положила трубку. Это было столь откровенное признание вины, что Майлз совершенно забыл, зачем вернулся: он хотел дать свой номер, чтобы хозяйка магазина могла связаться с ним, если вдруг что-то вспомнит. Но теперь было очевидно, что мысль была дурацкая.

Женщина уставилась на него.

— Простите, — пробормотал Майлз и спешно выскочил из магазина.

Глава десятая

Месье Тибо ошибся в своих прогнозах: заходя в метро, Майлз получил сообщение от сержанта полиции, в котором говорилось, что смерть Дюбе была признана несчастным случаем, и дом уже не считается потенциальным местом преступления. Это была великолепная новость, которой Майлз и не ждал. Теперь он мог вернуться в дом, когда угодно и как можно скорее.

Майлз позвонил Линли, но, попав на голосовую почту, оставил сообщение, что возвращается в дом и приглашает Палмера на ужин. Линли перезвонил почти сразу. Его голос был полон сожаления.

— Похоже, сегодня не получится поужинать.

Неожиданно прилетает покупатель из Японии.

— Черт, — Майлз был разочарован. — А потом ты поедешь в Гор?

— Планировал. — Линли колебался. — Но если ты не возражаешь против позднего визита, я могу заскочить после ужина и переночевать у тебя.

— Было бы здорово, — сказал Майлз.

В голосе Линли слышалась улыбка:

— Я тоже так считаю. Ты всегда такой сговорчивый?

Что бы это значило?

— А *не* должен быть?

Линли хохотнул.

— Увидимся около полуночи.

— До встречи.

***

Докупив необходимые продукты на рынке Этуотер, Майлз вместе с чемоданами и безумным количеством сыра, хлеба и шоколада вошел в высокие ворота особняка по адресу Брэйсайд, 13 и пересек широкий, усыпанный листьями двор.

Обещавшее солнце утро сменилось прохладным и дождливым днем. За высокими черными силуэтами деревьев небо казалось бесцветным, как выбеленные штормами старые кости на морском берегу.

Когда Майлз отпер входную дверь, то почувствовал себя… Не то чтобы дома, но привычно. Он был рад возвращению.

— Есть кто дома? — крикнул он.

Что было довольно глупо, потому что никого не было. Или Агата так никуда и не делась?

Неся сумки на кухню, Майлз прошел мимо испанской лестницы, взглянув на отполированные до блеска мраморные плитки, на которых не осталось ни следа от трагических событий двухдневной давности. Майлз положил пакет на столешницу и, прислушиваясь, подошел ко входу в коридор, ведущему к апартаментам прислуги. Тишина. Либо Агата еще не знает, что полиция освободила особняк, либо она не хочет или не готова вернуться в дом, где погиб ее сын.

Майлз налил в бокал из откупоренной бутылки Кло ла Неор. Затем разобрал продукты и принялся слоняться по кухне. Вспомнилось, что он так и не обсудил с месье Тибо судьбу Агаты. Должно же быть какое-то приемлемое для всех сторон решение. Может быть, у Линли появится идея на этот счет.

Закончив дела на кухне, Майлз поднялся наверх (в конце концов нельзя всю жизнь игнорировать лестницу) и распаковал вещи в бывшей

комнате Линли.

Затем он перешел в библиотеку, откуда открывался изумительный вид на красно-золотые кроны деревьев и серебристо-голубой город за ними. Майлз решил наконец посмотреть бумаги, которые выдал месье Тибо. Он медленно перелистывал страницы.

Множество страниц. И *множество* вещей, которые они описывали.

Фарфор Эйнсли с орнаментом из дубовых листьев, состаренное серебро и серебро с эмалью, вышитое постельное белье, изделия из слоновой кости (*кстати, в Канаде можно хранить и продавать изделия из слоновой кости?*), уотерфордский хрусталь… *О, и два эскиза Тома Томсона.* Да, Линли не ошибался — они действительно очень ценные. Чиппендейловская мебель, персидские ковры… У Майлза голова шла кругом.

Кубок с лисьей головой не упоминался, но, возможно, это был слишком ничтожный предмет, чтобы попасть в опись. Тем не менее Майлз знал, что не ошибся. Он очень хорошо помнил этот кубок. Помнил, как Маргаритка смешивала напитки, встряхивая сверкающими браслетами на загорелых запястьях, хватаясь то за одну бутылку, то за другую, ни на минуту не переставая

болтать. Помнил непринужденный смех мамы, ее бесконечную терпимость к театральности (или актерскому таланту?), которая определяла жизнь Маргаритки, и веселую привязанность к своей самой дорогой и старинной подруге.

«Дела *не таких уж* минувших *дней, дорогуша!*» — напомнил ему призрачный голос Маргаритки. Майлз слабо улыбнулся и вернулся к описи. «**Белоснежно-кобальтовые китайские фарфоровые вазы шинуазри, пара».** А вот и они. Первая строчка на четвертой странице. Значит, несколько недель назад вазы еще находились в доме. Маргаритка их не продавала. Они были украдены.

Вопрос, что теперь с этим делать? Есть ли возможность вернуть вазы? Как можно доказать, что в ломбарде вещи из особняка, если Эрван Дюбе умер? Как вообще работает законодательство Канады относительно кражи имущества? Возможно, у месье Тибо есть все ответы.

Погруженный в свои мысли, Майлз едва уловил отдаленный звук закрывающейся двери. Когда до него наконец дошло, что он услышал, он вскочил с бешено колотящимся сердцем и бросился к источнику шума.

Входная дверь была заперта.

Он прошел на кухню — задняя дверь тоже закрыта.

Но были и другие возможности войти в дом. Например, через французские двери на балконах спален. Боковые двери на террасы, небольшие лестницы, ведущие в сад. В доме было множество входов и выходов, но Майлз проверил их все — они оказались надежно заперты.

Он вернулся на кухню и чуть не умер от ужаса, увидев Агату, которая неподвижно, словно призрак, стояла в коридоре со стороны апартаментов прислуги.

— Это вы, — прошелестела она. Женщина была в плачевном состоянии. Изможденная, бледная, с красными глазами, она будто за один день постарела на сотню лет.

— Да. Я вас напугал? — На самом деле это она напугала Майлза, сердце которого все еще заходилось.

Казалось, она не расслышала вопрос.

— Агата, мне очень жаль… Эрвана.

Ее глаза сверкнули.

— Мой сын не вор!

Майлз не нашелся, что ответить. Эрван был буквально пойман с поличным.

— Это все обстоятельства, — настаивала Агата,

будто кто-то с ней спорил.

— Ну… я не полицейский. И не…

Разве обстоятельства не всему виной? Всегда? Что можно с этим поделать?

— Эрван был вынужден заниматься подобными вещами. Чтобы выжить. Никто не взял бы его на работу с таким досье.

Женщина пугала. Остекленевший взгляд, яростный, срывающийся голос. Майлзу было жаль ее, и с каждым словом Агаты он все больше утверждался в мысли откупиться от нее и выслать из Брэйсайда навсегда.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Знаю, что это тяжело принять.

Она рассеянно на него посмотрела.

— Вы *ничего* не знаете. Вам здесь не место. Вы не член этой семьи.

— Ладно, я не собираюсь с вами спорить, — сказал Майлз. — Вы пережили ужасные события, и я сожалею о вашей утрате. На сегодня вы свободны.

На сегодня свободны? Он что, сообщил, что ее работа закончена? Видимо, время, потраченное на «*Аббатство Даунтон*», не прошло даром — Агата молча повернулась и исчезла в темном коридоре. Дверь в ее комнату открылась и закры-

лась с жутковатой аккуратностью.

— Ла-а-адно. — Майлз подавил желание захлопнуть и запереть на засов дверь, ведущую из кухни в крыло прислуги.

Неужели она оставалась в доме все это время? Прячась от полиции. Он бы не удивился. Женщине следовало быть в кругу семьи и друзей, но, возможно, ей просто не к кому пойти. Во всяком случае, Агате нужно поговорить с психологом.

Во второй раз Майлз подумал о том, что Линли, возможно, *что-то придумает*. Стоило следить за своими мыслями. Майлз не должен во всем полагаться на Палмера. На самом деле, ни в чем не стоило.

Он вымыл руки, собрал на тарелку хлеб, сыр, фрукты, налил бокал вина — легкомысленный перекус в Калифорнии, но совершенно правильный ужин здесь, в Монреале, и понес приготовленное в библиотеку.

Его путь лежал мимо большого японского панно, выполненного пером и тушью, и когда Майлз проходил мимо фрески в холле библиотеки, что-то привлекло его внимание. Он остановился, внимательно изучая край панно. На нем были крошечные порезы, а рядом на деревянном обрамлении — сколы. Похоже, кто-то был не в

курсе, что рисунок выполнен прямо на стене, и попытался его снять. Удивительно, что Майлз не заметил этих деталей раньше, когда довольно долгое время провел здесь с констеблем Макгратом во время допроса. Какое счастье, что Дюбе не повредил панно еще сильнее. А ведь мог. Но кто знает, сколько еще сокровищ в Брэйсайде он испортил или продал до своего рокового падения?

***

Майлз поужинал, наблюдая из окон библиотеки за закатом. Он надеялся, что Линли позвонит, но этого не произошло. Никто не звонил, и вечер тянулся неспешно, пока Майлз терпеливо дочитывал опись имущества.

Хорошая новость заключалась в том, что в ближайшие месяцы он мог избавиться от многих вещей, чтобы обеспечить свою жизнь в Брэйсайде. Омрачала его настроение мысль о том, что на самом деле ему не хотелось становиться куратором музейной коллекции Маргаритки. Майлз хотел по-настоящему заняться живописью, а еще узнать, куда заведет его история с Линли. Казалось, что, по иронии, дом и все его содержимое могли помешать этим задумкам.

Погруженный в свои размышления, Майлз поднялся наверх.

Он принял душ, разделся, вновь испытывая неловкость (когда уже он сможет расслабиться в этом доме?), и забрался в постель, чтобы почитать книги по искусству до приезда Линли. Но прошлая бессонная ночь дала о себе знать, и вскоре Майлз уже спал.

***

Ему снилось, что кто-то скребется в парадную дверь. Майлз выбрался из постели, прошел по коридору, пересек балюстраду, спустился по смертоносной лестнице и обнаружил, что шум доносится из библиотеки. Он двинулся на звук и наткнулся на Эрвана Дюбе, который перочинным ножом пытался содрать японскую фреску со стены.

— Эй, что вы делаете? — завопил Майлз. — Вы ее уничтожите.

В ответ Дюбе широко и безумно ухмыльнулся, сорвал со стены панно и свернул его в *рулон*, как кусок обоев.

Майлз вытянул руку, чтобы остановить вора, но тот полоснул его по ладони уже огромным мясницким тесаком. Дюбе начал хохотать.

Майлз охнул, глядя на кровь, стекающую по пальцам. Он поднял голову, и Дюбе с обезумевшим видом на него прыгнул.

***

Майлз резко проснулся.

Секунду или две он лежал, уставившись в потолок и моргая, прислушиваясь к себе. Его дыхание замедлялось, сердцебиение успокаивалось, когда ужас медленно отступал перед осознанием, что все это был лишь сон. Затем Майлз нервно усмехнулся и потянулся к телефону. Сквозь дымку кошмара он разглядел время на экране: больше часа ночи. Хорошо. Линли должен подъехать с минуты на минуту. Майлз на это надеялся.

Вдруг его мысли замерли.

Линли.

Перстень с печаткой.

Согласно описи, это кольцо с турмалином и бриллиантом стоит десять тысяч. И Майлз оставил его рядом с раковиной в кухне, когда мыл руки перед приготовлением ужина.

Вот дерьмо.

Он выкарабкался из постели — уже не во сне, а наяву — и босиком бросился в коридор. На первом этаже горел свет (кажется, он пропустил несколько ламп перед тем, как пойти спать), и пустые комнаты казались золотыми в мягком, приглушенном свете.

Майлз прошел прямиком на кухню и включил

верхний свет. К его облегчению кольцо лежало на месте. Он надел его на палец и заметил, что дверь в крыло прислуги закрыта. Дернул за ручку — заперто на ключ.

Неужели Агата боится его или на что-то намекает? Или дверь случайно захлопнулась? Может, на ней автоматический замок. Если так, то Агата, обнаружив запертую дверь, вероятно, сойдет с ума.

Под действием дурмана сна и плохо соображая, Майлз отпер дверь. Затем оглядел кухню, рассеянно почесывая затылок. Может, стоит приготовить кофе для Линли? Или гость захочет поесть? А *сам* он не хочет перекусить?

Мысли роились в голове Майлза, когда он услышал легкие быстрые шаги в коридоре. Наконец-то Линли.

Майлз повернулся с улыбкой. И она тут же погасла.

На пороге стоял мужчина. Вовсе не Линли. Даже отдаленно не похож.

Но при этом что-то в нем было знакомое: высокий, стройный, очень светлый. Возраста Майлза.

— Какого черта ты здесь делаешь? — выпалил мужчина. В его голосе слышалось праведное возмущение.

— Кто вы такой? — одновременно с ним задал

свой вопрос Майлз.

— *Черт.*

Майлз, которого поначалу сбила с толку темная одежда незнакомца, наконец-то вспомнил этого мужчину. В прошлый раз на нем был твидовый костюм в елочку.

— Погодите-ка, — удивленно протянул Майлз. — Я знаю вас. Вы тот человек. Ассистент месье Тибо. Вы мистер Уэсли.

Происходящее казалось нереальным, Майлз даже не почувствовал страха.

Лицо незваного гостя скривилось.

— Черт. Черт. Черт. Тебя *не должно* быть здесь!

Он обвел взглядом кухню и посмотрел на свою руку, в которой держал черный строительный нож. Затем его воспаленные глаза встретились с глазами Майлза. Лицо Уэсли было решительным.

Майлз почувствовал, как на него накатила волна страха.

— Не делай глупостей.

Уэсли качнул головой и шагнул вперед. Майлз тут же отступил за длинный обеденный стол. Наверное, ему стоило выхватить нож, если бы он знал, в каком из ящиков он лежит, но что потом? Поножовщина с мистером Уэсли? Ситуация каза-

лась нелепой и невозможной.

Майлз машинально перешел в режим «учитель-против-хулигана».

— Послушайте, так вы сделаете себе только хуже. Не усугубляйте ошибку.

Уэсли, который находился по другую сторону стола, казался раздраженным.

— Ты же знаешь, что тебе некуда деваться.

Майлз подумал, что, возможно, шанс есть. Если ему удастся добраться до двери и открыть ее до того, как Уэсли его нагонит, он может добежать через сад до калитки и вызвать помощь. Строительный нож опасен, но все же не самое мощное оружие.

— Вы приходили сюда в пятницу вечером, — высказал догадку Майлз. — Это вы ответили на мой звонок.

Незваный гость выглядел раздосадованным.

— Очевидно.

— Вы работали с Эрваном?

Уэсли неодобрительно фыркнул.

— С кем? Ты с ума сошел!

— *Я* сошел с ума?

— Какие у меня могут быть дела с этим кретином? — Уэсли, казалось, оскорбила такая мысль.

— Вы его убили?

— Разумеется, нет. Это был несчастный случай. Идиот пытался стащить Ботеро по лестнице. В этот момент увидел меня и оступился. Так что он сам виноват в своей нелепой смерти. Жадный ублюдок. — Уэсли пожал плечами.

Сейчас или никогда. Майлз бросился к двери. Его план состоял в том, чтобы тащить за собой стол — импровизированный барьер между ним и противником, тогда у него появился бы шанс открыть замки. Но кажется (а может, на самом деле) махина весила тонну, потому что не сдвинулась с места. Майлз едва не потерял равновесие. Уэсли напрыгнул на него и почти схватил, но Майлзу удалось отскочить.

Восстановив сбитое дыхание, Уэсли усмехнулся.

— Хорошая попытка.

Единственное, что получилось у Майлза хорошо, так это передвинуться ближе к двери, ведущей в другие помещения дома. Уэсли осознал это одновременно с Майлзом и тут же бросился к нему, размахивая ножом, будто персонаж «*Вестсайдской истории*».

Майлз кинулся к двери, но преследователь буквально наступал ему на пятки. Пробежав мимо маленького декоративного столика, Майлз

швырнул его куда-то назад. Он услышал, как Уэсли упал и нож выскочил из его руки, звонко ударившись о мраморный пол, но, ни на секунду не останавливаясь, рванул к входной двери.

Не добежав нескольких шагов, Майлз увидел, как в замке поворачивается ключ, опускается дверная ручка и створки распахиваются.

— *Лин*, — выдохнул Майлз.

И снова ошибся. Это был вовсе не Линли. Майлз буквально остолбенел. Уэсли, практически догнавший его, тоже остановился.

Майлз в изумлении уставился на невысокого человека в черном пальто и перчатках.

— Что, во имя всего святого, здесь происходит? — поинтересовался месье Тибо.

Глава одиннадцатая

— Он все знает, — выдохнул Уэсли.

Месье Тибо закатил глаза.

— Да, *imbécile*, потому что только что ты ему все рассказал. — Он вытащил из кармана коротковольный револьвер и сокрушенно покачал головой. — Ну почему, мистер Тьюздей, вы никогда не следуете инструкциям?

Паззл сложился, но слишком поздно. Вдруг обрели смысл все мелкие детали. Например,

уговоры месье Тибо остановиться где-нибудь подальше от Брэйсайда. И более значительные: хозяйка ломбарда поначалу перепутала его с кем-то другим. Ну конечно, ведь они с Уэсли были примерно одного роста, возраста, цвета. И кто, как не Тибо, лучше всех знает, какие вещи легко вынести из дома незамеченными и гарантированно продать за хорошие деньги. Адвокат никогда бы не додумался снимать со стены фреску, хотя, возможно, Уэсли мог бы. И конечно, месье Тибо изо всех сил старался не допустить возвращения Майлза в дом так рано.

— Вы грабите дом с тех пор, как умерла Маргаритка.

— Eh bien, — Тибо пожал плечами. — Почему бы и нет.

— *Почему бы и нет*?!

— Этот дом — склад вещей. Более чем достаточно для вас одного. Да и что вы сделали, чтобы заслужить эти девять миллионов долларов? И чем заслужили их все эти богатые испорченные паразиты?

— Что нам с *ним* делать? — спросил Уэсли.

— А что мы можем сделать? — в интонации Тибо появились извиняющиеся нотки.

— Погодите, — выкрикнул Майлз. — Между

воровством и убийством большая разница.

— К сожалению, да.

— Так и что нам… — запнулся Уэсли.

В этот момент Майлз безошибочно различил звук проворачивающегося в замке ключа. Месье Тибо развернулся и вскинул револьвер. *Нет.* Майлз не мог допустить, чтобы Линли пострадал. Это был его шанс. Майлз вцепился в руку с револьвером, а Уэсли повис на нем.

Из коридора позади донесся жуткий вой, и на сцене появилась Агата в своем цветастом розовом одеянии. Она бросилась к ним, не прекращая вопли и размахивая сковородкой.

— *Да чтоб тебя,* — просипел Уэсли, поднимая свой нож.

Все произошло в один миг. Майлз со всего размаху ударил рукой Тибо об открывающуюся дверь, и она снова захлопнулась. Тибо выронил револьвер. Тот, упав на мраморный пол, выстрелил с оглушающим *грохотом*. Пуля попала в мраморную ступеньку и отрикошетила в окно, из которого посыпались осколки. Агата набросилась на Уэсли, а затем, словно теннисной ракеткой, выбила сковородкой из его руки нож. Мужчина взвыл от боли, но его крики прервались, когда Агата вторым ударом залепила ему в лицо. Уэсли

рухнул как подкошенный и затих на мраморном полу.

В это время Майлз выворачивал руку месье Тибо, пока тот не упал на колени, задыхаясь от боли. Линли встревоженно что-то закричал и с яростью толкнул дверь, сбив Тибо с ног. Створки распахнулись.

— Господи Иисусе, какого черта здесь творится? — возмутился Линли.

— Добро пожаловать домой! — выдохнул Майлз и рухнул в его объятия.

***

— Всего десять дней до твоего отъезда, — печально улыбнулся Линли. — Учитывая последние события, уверен, что вернешься?

Был полдень вторника, и они прогуливались по *Шербрук-стрит*, направляясь в галерею Линли. Большую часть ночи они не спали, давая показания полиции. Тибо и Уэсли находились в тюрьме, ожидая суда по целому ряду обвинений, включая кражу на сумму свыше пяти тысяч долларов, непредумышленное убийство и покушение на убийство.

— Ну, я же хотел приключений. Конечно, я вернусь. И буду прилетать по возможности часто, пока не улажу все дела в Калифорнии.

Линли кивнул. Но в его лице не было убежденности.

— Ты веришь словам Тибо, что он непричастен к смерти вашей матери?

Линли задумался.

— Да. Все-таки они не были убийцами. В основном грабили поместья покойных клиентов Тибо.

Верно. Очень прибыльное занятие. Когда полиция увела Тибо и Уэсли, Майлз нашел на обеденном столе вырезанные из рамок эскизы Тома Томсона.

— И все же они были готовы расширить свою деятельность, когда их застукали.

— Да.

— Но что-то другое не дает тебе покоя.

— Не могу отбросить одну мысль… — начал Линли. — Эрвана выпустили из тюрьмы всего за несколько дней до смерти матери.

— Думаешь, он мог иметь к этому какое-то отношение?

Линли пожал плечами.

— Мы никогда не узнаем. Что, если она наткнулась на него, когда он рыскал по дому? Что, если он ее напугал?

Майлз содрогнулся.

— Надеюсь, что нет.

Если Эрван прямо или косвенно виновен в смерти Маргаритки, то его собственная кончина выглядит как высшее возмездие.

— Я тоже.

— Одно могу сказать наверняка: больше и мысли не допущу о том, чтобы уволить Агату.

Линли слабо улыбнулся.

— Она не так ужасна, если узнаешь ее поближе. И у нее потрясающее шоколадное суфле.

— Я завоюю ее сердце, — рассмеялся Майлз.

— Уверен, у тебя получится. — Линли вздохнул. — Два месяца — это слишком.

— Не такой уж долгий срок. К тому же у нас десять дней впереди.

— Хочешь пообедать до или после того, как зайдем *ко мне*?

Они как раз проходили мимо небольшой галереи. Майлз заглянул в окно. А потом еще раз. И остолбенел.

— Что такое? — спросил Линли.

— Я… Мы можем зайти?

— Конечно.

Озадаченный, но невозмутимый, Линли проследовал за Майлзом в небольшой магазинчик. Майлз направился прямо к прилавку в дальнем углу зала и уставился на большую картину мас-

лом. Он чувствовал… почти головокружение. Казалось, будто все это ему снится.

— *Bonjour*, — улыбнулась женщина за прилавком и вопросительно на него посмотрела. — *C'est charmant, n'est-ce pas*? Вам нравится?

Майлз не ответил. Это был не сон. Он *узнавал* эти быстрые, резкие мазки, эту отчаянную потребность выплеснуть все наружу: эмоции, жажду, возбуждение. Быть может, линии были не столь уверенными и решительными, как должно, но все компенсировало пылкое, взрывное буйство цветов: малиновый ализарин, киноварь, кадмий желтый, кобальт желтый, изумрудная зелень и ультрамарин. Слишком эмоционально, сказал бы Линли. Он и *сказал*.

— Озеро Тахо, — выдохнул Майлз.

Женщина снова улыбнулась.

— Правда? Не знала.

— Это великолепно, — сказал Линли. Он положил руку на плечо Майлза, будто чувствовал, что тот нуждается в поддержке, хотя не знал, почему. — Купить ее для тебя?

— Ох! — воскликнула женщина. — Она не продается.

— Где вы ее нашли? — спросил Майлз.

Ее лицо просветлело.

— Вы не поверите. Я обнаружила ее много лет назад в мусорном баке.

— Там было три полотна.

Ее глаза округлились.

— *Oui!* Их точно было три. Два других я продала. А эту картину оставила. Иногда нужно напоминать себе, почему я занялась этим делом. — Женщина заколебалась. — Неужели *вы* и есть автор?

— Там должны быть инициалы МТ в правом нижнем углу.

Горло Майлза сдавило, и голос осип. Тот день стал худшим в его жизни. Но эта женщина с чудесной улыбкой нашла его картины, и они тронули ее сердце — и вошли в ее жизнь. Разве не для этого существует искусство?

— Так и есть. — Она даже не стала проверять. Она сияла, глядя на Майлза. — И что же означают МТ?

— Майлз Тьюздей.

Женщина протянула ему руку.

— Для меня большая честь наконец встретиться с вами, Майлз Тьюздей. Я Зои Гренье, и это моя галерея.

***

Линли поднял бокал.

— За твою первую выставку!

Они чокнулись, и Майлз пригубил шампанское. Пузырьки шипели в носу и лопались в сердце. Он никогда не был так счастлив.

И даже до конца не осознавал, где они находятся. Это было небольшое кафе в нескольких минутах ходьбы от галереи Зои. Солнце сияло, вокруг звучала музыка, и больше не осталось ни одной загадки. Майлз улыбнулся Линли, и тот мягко сказал:

— Если хотя бы часть улыбки предназначена для меня, я буду доволен.

— Все твое, — ответил Майлз. — Мне кажется, я в тебя влюбляюсь.

Уже дважды он решался на безумие ради Линли, так что не удивился бы, если бы сейчас тот просто отшутился.

Но Линли оставался серьезен.

— Хорошо. Потому что я влюбился в тебя в ту ночь, когда сказал, что ты хороший парень, а в ответ получил: «Контрольный в голову».

Он криво усмехнулся, и Майлз рассмеялся.

— Спасибо, что дал мне еще один шанс, — добавил Линли.

— Спасибо, что дал *мне* этот шанс, — ответил Майлз.

Линли нахмурился.

— И все же хочу спросить. Меня волнует один вопрос с тех пор, как ты сказал, что после моего отзыва взялся за преподавание. Почему ты не обратился к кому-то еще?

Майлз уставился на него. Вопрос был очевиден. Когда Майлз поймал теплый взгляд голубых глаз Линли, он вдруг с ясностью осознал неизбежность своего путешествия, и четкий ответ возник в его голове.

— Ты ведь знаешь, как поется в той песне, — тихо сказал он. — Такова любовь, и ты ничего не можешь с этим поделать. *Et l'on n'y peut rien.*

Конец

«Любовь сбивает с ног»

Пандора Пайн

Переводчик: *Анастасия Цветочкина и Марр-сель;*
Редактор: *Нати Румата.*

Пролог
Портер

— Привет, эм-м-м…

Твою мать, я уже облажался. Так держать, отстой.

— Это Портер Хайнс.

Черт, неужели реально нужно трепать свою фамилию. Что если эти подкастеры — сталкеры? Или серийные убийцы? Просто возьми и сделай, а после сможешь есть арахисовое масло ложкой прямо из банки хоть целый день.

— Сегодня я слушал ваше шоу об исполнении желаний, и у меня есть собственное желание, которое хотелось бы воплотить в реальность.

Вообще-то их было *несколько*, но я решил поведать о самой насущной проблеме.

— Мои друзья влюбляются. Каждый. Божий. День. В супермаркете. На катке. Один знакомый повстречал будущего мужа в пробке, когда парень въехал в его машину задним ходом. А я? У меня не было свидания уже несколько месяцев.

Бля-я-я-я-дь! Зачем я им это рассказываю? Поговорим об отчаянии.

— Короче, друзья легко влюбились и завязали отношения. И вот мое желание — любовь с первого взгляда. Мгновенное притяжение. Судьба. Первый поцелуй, от которого подкашиваются ноги и теряется счет времени. Да, итак, я хочу, чтобы моя судьба появилась внезапно и сбила меня с ног. Любовью с первого взгляда. Спасибо. Ну, пока.

Потным пальцем я нажал кнопку отключения звонка.

Любовь с первого взгляда? Единственное, что еще более нелепо, чем думать, как некоторые счастливо женатые подкастеры могут указать мне путь к истинной любви, — это вера в *желания*, включая миф о любви с первого взгляда.

Даже в аду не было бы ни малейшего шанса, что голосовое сообщение принесет мне что-нибудь, кроме пары неловких моментов в подкасте, если оно вообще попадет в шоу.

Мое сообщение — это такой гигантский провал; они должны сделать только два клика — alt и delete. Открыть и удалить.

Друзьям просто посчастливилось найти свое будущее. В нужном месте, в нужное время и все такое. Магии не существует. С тем же успехом я мог бы верить в единорогов. Фей. Вампиров. В идеально сидящие джинсы.

Любовь с первого взгляда? Ну, конечно.

Глава первая

Сион

«Еще один день в раю», — мрачно подумал я, когда холодный ветер с Бостонской гавани ударил в лицо. Даже укутанный, как младший брат Ральфи в «*Рождественской истории*», я промерз

до костей спустя несколько секунд после того, как вышел из своего таунхауса на Бикон-стрит.

Мой тридцатикилограммовый белый лабрадор Хаос обожал такую погоду. Пока мы шли к кофейному вагончику, пес постукивал меня сзади по ноге — так сильно он вилял хвостом.

Я нуждался в дневной дозе кофеина. Будь проклята эта погода.

Пока мы неспешно прогуливались, мысли вращались вокруг работы. Три проекта ждали моего золотого голоса, а я еще не приступал ни к одному из них. Я не тот человек, которого можно назвать личностью типа А*, но я перфекционист. Так что называйте меня — тип А1. Ну или еще как-нибудь.

**Личность типа А — человек с неадекватными амбициями (прим. пер.)*

Золотой голос? Я громко фыркнул, напугав Хаоса. Он встал как вкопанный и заскулил. Так он интересовался, в порядке ли я.

— Я в порядке, мальчик. Просто страдаю от приступа хвастовства.

А если серьезно, то у меня реально золотой голос. Даже если вы никогда не слышали имени Сион Гейл, я гарантирую: вы слышали мой голос.

Голос за кадром. Нет ничего гламурнее, чем

быть рассказчиком аудиокниги или парнем, который объявляет бойцов в боксерском поединке.

Я занимаюсь рекламой. Постоянно.

Я голос, который открыл сотню предприятий в районах Большого Бостона. Голос, который продает все — начиная с компрессионных носков и заканчивая лекарствами от эректильной дисфункции. Чистящие средства «Scrub-a-Dub»? Это я. «Dog Daze» — прекраснейший спа-день для вашего питомца? Да, тоже я. Вы не сможете включить радио и не услышать, как я о чем-то болтаю. Я навязчивый рекламный звон в ваших ушах, который невозможно выкинуть из головы.

Всегда пожалуйста.

Запах коста-риканского кофе темной обжарки защекотал мой нос, возвратив мысли в настоящее. Я не мог придумать ничего лучше, чем обалденная чашка кофе, только если, конечно, это не отличный секс. Не то что бы я часто им занимался. По крайней мере, в последнее время.

Миновал уже год с тех пор, как я дал пинка своему бывшему негодяю. И ни дня не проходило, чтобы я не желал ему бешеного приступа геморроя. Нужно двигаться дальше и оставить Чеза в прошлом, но если я буду держать боль внутри, останется меньше шансов рискнуть сердцем

снова.

— Зачем ты звонишь мне? — раздался мужской голос неподалеку. Звучало так, словно звонивший крайне нервировал парня. — Я даже не в офисе.

Когда я потянулся к ручке двери, что-то очень большое и твердое врезалось в меня.

— Уф-ф! — только и произнес я, почувствовав, как тело отпружинивает от того, что меня ударило.

Все происходило как в замедленной съемке. Я вытянул руки вперед, чтобы смягчить падение, которое, как подсказывал мозг, должно было вот-вот произойти. Но оказалось бесполезно бороться против притяжения ледяного бетонного тротуара, и я ударился щекой о землю. Пытался сориентироваться, но тут что-то огромное приземлилось мне на спину.

— О господи Иисусе! Мне так жаль! — раздался мужской голос. — Сейчас, позвольте вам помочь.

Хаос взвизгнул и навис надо мной, обдав лицо собачьим дыханием — запахом сыромятной кожи и чего-то отвратительного — я не желал знать. Помогая себе ободранными и, как мне показалось, кровоточащими руками, я поднялся на колени.

— Я помогу. Черт, какой же я засранец. Веду себя как король мира, трещу по телефону и не смотрю, куда иду. — Неуклюжий незнакомец судорожно вздохнул. — О бог мой, ты *слепой*.

Я упоминал о том, что слепой?

Виноват.

Обычно первое, что бросается в глаза, — темные очки и собака-поводырь. Мистер Король Мира, похоже, был так увлечен разговором по телефону, что не заметил меня.

Большие ладони обхватили мои руки. Все тело прошило разрядом от прикосновения. Электрические импульсы пробежали по позвоночнику, распространяясь и разбегаясь в каждую клеточку тела. Мой бездеятельный в последнее время член взволновался с удвоенной силой и зашевелился в штанах.

— Да, я слепой, спасибо…

К горлу подкатила тошнота. Я крепче сжал руку незнакомца, продолжив держаться за него.

Перед моим мысленным взором предстал Мистер Король Мира. Он был высок и строен, как красное дерево. Господи, неудивительно, что он врезался в меня. Во мне сто шестьдесят пять сантиметров роста, с ботинками. Этот парень, должно быть, сантиметров на тридцать выше,

если не больше. Его зеленые глаза оттеняли темно-каштановые волосы и всклокоченную бороду, отчего по моему телу пробежал еще один электрический разряд. *О-о-о*, как эта шкурка будет ощущаться на моих бедрах, пока он будет сосать член.

Милый Иисус на каблуках.

Затем видение завершилось, показав напоследок изображение джинна из «Аладдина». Черт, это мой любимый мультфильм из детства. Я был по уши влюблен в такую грандиозную личность. В данном контексте это не имело абсолютно никакого смысла, если только парень тоже не фанател от диснеевских мультиков.

— Эй? Э-э-эй? Ты в порядке? — прорвался его голос как будто сквозь толщу воды.

Обычно экстрасенсорные видения никак не влияли на мой слух.

Кстати, я упоминал, что помимо обладания золотым голосом и слепоты, еще владею и экстрасенсорным даром?

Опять виноват. Сегодня *не мой* день.

— Думаю, да.

Остатки зрения рассеялись вместе с образом. Ведь я мог видеть, только когда включался дар. Вот как это работало, что слегка хреново, но с

годами, я научился так жить.

— Черт, у тебя что, сотрясение мозга? — испуганно прозвучал голос Мистера Короля Мира. — Какой сегодня день? Месяц? Какой кофе ты обычно берешь в кофейном вагончике?

Я расхохотался.

— Какое отношение мой любимый напиток имеет к сотрясению мозга?

Поскольку я знал, как парень выглядит, стало любопытно узнать его поближе. Меня тянуло к нему, никогда и ни к кому прежде я такого не испытывал.

— Раз уж я сбил тебя с ног, самое меньшее, что могу сделать, это угостить кофе. — В голосе мужчины слышалось раскаяние.

Я больше не был уверен, что хочу кофе. То, чего я желал, было чуть более плотским.

— Нет, я так не думаю.

Хаос жалобно заскулил. Даже моя собака считала, что я принимаю неверное решение.

— Хотя бы позволь угостить тебя и твоего оборотня ужином. — В голосе незнакомца послышались дразнящие нотки.

— Я даже не знаю твоего имени.

Хотя моего он тоже не знал.

— Портер Хайнс. Приятно познакомиться с…? —

его голос дрогнул от невысказанного вопроса.

— Сион Гейл. Это мой пес-поводырь Хаос, и я тоже рад с тобой познакомиться. — Боже, помоги. Я не шучу. — Откуда мне знать, что ты не собираешься похитить меня и использовать как секс-рабыню?

Лишь мысль о качественном обнаженном времени с Портером вызвала дрожь.

— Секс-рабыню? — Портер усмехнулся. — Умоляю, ты не настолько уж и красив.

— Итак, ты считаешь меня красивым.

Бабочки в животе начали буйствовать. Не знаю, желудок скрутило от волнения из-за флирта с Портером или из-за того, что я не ел с обеда.

Портер усмехнулся.

— Знаешь, твой голос кажется знакомым. Все пытаюсь вспомнить, где мог слышать его раньше. Но это ведь невозможно, да?

Я расхохотался, подавив желание выкрикнуть слоган для «Dog Daze».

— Все расскажу за ужином.

— Тебе нравится дим-сам*? Дальше по улице есть отличное место.

**Дим-сам — в пер. «сердечно тронуть», легкое китайское блюдо (прим. пер.)*

Нравится ли мне дим-сам? Все равно что спро-

сить — был ли Папа Римский католиком?

— Обожаю.

Прежде чем я понял, что происходит, Портер положил мою левую руку на сгиб своего локтя. И этот жест показался мне крайне естественным.

Глава вторая

Портер

Пока мы шли по Бикон-Стрит, я думал о своем желании.

Веду красивого парня на ужин через пять минут после знакомства, а мозг застрял в размышлениях над нелепым желанием, озвученным в подкасте. Неужели наконец-то случилось? Или я сошел с ума?

— Это мой любимый ресторан, — заговорил Сион.

Черт! Я так увлекся мыслями, что не обращал внимания на своего кавалера.

— И мой. Не могу поверить, что мы не видели здесь друг друга раньше.

Бля-я-ядь! Какой же я дебил, высказываю слепому удивление, что он никогда меня здесь не видел? Я так резко вздохнул, что заболели легкие.

Сион сжал мою руку.

— Послушай, я слеп много лет. У меня было до-

статочно времени, чтобы привыкнуть ко всему. Это не проблема, как и косяки зрячих.

— Косяки зрячих? — Совершенно растерялся я.

— Да, вроде того, как ты говорил, что мы не *виделись* здесь раньше. — Пожал плечами Сион. — Ничего из этого не оскорбляет меня, так что будь к себе снисходителен.

Быть к себе снисходительным? Кто, черт возьми, *этот* парень? Кажется, он слишком хорош, чтобы быть реальным.

Со мной *никогда* не происходит ничего хорошего. Мысли необъяснимо вернулись к дурацкому желанию на подкасте. Я придумываю, или мечты и правда сбываются?

Вопреки тому, что *некоторые* тут себе возомнили, существовала такая вещь, как совпадение, о котором было бы более логично предположить, нежели думать, что здесь замешано что-то мистическое или сверхъестественное.

Но у меня не осталось времени на дальнейшие размышления: мы подошли к Чайному домику Хана. Здесь подавали лучший дим-сам в городе, даже лучше, чем в ресторанах Чайнатауна. Я придержал дверь для Сиона, и мы вошли. Нас окутало облако теплого воздуха с ароматом пельменей. Просто райское место.

За миниатюрной хостесс мы прошли вглубь зала к столику. Других посетителей не было, и хорошо: у Хаоса оказалось вполне достаточно места, чтобы прилечь, и не надо опасаться, что об него кто-нибудь споткнется. Хостесс, которая встречала меня сотни раз до этого, положила перед нами меню и удалилась.

Похоже, это еще один «косяк зрячих», как сказал Сион. Кто, блин, оставляет незрячему меню? Сила привычки, полагаю.

— Отсюда слышу, как у тебя в голове крутятся шестеренки. — Посмеялся надо мной Сион. — Дай угадаю. Хостесс оставила мне меню?

Смех удивительно окрасил его голос. А улыбка была настолько яркой, что освещала весь мир вокруг. Уж не говоря о том, как Сион озарил *мой* мир. Но я не могу сейчас думать об этом, пока нет.

— Да, она дала тебе меню. Хочешь, прочту? — Я с нетерпением ждал возможности помочь ему.

Сион удивленно приоткрыл рот. Предлагал ли ему помощь хоть кто-нибудь в жизни помимо родителей?

— Конечно. Я запомнил всего пару пунктов, — смущенно сказал он, на щеках расцвел румянец.

Мой взор застелила красная пелена. Да что не

так с людьми? Почему никто не предложил ему помощь раньше? Подавив гнев, я открыл меню и принялся перечислять закуски.

— Ладно, для начала у них есть крабовый рангун, свиные рулетики с яйцами, вегетарианский спринг-ролл и говядина терияки.

Сион просиял от счастья.

— Да, все это. Я хочу все это!

Он походил на голодного человека, который попал на пир. Жаждал попробовать все и сразу.

Когда я перечислил виды дим-сам, его детский энтузиазм не угас. Сион настроился попробовать все, что было в меню, и я с радостью согласился. Если бы какой-нибудь другой мужчина попросил меня заказать все это, я бы сказал: «О, *нихрена себе*, нет». Но Сиону хотелось угодить, и не потому что я размазал его по тротуару своей неуклюжестью. Я наслаждался временем, проведенным в его обществе, и не спешил уходить.

Господи, я такой придурок.

— Как твои руки?

Не дожидаясь ответа, я аккуратно взял Сиона за руки. Ладонь правой была стерта до крови, а на левой вдоль линии жизни тянулась зловещая царапина.

— Немного щиплет, но в порядке.

И вновь на красивом лице Сиона расцвел румянец. У него были такие светлые волосы, что в детстве, наверное, они были почти белыми. Поскольку он носил темные очки, цвет глаз оставался загадкой, но интуиция подсказывала, что они голубые — самые голубые, как Карибское море или безоблачное полуденное небо.

Взяв салфетку, я намочил ее в стакане с водой, который принесли, пока я читал меню для Сиона. С небывалой осторожностью я медленно очистил сначала правую, а затем левую ладони. Сион оказался идеальным пациентом.

— Ты как?

— Гораздо лучше. — И прекрасная улыбка украсила лицо Сиона. — У тебя самые зеленые глаза, какие я когда-либо видел, — сказал он с придыханием.

Я удивленно вздохнул. Откуда Сиону знать, что у меня зеленые глаза? Я, конечно, мало знал о слепоте, но слово как бы говорило само за себя. Разве нет? А еще темные очки и Хаос.

— Как? — вот и все, что я смог выдавить.

Румянец вновь окрасил щеки Сиона.

— У меня есть секрет. Я нечасто рассказываю его людям. Боюсь, что в ответ будут смотреть, как на Хэппи Мил, в котором не хватает наггет-

сов, — пошутил он, указывая на свою голову. — Не понимаю, как такое возможно, но спустя всего час знакомства с тобой, чувствую, что могу поделиться, и ты… — Сион замолчал, выглядев сконфуженным.

— Поверю тебе? — предположил я.

Что, черт возьми, там за страшный секрет? Может, он подопытный в какой-нибудь лаборатории Массачусетского технологического института? Ведь может быть что угодно.

— Примешь меня. — Его слова были простыми и искренними.

— Приму тебя? — Я снова почувствовал, как меня душит воротник рубашки. Сион прекрасный парень и заслуживает, чтобы его принимали таким, какой он есть. Со всеми тараканами. — Ты само совершенство.

Я опешил от собственного заявления. Обычно я не такой нюня. Парень, сидевший напротив, пробудил во мне не только желание заботиться и опекать, но и романтические чувства.

Сион трепетно прижал левую руку к груди.

— Возможно, ты подумаешь, что я немного не в себе, но я экстрасенс.

Из всех тайн, которые мог раскрыть Сион, меньше всего я ожидал услышать, такое.

— Экстрасенс? Как та блондинка по телевизору?

Указав на свои темные очки, Сион рассмеялся.

— Не знаю, о какой блондинке речь, но у меня порой бывают видения, когда люди прикасаются ко мне.

Я вспомнил, как помогал Сиону подняться с тротуара и обтирал ему руки.

— И что же ты видел? — прошептал я. Неужели и правда хочу знать?

Задумчивость придала Сиону еще больше красоты.

— Я видел тебя. *Всего* тебя, пока ты помогал мне встать на ноги у кафе.

— Всего меня? — Господи, надеюсь, дар Сиона не пришел с рентгеновским зрением?

— Я имел в виду, что видел, как ты стоишь на коленях рядом. В твоих глазах была тревога и что-то еще, я не смог разобрать. Отчасти я даже не понимал, что вижу, поскольку просто разглядывал тебя. Никогда раньше не встречал столь яркого зеленого оттенка.

В голове пронеслись миллионы вопросов. И основным, конечно, был вопрос, который Сион, скорее всего, сочтет грубым. Сделав глубокий вдох, я решился.

— Как давно ты… — ага, струсил в последнюю минуту.

— С рождения. — Казалось, парень совершенно не смутился.

— Откуда ты знаешь про цвета?

Из всего, что Сион смог бы узнать, несмотря на инвалидность, цвет — самое трудное для понимания. По крайней мере, для меня, если бы я оказался на его месте.

— Мать знала о моем даре. Когда случалось видение, я рассказывал ей все, что видел. Она объясняла образы, которые я не мог определить, например, цвет, солнце, луну и звезды. — Затем выражение лица Сиона изменилось. Из задумчивого в завистливое. — Есть только одна вещь, которую я пока не видел.

— Расскажешь? — Я был совершенно очарован своим спутником.

— Снег. — И снова улыбка озарила лицо Сиона. — Никогда не видел снега. Я лепил снежки и чувствовал, как хлопья тают на ресницах, но никогда не видел, как снег падает с неба.

— И как нам это осуществить?

Вопрос вырвался прежде, чем я успел порасскинуть мозгами о столь амбициозном предложении.

— Все, что ты можешь сделать, — попросить матушку-природу о небольшом одолжении. — Из уст Сиона просьба звучала как самая очевидная вещь в мире.

— Сделано!

Прогноз погоды сообщал, что завтра утром ожидается сильная метель. Мне только нужно вытащить Сиона на улицу, когда пойдет снег. Сущий пустяк. Так ведь?

Глава третья

Сион

Дим-сам стал лучшим блюдом в моей жизни, и не потому, что я перепробовал все из меню. Ужинать с Портером оказалось волшебно. Он потакал моим прихотям и без вопросов все оплатил, просто невероятно. Я даже не чувствовал себя в долгу, так Портер был великодушен.

Чез попрекнул бы каждым съеденным кусочком. Ублюдок.

Я тряхнул головой. Эта ночь вовсе не для того, чтобы вспоминать о прошлом. Речь шла о будущем. От одной лишь мысли о продолжении мне следовало бы выскочить из ресторана, но нет. Я чувствовал странное умиротворение.

— Так, промежуточный итог — 201 доллар 85 центов. Я дал пятьдесят баксов на чай, ведь обслу-

живание было превосходным, и Рози принесла Хаосу миску воды. Подпишу чек, и можем идти.

В голосе Портера слышалось явное удовольствие. Он не показушничал и не выпендривался. Просто рассказывал о происходящем. Никто и никогда не проявлял ко мне такой заботы. Когда я ходил куда-либо с родителями, они просто безмолвно оплачивали счет, не посвящая в нюансы. Видимо, считали, что это меня не касается.

Когда мы встали из-за стола, Портер взял мою руку и положил себе на плечо. Хаос вполне мог сопроводить меня до двери, но я наслаждался вниманием своего спутника.

Как такое вообще возможно? Мы познакомились всего несколько часов назад, а казалось, будто прошли годы. Я боялся предстоящего прощания с этим очаровательным и сексуальным мужчиной. Твою мать, мой член был наполовину тверд на протяжении всего ужина только из-за того, что во время разговора Портер касался моей руки.

— Думаю, здесь мы и пожелаем друг другу спокойной ночи.

Я потерпел неудачу, стараясь подавить разочарование в голосе. Но расстроился не только из-за прощания: когда Портер взял меня за руку,

видения не случилось.

Хаос заскулил, давая понять, как глупо я себя веду. Он был прав.

— Уже поздно, Сион. — Портер был так уверен в себе. — Если позволишь, я провожу тебя домой.

Проводит меня? Должно быть, я сплю. Такое чувство, что сейчас проснусь потным с высыхающей спермой на животе и буду выкрикивать имя Портера. Когда в последний раз кто-то предлагал проводить меня? Даже и не вспомню.

— Конечно, — ответил я, чуть не споткнувшись.

— Знаешь, — сказал Портер, еще крепче сжав мою руку в своей ладони, — это мое первое свидание за последние два года.

Серьезно? Портер красивый мужчина. У него столько забавных историй о работе и большущей семье, что я ни секунды не скучал за ужином. И тут меня осенило.

— Тяжелое расставание?

Я сочувственно сжал его руку. Плавали. Знаем. Сжег все его футболки.

— Нет, ничего такого. Это связано с… — Портер запнулся на полуслове и вздохнул.

— С чем?

Вот теперь любопытно. Что же скрывает мой

кавалер?

— Я довольно большой парень, — начал Портер.

Рост являлся одной из причин, по которой меня влекло к нему, но я держал мысли при себе, не желая прерывать. Не понимаю, в чем здесь может быть проблема.

— Думаю, парни побаиваются меня. В прошлом году была целая череда первых свиданий, но до второго так ни разу и не дошло. Наконец, набравшись смелости, я спросил одного парня в чем дело, и он прямо сказал, что его пугает мой рост. Он был на фут ниже. — Портер пожал плечом, на котором покоилась моя рука. — После него я перестал ходить на свидания.

Я всем сердцем тянулся к Портеру. Ведь и сам знал, каково это — отказаться от человеческого тепла.

— Мой бывший, Чез, ушел год назад, оставив меня ни с чем.

Портер резко остановился.

— Что значит *«оставив ни с чем»?*

Я пожал плечами. Раз уж всплыла такая тема, нужно договаривать.

— Он нанял компанию по переезду и обчистил мою квартиру. Вывез даже мебель. Кое-что

присвоил себе, остальное же, например, звукозаписывающее оборудование, копы нашли в мусорном баке позади дома. Он спер даже подстилку и миски Хаоса.

У Портера вырвался возмущенный вздох.

— Он *украл* твои вещи?

— Да, как Гринч в Рождественское утро. — Я усмехнулся, а после засмеялся. — Я застукал Чеза: он трахал швейцара на нашем обеденном столе. И дал неделю на сбор вещей. Придурок понял меня буквально и стащил все, вплоть до лотков для заморозки льда.

Кто, блядь, крадет лотки для льда? Одна лишь мысль о том, что Чез теперь пользуется ими, рассмешила настолько, что не успел я опомниться, как уже хохотал вовсю, до коликов в животе.

— Откуда ты знаешь, что они делали это на обеденном столе? — засмеялся Портер.

— У него были скрипучие ножки. — Мой голос взлетел на несколько октав. Я визжал, как гиена, как тот гребаный стол, но мне было плевать. Впервые я смог думать о Чезе без желания разрыдаться. Как бы ни сложилось между мной и Портером дальше, я всегда буду благодарен за эту радость.

— Почему я тебя не пугаю? — спросил в заме-

шательстве Портер, внезапно остановившись. Еще мгновение назад его уверенность граничила с дерзостью, а теперь все кардинально изменилось.

— Я воспринимаю мир с помощью других чувств. — Не был уверен, что Портер поймет, но все же продолжил. — Мои четыре исправных чувства направлены на тебя с момента нашей встречи. Я прислушиваюсь к твоему голосу, чтобы уловить интонации. Твой аромат не слишком интенсивен, и мне нравится, как ты пахнешь мылом, а не каким-то нелепо дорогим одеколоном, от которого я бы чихал всю дорогу.

Конец дегустации. «*Пока что*», — добавил про себя. Я и так был наполовину возбужден, но когда Портер еще крепче обнял меня за плечи, все тело прошила дрожь. Я чувствовал себя в безопасности, меня окружили заботой.

— И вот это между нами! — воскликнул я. — То, как ты прикасаешься, говорит обо всем, что мне нужно знать. Осязание в сочетании с экстрасенсорным даром обычно помогает узнать все необходимое о человеке.

— Например?

— Прикосновение твоих рук было сильным, когда ты помогал мне подняться с тротуара,

спокойным и уверенным, когда провожал до ресторана. И очень нежным, пока ты обрабатывал мои ссадины. С первого прикосновения я понял, что ты не опасен.

— Ты *видел* меня своим шестым чувством, — произнес Портер так, будто это все объясняло.

— Точно. — На мгновение я замолчал, обдумывая, как вернее выразить мысли. — Видение лишь подтвердило то, что я уже знал. Ты особенный, Портер. Добрый. Щедрый. Идеальный.

Я не стал добавлять — создан для меня. Совсем нелегко признаться кому-то, что влюбился с первого взгляда. С первого взгляда второго зрения, если уж вдаваться в технические подробности. Не хотелось пугать Портера дикой откровенностью спустя всего три часа знакомства.

— Отлично, — пробормотал он, замедлив шаг, и осторожно остановился. — Короче, мы на пересечении Бикон и Шорт, — снова засмеялся Портер.

— Короче? Прямо обо мне речь, я же из нас двоих коротышка.

Мой пес Хаос уже смотрел в нужном направлении. Он знал дорогу домой.

— Нет, — полушепотом ответил Портер. — Ты не коротышка. Ты совершенен.

Прежде чем я понял, что происходит, его губы

коснулись моих. Портер на мгновение отдалился, а затем снова начал дразнить поцелуями. Когда он коснулся пальцами моей щеки, я словно очутился в раю. Внутри загорелся огонек желания. Еще немного, и он превратится в ненасытное, всепоглощающее пламя.

Эмоции, пронзившие тело Портера, прошли сквозь меня. Вожделение. Необходимость. Забота. Изумление. Мне они были знакомы. Сердце колотилось в груди, как отбойный молоток. Честно говоря, я не знал, что делать.

Его губы были словно шелк. Руки — сильные и нежные. На этот раз дар предвидения показал фейерверк вместо Портера. Казалось, будто из самой души мужчины вырывались разноцветные вспышки света. Наше притяжение было почти космическим. Предначертанным судьбой.

Портер притянул меня ближе и прижал к груди, а я купался в его нежности. Спустя пару секунд я почувствовал большой и очень твердый член. По всей видимости, Мистер Портер Хайнс был пропорционален во всех местах. Я понятия не имел, как он собирается втиснуть в меня эту анаконду, но охрененно хотел попробовать.

— Снимите комнату! — раздался раздраженный голос и тут же затих. Человек, который кричал,

должно быть проезжал мимо на машине.

Портер хохотнул и отстранился.

— Что смешного?

Я был серьезно обеспокоен. Тридцать секунд назад я думал позволить Портеру отыметь меня прямо здесь, на углу Бикон-стрит и Шорт-стрит. Хотя после Чеза не испытывал желания довериться кому-либо. Но с Портером таких проблем не возникало, насколько бы сумасшедшим это ни казалось. Никаких сомнений.

— Я не над тобой смеюсь, милый. — Портер снова заключил мое лицо в свои большие ладони, настолько нежно, будто я был самым драгоценным на земле. — Целуя тебя настолько открыто, я почувствовал себя свободным. Как подросток, которого впервые поцеловали. Сион, твои губы заставили меня почувствовать себя рожденным заново.

Вот черт. Ну и как я могу превзойти это?

— Ничего страшного, если ты не чувствуешь того же. — В голосе Портера слышалось опустошение.

Протянув руку, я схватил его за рукав куртки.

— Я чувствую то же, что и ты. — Потянув Портера за рукав, я медленно повернул его. — Ты застал меня врасплох. Я потерял дар речи.

Фыркнув, Портер обнял меня.

— Потерял дар речи, да? Думаю, в этом есть смысл. Я довольно красив.

Слушая его рассказ о том, как он неуверенно чувствует себя из-за роста, я никогда бы не подумал, что в нем живет такая самоуверенность. Мне это нравилось. Он мне нравился. Весь он.

— Смысл в чем?

— Я ведь чуть раньше сбил тебя с ног, помнишь? — Его голос снова стал серьезным. Исходящие от него флюиды невероятно притягивали.

Серьезно. Я запомню встречу с Портером на долгие, долгие годы.

Кстати, ночь-то была далека от завершения.

Глава четвертая
Портер

Остаток пути до дома Сиона мы молчали. Он шел, держав меня под руку, вел нас Хаос. Я никогда особо не задумывался о собаках-поводырях. Этот великолепный лабрадор — первый, кого я повстречал. И одно было совершенно ясно: Хаос с невероятной серьезностью относился к своей ответственности за Сиона.

— Ну вот и все, — прерывисто выдохнул Сион, хотя шли мы не спеша.

Хаос заинтересованно смотрел на меня, а я

понятия не имел, что сказать, ведь никогда не был в подобной ситуации. С одной стороны, я собирался вести себя как джентльмен. Но с другой, так сильно хотел Сиона, что буквально чуть не трахнул его на улице несколько минут назад.

— Не хочешь зайти? — Сион казался до смешного застенчивым, если учесть, как он целовал меня чуть ранее.

Я взял его руку и поцеловал ладонь.

— С удовольствием. — Дрожь восторга пробежала по спине.

Сион порылся в кармане и вытащил ключи. Мы стояли в квартале среди целого ряда аккуратных домов. Все они выглядели одинаково, если не считать разномастно украшенных входных дверей. Сосед Сиона справа еще не снял рождественский венок, а кто-то двумя домами ниже уже вовсю готовился к Дню святого Валентина.

Дверь перед нами не была украшена. Продлится ли наша связь с Сионом до дня всех влюбленных, или все что нам суждено — лишь одна великолепная ночь?

Позвякивание ключей вырвало меня из мыслей, возвратив в настоящее.

— Готов?

Я наблюдал, как Хаос ловко помогает Сиону

подняться по лестнице, ведущей к входной двери. Сион проворно вставил ключ в замок и, — вуаля! — дверь открылась.

Ни хрена себе, иногда мне требовалось несколько попыток, чтобы попасть ключом в замочную скважину, а я мог видеть, что делаю.

Да уж, Сиону пришлось справляться без зрения всю жизнь. Парень определенно не был инвалидом. Он *одарен* так, что мне это может только сниться. Я живу в своей квартире уже десять лет и до сих пор постоянно ухитряюсь удариться пяткой по изножью кровати, когда встаю посреди ночи, чтобы сходить в ванную.

— Зайдешь или так и будешь торчать на тротуаре всю ночь? — спросил Сион с беспокойством в голосе.

— Откуда ты знаешь, что я стою на тротуаре? — Быстро поднявшись по лестнице, я взял его за руку.

— Я слышал твое дыхание, и оно было гораздо дальше, чем если бы ты стоял рядом, как сейчас.

Господи, он не только лучше владел своими четырьмя чувствами, чем я пятью, но и оказался экспертом в акустике, использовав эхолокацию, словно летучая мышь.

— Интересно, — пробормотал я, не зная, что

еще добавить.

— Дом, милый дом! — Сион широко раскинул руки и вошел в таунхаус.

Гостиная сияла безукоризненной чистотой. В центре располагались удобное кресло и диван светло-голубого цвета. Слева от кресла стоял стол с лампой, что показалось мне странным, но не настолько, нежели огромный телевизор с плоским экраном, висевший на стене.

— Что думаешь? — В голосе Сиона вновь послышалась неуверенность.

— Уютно. Очень тебе подходит. Но меня кое-что интересует. — Господи, оставалось только надеяться, что я не испорчу эту прекрасную ночь, ляпнув какую-нибудь хрень.

— Телевизор? — Усмехнулся Сион. — Все о нем спрашивают.

— Да, и настольная лампа, — смущенно признался я.

— Ну, свет нужен для Хаоса и людей, которые заходят проведать меня вечером. Доставка, мама, горячие парни. — Он игриво приподнял брови.

Я задумался: сколько же парней приводил сюда Сион.

— А телевизор?

— Пульт дистанционного управления активи-

руется голосом. Я слушаю новости и пару шоу, которые мне нравятся. Слежу за интонациями. К тому же он составляет нам с Хаосом прекрасную компанию одинокими ночами.

Мое сердце сжалось. Ненавистно было думать, насколько одинок Сион. Хотя, сказать по правде, я так же одинок, как и он, вот только у меня нет пушистого друга, чтобы скрасить одиночество.

Почему, мать вашу, я стою здесь и мусолю гнетущие мысли в голове, когда великолепный мужчина пригласил меня к себе домой? Похоже, я тронулся умом.

— Ты ведь пришел сюда не для того, чтобы говорить о лампах и телевизорах, да? — Голос Сиона стал глубже. Он прикусил нижнюю губу и выглядел так, будто хотел съесть меня целиком.

— Нет, — хрипло прошептал я. — Как насчет того, чтобы пропустить оставшуюся часть экскурсии и уложить меня в постель?

Уложить в постель? Никогда раньше я не позволял себе ничего подобного. Но Сион не смутился, взял меня за руку и повел через гостиную в холл.

— Уверен? *Я* — то, чего ты хочешь? — спросил Сион настолько тихо, что я едва разобрал слова.

Ты все, о чем я когда-либо мечтал… Господи, я

не мог ляпнуть такое на первом свидании. Даже если это первое свидание *не было похоже* на первое свидание.

— Ты все, что мне нужно.

Сион крепче сжал мою руку.

— Я думал о тебе то же самое. Ты умеешь читать мои мысли?

— Нет, но что-то близко к этому.

Все и правда было так. Возможно, среди нас экстрасенсом был Сион, но мне начало казаться, что и я обладаю сверхъестественными способностями. Как еще можно объяснить идеальное притяжение между нами?

Стиснув мою ладонь, Сион потащил меня вверх по лестнице. Он заботливо включил свет, пока мы шли через темный дом, чтобы я видел путь.

— Включить в спальне свет или нет? — дрожащим голосом спросил Сион. У меня внутри все затрепетало от предвкушения.

— О. Определенно включи. Хочу видеть каждый миллиметр твоего тела.

Мне хотелось не только увидеть каждый миллиметр, но и попробовать на вкус.

— У меня веснушки. — Сион смущенно рассмеялся.

— Мне все равно. Хочу видеть.

И я не лукавил. К тому же мне нравилось играть в «соедини точки».

Я схватил Сиона за бедра и потащил в спальню. Большая двуспальная кровать, покрытая темно-синим одеялом с золотой вышивкой, занимала большую часть спальни, которая была выдержана в тех же тонах. Интимное прикосновение сладкой попки Сиона, так приятно прижимавшейся к моей бешеной эрекции, было более провокационным, чем я мог себе представить.

Когда я повернул Сиона лицом к себе, его дыхание стало еще более сбивчивым. И я почувствовал жесткий стояк у моего бедра.

— Немедленно! — это вырвалось так неожиданно. В голове была заготовлена целая речь, но она вылетела в трубу, когда Сион потерся об меня членом.

— Охрененно верно.

Сион потянулся к моим брюкам, пока я пытался расстегнуть пуговицы на его рубашке. Получалось так себе.

Моя молния уже была расстегнута, и прежде чем я успел сказать хоть слово, Сион запустил руку мне в штаны, и начал поглаживать эрекцию. Если он продолжит в том же духе, я обкончаю ему руку. Устав возиться с пуговицами, я дернул

за полы рубашки, и пуговицы застучали по полу. Одна отскочила мне в левую щеку.

— Дикарь, — выдохнул Сион.

Мне очень хотелось не торопиться и сделать эту ночь незабываемой, но я не мог держать себя в руках. Кровь бурлила в жилах, будто лава. Я был так заведен, а мой член настолько тверд, что хватит и пары поглаживаний, чтобы улететь в нирвану.

Стремительно расправившись с остальной одеждой Сиона, я подвел его к кровати.

— Залезай.

Он забрался на кровать и встал на четвереньки.

— Не так быстро. — Я схватил его за лодыжки и притянул к себе. Он легко скользнул назад, и я поставил его на краю кровати. — Встань на колени.

Сион тут же повиновался.

— Припасы в ящике ночного столика. — Указал он дрожащей рукой.

— Не шевелись. Я сейчас. — Я шлепнул его по заднице, и звук звонко разнесся по комнате.

Секс с таким большим парнем, как я, может быть неловким в некоторых позициях. Я как минимум на фут выше Сиона, потому и поставил его на колени на краю кровати — выровнял аппе-

титную задницу с моим нуждающимся членом.

— Уверен, что не против, если я пороюсь в твоем ящике?

Рука лежала на ручке верхнего ящика и у меня были сомнения, стоит ли его открывать.

— Ты лапал *меня*. Ящик переживет. — Его голос был хриплым от возбуждения.

Выдвинув ящик, я схватил смазку и презервативы. Коробка с презервативами была открыта, и это меня смутило. Сион взрослый человек. Он мог иметь столько любовников, сколько пожелает.

— Это прошлогодние, — сказал он, словно прочитав мои мысли. — Остались после расставания с последним парнем. Надеюсь, тебя не смущает.

Какой я осел.

— Конечно, нет.

До сегодняшнего дня мы жили раздельно. Я не собирался рассказывать ему в самый ответственный момент ночи, что у меня был такой же тайник в спальне, но я не мог вспомнить, с кем использовал заначку в последний раз.

Трясущимися руками, я торопливо раскатал презерватив по члену и добавил смазки. Наверное, последний раз я так нервничал из-за любовника, когда лишился девственности. Мое тело пронзало что-то большее, чем обычный

нервоз. Этот момент казался таким важным. Поворотным. Фундаментальным.

Позже у меня будет время, оценить свои действия и ситуацию, когда сегодняшний вечер закончится.

— Не уверен смогу ли быть медленным. — Я провел смазанным пальцем по его сухому анусу.

— Боже, да! Не будь. — Дрожь, пробежавшая по телу Сиона, передалась и мне.

И я беспрепятственно проник пальцем внутрь.

— Ах ты, маленький проказник.

Повернув голову, Сион ухмыльнулся.

— Экстрасенс, помнишь?

От этих слов мозг закоротило. Неужели он знал с самого начала, что встретит меня и трахнет? Может, Сион расслабился перед тем, как пойти выпить кофе? Или когда ускользнул в туалет в ресторане? Будь я проклят, если знаю, как Сион подготовился для меня в рекордно короткие сроки.

Я выровнял член с его расслабленным входом.

— Последний шанс отступить.

— Как насчет того, чтобы не отступать?

Сион подался великолепной задницей ближе, и я затаил дыхание, увидев приглашающе открытый для члена вход. Я думал, что умру медленной

смертью, наблюдая, как сантиметр за сантиметром погружаюсь внутрь.

— Милый Иисус, — пробормотал я, уткнувшись лицом в затылок Сиона.

— Никогда не чувствовал себя таким заполненным, — выдохнул он в ответ, сжимая мой член, будто в тисках. Я мог бы поклясться, что кончу, если Сион пошевелится. — Мы продолжим, когда ты будешь готов.

Я не был уверен, как долго протяну в его тугой заднице.

— Я готов.

Я обхватил руками торс Сиона. Он был худощав, но в хорошей физической форме. Его спина идеально прилегала к моей груди, будто мы были созданы друг для друга.

Сион отвечал на каждый мой толчок, прижимаясь ко мне все сильнее. Единственными звуками в комнате были мягкие шлепки плоти о плоть.

— Не могу поверить, что ты принимаешь мой член полностью, — прошептал я ему на ухо. Большинство мужчин не могли взять меня целиком, а если это все же случалось, то вечно начинались жалобы, что на следующий день они не могут сидеть или неловко ходят.

— Твой член подписан моим именем.

Сексуальный голос Сиона возбудил меня еще сильнее. Я усмехнулся и представил, как пишу его имя на члене фломастером.

— Нет, я серьезно. Я *вижу* свое имя на твоем теле. — Сион был очень серьезен, пока я вколачивался в него сзади.

— У тебя было видение?

— Да. — Сион судорожно вздохнул. — Мы связаны атласными шнурами. Твое имя написано на мне блестящими золотыми буквами, а мое на тебе. Мы принадлежим друг другу.

Я хотел спросить, были ли у него подобные видения раньше, но боялся услышать ответ.

— Ты мой, — прошептал я, сжимая правой рукой его член.

— Портер, — вздохнул Сион. — Я на грани. Не хочу, чтобы это заканчивалось.

Я тоже. Но еще минута-другая, и у меня не будет выбора. Я наблюдал через плечо Сиона, как его член скользит в моей руке, и начал двигать бедрами немного быстрее.

Сион мгновенно отреагировал, толкаясь навстречу и выкрикивая мое имя.

Левой рукой я крепко сжал его плечо, прижимая Сиона спиной к груди.

— Вот так. Давай, Сион. Кончай со мной.

Все его тело конвульсивно дернулось в ответ на мой шепот, и первая струйка спермы упала ему на живот.

— Портер! — захныкал он, когда его член извергся, а последние несколько капель приземлились на мой кулак.

Простонав мое имя, Сион отправил меня за грань. И я крепко держал его, пока изливался глубоко внутрь. Тело сотрясало, словно от разрядов электричества, снова и снова. Отголоски оргазма звенели на кончиках пальцев, пока я осторожно вытаскивал член из истощенного тела Сиона.

— Господи, — прошептал я.

— Аналогично. Ванная комната дальше по коридору. Первая дверь направо.

Сион подполз к изголовью кровати и рухнул на подушки.

Передвигаясь, как по облакам, я думал о том, что никогда и близко не испытывал такого кайфа ни с одним любовником. Это одновременно возбуждало и пугало до чертиков.

Было ли мгновенное влечение к Сиону результатом озвученного желания в подкасте? Или сегодня я так и так должен был встретить мужчину своей мечты?

Не знаю. Может быть, экстрасенсорный дар

Сиона подскажет.

Глава пятая

Сион

У меня была сенсорная перегрузка. В данный момент все ощущалось чрезмерным. Простыни — слишком мягкими, дыхание — слишком громким, а тело гудело от энергии, которой я никогда не испытывал прежде. Возможно, в венах бурлила сила притяжения.

Да что бы это ни было, я не мог усидеть на месте. Я расстелил постель, пока Портер был в ванной. Он задержался дольше, чем я ожидал. Похоже, нервничал не меньше меня.

Пока мы занимались сексом, я испытывал все, что чувствовал Портер, как будто нас связывало какое-то вулканическое слияние разумов.

— Вот, я принес это для тебя, — раздался голос Портера в комнате.

Мгновение спустя тёплое полотенце омыло мой живот. До этого я очистился салфеткой, как мог, но на большее был не в состоянии.

— Спасибо. Ты в порядке? — поинтересовался я, поскольку не знал, что он сейчас чувствует.

— У меня кружится голова, и как будто тысячи пчел танцуют на мне танец счастья.

— Отличное сравнение. — Метафора Портера

была причудливой. Чего я от него никак не ожидал. — Я чувствую то же самое.

— Послушай, Сион, мне нужно тебе кое-что сказать. — Я услышал в его голосе сомнение.

В голове завыли тревожные сирены. Когда любовник говорит вам после секса: «Нужно поговорить», это не означает ничего хорошего. Десять минут назад у нас была одна душа на двоих, а теперь Портер собирался найти какую-то дерьмовую причину, чтобы бросить меня.

— Окей.

В данный момент не смог выдавить из себя больше слов. Я включил защитную функцию, пытаясь уберечь свое уязвимое сердце любой ценой.

Матрас продавился, когда Портер сел рядом.

— О чем ты хочешь поговорить?

На языке вертелась целая куча вопросов, но я промолчал. Я собирался выслушать, что он скажет, а потом уже решить, как исцелить разбитое сердце после того, как он уйдет.

— Ты подумаешь, что я сошел с ума… — Портер замолчал.

Трепет надежды забился в груди. Может, он скажет, что почувствовал ту же сверхъестественную связь между нами.

— Я не буду думать, что ты сошел с ума. Обещаю.

Отчаянней всего на свете хотелось дотронуться до руки Портера, но я не хотел, чтобы одно из моих экстрасенсорных видений показало больше, чем он собирался сказать.

— Не могу объяснить, но с той минуты, как я врезался в тебя… — Он глубоко вздохнул и заерзал, раскачивая кровать своим весом. — Было ощущение, что нам предначертано быть вместе. Думаешь, я сошел с ума?

— Не больше, чем я. Прежде чем ты озвучил свои мысли, я до смерти испугался, что ты скажешь: «Было весело», и выйдешь за дверь. Не думаю, что пережил бы такое. Звучит очень странно, ведь мы знаем друг друга всего несколько часов.

Обычно на первом свидании я никогда бы не сказал ничего подобного. Черт, я бы ни за что не пригласил мужчину к себе домой на первом свидании. Все, касаемо Портера и сегодняшнего дня, перевернуто с ног на голову. Единственным утешением стало то, что мы оба чувствовали одно и то же.

— Люди совершенно не к месту употребляют слово «сумасшедший», — вздохнул Портер и сно-

ва начал ерзать. Внезапно он притянул меня к себе и прижал к груди.

— Что ты имеешь в виду? — Было любопытно узнать, о чем он думает.

— Сегодняшний день был безумным. А еще славным. Великолепным. Чудесным. Я мог бы описать то, что произошло с момента нашего столкновения сотней восторженных слов. Возможно, еще слишком рано испытывать подобные чувства в наших коротких отношениях, но это не делает их менее значимыми.

— Ты сильно рискуешь, рассказывая мне о своих чувствах. — При обычных обстоятельствах, услышав, как мужчина говорит мне такие вещи на первом свидании, я бы сбежал.

— Это риск, лишь если ты не чувствуешь того же, что и я. — В голосе Портера слышались надежда и страх.

Моя голова покоилась на груди Портера, я слышал, как бьется его сердце. Ритм был ровным. Устойчивым. Доверчивым.

— Когда мы занимались сексом, я чувствовал магию между нами. И я не про ту магию, где вытаскивают кролика из шляпы или о той, что в романтических стихах поэтов.

— Ты говорил, будто наши имена выгравиро-

ваны друг на друге. Я в жизни не слышал, чтобы что-то подобное происходило.

— Каждое прикосновение вызывало какой-то магический отклик, взрываясь цветными искрами вокруг нас. Все, что я испытал, было намного лучше, чем обычно. — Я усмехнулся — Мне это кажется нелепым, а ведь меня с детства преследуют видения. Ни один другой человек никогда не заставлял меня видеть мир так, как ты. — Каждое слово было абсолютной правдой. Интересно, случится ли такое в следующий раз, когда мы займемся сексом?

— Это довольно сложно. — Портер судорожно вздохнул. — У меня не было постоянного парня со времен колледжа. Никто никогда не интересовался мной дольше, чем на пару ночей. Слышать то, что ты говоришь, — настоящее волшебство.

— О чем ты?

— Не пойми меня неправильно, секс был прекрасен, но отношения не строятся лишь на нем. Важно то, что я тебе нравлюсь и ты хочешь узнать меня получше. Наша связь — это магия.

Я открыл рот, чтобы согласиться с ним и зевнул.

— Прости. — Лицо вспыхнуло от смущения. — Я рано проснулся, чтобы поработать над новой

рекламной кампанией, и очень устал.

— Все в порядке. Я тоже валюсь с ног. — Портер поцеловал меня в лоб. — Я оденусь и уйду, дай мне пять минут.

Я содрогнулся в ту же секунду, как он отстранился от меня.

— Подожди! Не уходи. Останься, Портер.

Никогда в жизни я не приглашал совершенно незнакомого человека провести со мной ночь. С самого детства мама предостерегала о незнакомцах и о том, что я более уязвим перед опасностью, чем большинство людей. Я всегда держал ее слова в голове, но ни одно из моих чувств не подсказывало, что Портер злодей.

— Уверен? Не хочу доставлять хлопоты. — В голос Портера слышалась улыбка.

— Ты храпишь? — Вообще мне было плевать, даже если бы он храпел как паровоз. Портер остается и точка.

— Нет. — Усмехнулся Портер.

— Отлично, тогда никаких проблем не будет. Вернись сюда. Я замерз. — Я согрелся, как только Портер забрался обратно в постель. Он снова притянул меня к груди, и жар его тела помог унять озноб. — Идеально.

В очередной раз зевнув, я закрыл глаза, и перед

тем, как провалиться в сон, мне было видение с парой одинаковых обручальных колец.

Глава шестая

Портер

Я почти всю ночь не спал. Между желанием провести каждую свободную минуту с Сионом и выглядыванием в окно в ожидании обещанного снега я проспал около часа. Удивительно, что можно узнать о человеке, пока делишь с ним постель.

Хоть Сион и заснул в моих объятиях, это продолжалось недолго. Примерно через полчаса он отодвинулся и сбросил одеяло с одной ноги. Позже мяукнул, как брошенный котенок, задрожжал и снова прижался ко мне.

Я ни за что на свете не пожелал бы пропустить такое. Расплата за то, что не выспался, позже настигнет, но я ни о чем не жалею.

Всегда любил бодрствовать, пока остальной мир погружен в негу сна. Впервые я открыл для себя силу ночи в старших классах школы. Однажды знойным летним вечером мне не спалось, и я читал *«Кристину»* Стивена Кинга. К тому времени, как я закончил книгу, часы показывали два часа ночи. Пребывая на остаточном страхе и адреналине от произведения, я понял, что ночь

— отдельная вселенная.

Я мог расслабиться, поразмышлять о чем-то своем и не беспокоиться, что мама позовет или ход мыслей нарушит телефонный звонок. Прошли годы с тех пор, как я прерывал свою тщательно выстроенную жизнь на ночные фантазии, и здесь, лежа в темноте с Сионом, не мог понять, почему.

Вчера был самый удивительный день в моей жизни. Неважно, что свело нас с Сионом вместе: судьба, карма, нелепое желание, загаданное в подкасте, — все сошлось воедино, сливаясь в совершенный шедевр. Будет ли сегодняшний день таким же, как вчерашний, или нас настигнут непримиримые разногласия, и мы оба поймем, что это конец?

В глубине души я лелеял надежду на еще один удивительный день. А замкнутый и неуверенный в себе мальчик внутри меня переживал, что это плохо кончится. Но ведь такая харизматичная личность, как я, не может ходить безнадежным холостяком в свои тридцать пять?

Рядом заворочался Сион, не просыпаясь, он прижался задницей к моему бедру и снова притих. Я надеялся, что ему снятся самые сладкие сны. Мне никогда раньше не приходило в голову пожелать счастливых снов любовнику, да и кому-то в прин-

ципе. От этой мысли на душе потеплело.

Я не так уж часто задумывался о будущем. Есть работа, на которой я дослужусь до пенсии, таунхаус в нескольких кварталах отсюда и немного денег в банке, которых хватит на двухнедельный отпуск где-нибудь на белых песчаных пляжах, с полураздетыми мужчинами и фруктовыми напитками.

Кто-то сказал, что вы встречаете правильного человека, когда меньше всего этого ожидаете. Проблема была в том, что я *всегда* находился в режиме ожидания. В поиске. Каждый новый коллега, парень, стоявший за мной в очереди в кафе, или случайный незнакомец в лифте — мне везде мерещилась возможность встретить мужчину мечты.

Но это так и не сработало. Лишь пара свиданий, а потом я слышал одно оправдание за другим. То я был слишком высок. То слишком замкнут. То чересчур откровенен.

Я глубоко вздохнул, и звук эхом прокатился по безмолвной комнате. Я никогда не становился человеком чьей-то мечты, поэтому спустя некоторое время перестал искать. Но даже когда я стал ожидать этого *меньше*, подходящего мужчины так и не нашлось. До вчерашнего дня.

Ни одна мечта не сравнится с тем, что происходит сейчас в реальности. Хотя думаю, будь я немного повнимательней, то не врезался бы в Сиона и не повалил на его тротуар. И все равно вчерашний день был идеальным, за исключением этого крошечного происшествия.

А что, если каждый день будет таким, как вчера? Вообще это возможно?

Секс творит с мужчинами чудеса. Помимо физического удовлетворения, разум начинает парить в облаках. Даже у тех парней, которые собираются умереть холостыми, существуют моменты посторгазменной прострации, когда каждый задается вопросом — не с этим ли человеком я должен провести остаток своей жизни.

Конечно, это лишь пустяковые грезы. И теперь я рад, что ни на кого из моих парней не снизошло такое озарение. Если бы такое произошло до вчерашнего дня, я бы никогда не встретил Сиона.

Я уже давно перестал загадывать. Жил настоящим. Теперь я переосмысливал этот момент как прошлое. Сегодня уже прошлое. Свидания в модных ресторанах, тихие вечера дома с едой на вынос и хорошей аудиокнигой, долгие прогулки по побережью — казалось, до этого теперь рукой подать. Будущее наступило сейчас.

Мне привиделось, как мы на белом песчаном пляже обмениваемся одинаковыми обручальными кольцами в рубашках от Томми Багамы. Сион, который держит на руках наших белокурых голубоглазых малышей. Семейный отдых в Гранд-Каньоне. Первые школьные дни и выпускные экзамены. Все мое будущее было здесь, свернувшись калачиком рядом.

Поцеловав Сиона в затылок, я встал с кровати и подошел к окну, выходившему на короткую улицу. Дорога была покрыта тонким слоем снега, который продолжал падать с неба.

Я наспех оделся и выскользнул из комнаты в ванную. Мне нужно было уединиться на минутку, чтобы придумать наилучший способ разбудить Сиона и преподнести сюрприз, который я для него приготовил. Живот скрутило, словно я собирался сдавать экзамен, к которому не готовился.

Как бы безумно это ни звучало — я влюбился в Сиона Гейла. По уши.

Глава седьмая

Сион

Когда Портер выскользнул из спальни, мое сердце разбилось. Я надеялся, что после всего сказанного и пережитого вчера, он будет счастлив проснуться в моей постели утром. Видимо,

я ошибся.

Секс всегда раскрепощает и развязывает язык, но как только посторгазмическая эйфория проходит, мозг включается на полную мощность и моменты, которые казались непостижимыми, видятся совершенно в ином свете.

Не удивлюсь, если Портер захочет поскорее свалить. А я останусь здесь, греться под одеялом, пока он будет уходить. Конечно, рано или поздно придется встать, чтобы позаботиться о Хаосе, но собака подождет, пока не уйдет Портер.

Звук шагов в коридоре предупредил, что он возвращается в спальню. Мгновение спустя один за другим начали открываться ящики комода. Какого хрена? Неужели и Портер меня грабит?

Ну удачи ему. Самое ценное, что я хранил в ящиках, — моя коллекция носков в ромбик.

— Ладно, спящая красавица. Проснись и пой, — взволнованно произнес Портер.

Господи, он жаворонок? Прежде чем я понял, что происходит, Портер рывком усадил меня.

— Какого черта ты делаешь? — Я заводил будильник на семь утра. И он еще не звонил.

— Одевайся. Мне нужно тебе кое-что показать. — Портер поцеловал меня в щеку, царапнув подбородок щетиной.

Я ожидал, что дар покажет, в чем дело, но ничего не произошло. Мой мир был погружен во тьму.

Несмотря на отсутствие зрения, я поднялся с кровати и взял стопку одежды приготовленную для меня Портером. Теперь понятно, зачем он рылся в ящиках. Я быстро оделся, отдаваясь на волю задумке моего ни свет, ни заря встающего кавалера.

— Я готов, но, может, дашь маленькую подсказочку о том, что происходит?

— Ни за что. Скоро сам все узнаешь. — Портер взял меня за руку, ведя по коридору к лестнице.

— Шапку и пальто! — Портера, казалось, вот-вот разорвет на части от волнения.

Я схватил пальто с вешалки и накинул его на плечи. Похоже, Портер был на седьмом небе от счастья. И я не собиралась портить ему утро. Я нацепил шапку, затем сунул ноги в сапоги.

— Вперед! — Портер протиснулся мимо меня, чтобы отпереть дверь, и я следом вышел на крыльцо. Утро было холодным. Я чувствовал, как ветер кусает мое лицо. Очередной типичный январский день в Массачусетсе.

— Ладно, ты готов?

— К чему? — Я и правда понятия не имел.

— Возьми меня за руку.

Пальцы Портера коснулись моих. И я снова повиновался. Я переплел наши пальцы вместе и был мгновенно потрясен пробежавшей искрой. Мой мир прояснился, пелена спала и я увидел улыбку Портера. Его радость была ослепительно яркой.

— Не могу поверить, что ты так красив по утрам.

— Ты видишь меня?

— Вижу. Это и есть твой сюрприз? Хотел, чтобы я увидел, как ты выглядишь с утра? — Я попытался придать голосу бодрости, но был так измотан, что и не отказался бы поспать еще немного, прежде чем лицезреть утреннюю улыбку Портера.

— Нет, это не сюрприз. — Портер казался озадаченным. — Почему бы тебе не посмотреть по сторонам?

Я сделал так, как просил Портер, но не был уверен, что именно должен разглядеть. По обе стороны улицы стояли припаркованные автомобили. Напротив, через дорогу тянулся ряд одинаковых домов. Я видел темную проезжую часть и участки двойной сплошной, проходившей по центру. На улице не было никого кроме нас. Ни собак, ни кошек, ни белок. Я был в смя-

тении.

Я уже собирался вновь спросить Портера, когда увидел что-то белое, кружащееся по улице с ветерком.

— О! — воскликнул я.

— Ты видишь? — с придыханием произнес Портер.

— Это снег! — Я не мог поверить, что наконец-то вижу его. Причудливые хлопья кружились и падали с неба, украшая все вокруг.

— Что думаешь?

— Думаю, ты самый удивительный человек, которого я когда-либо встречал в своей жизни. — Я упомянул, что хотел бы увидеть снег, лишь мимоходом прошлой ночью. Портер не только запомнил мои слова, но и вытащил из постели, чтобы я мог наблюдать снегопад.

— Мне нужно тебе кое-что сказать. — К Портеру снова вернулось волнение.

— Окей. — Желудок впервые не скрутило от беспокойства.

— Вчера утром я загадал о тебе желание, и оно исполнилось. — Голос Портера звучал почти благоговейно, как будто он пережил настоящее чудо.

— Что значит, загадал желание обо мне? Задул

свечу на день рождения или бросил монетку в фонтан? — Господи, да я все время загадывал желания. Но ни одно из них не сбывалось тут же. Хотя видеть снег сегодня утром было равносильно чуду.

— Я слушаю блог, где ведущие просят людей позвонить и загадать желание. Если желание хорошее или смешное, они озвучивают его в следующем эпизоде.

Теперь все обрело смысл.

— Ты позвонил и пожелал меня. — Я был уверен, что он говорит правду.

— Я попросил, чтобы любовь сбила меня с ног. И буквально столкнулся с тобой. По-моему, звучит вполне похоже.

— Да уж. — Мой мозг лихорадочно работал, пытаясь переварить информацию. Потом я вспомнил, что видел в своем первом видении. — Джинн из *«Аладдина»*.

— Что? — Рассмеялся Портер.

— Когда я впервые увидел тебя, то мне привиделся джинн. Наверное, мой дар подсознательно подхватил твоё желание.

Но так ли это на самом деле? А что если реально существует джинн, исполняющий желания? Есть ли лучший способ связываться с людьми,

чем подкаст? Конечно, большинство назвали бы совпадением, что их желание исполнилось в тот же день, когда и было загадано. Да если б не моя сверхъестественная сила, я мог бы подумать так же.

— Что еще ты видел?

— Тебе может не понравиться. — Я подумал о последнем, что видел прошлой ночью, перед тем как заснуть. Не слишком ли рано говорить Портеру? Убежит ли он в испуге или заключит меня в объятия?

Портер сжал наши соединенные руки.

— Скажи, — прошептал он.

— Одинаковые обручальные кольца. — Едва слышно произнес я, дрожа всем телом, но не от холода.

— Хм. — Портер задумался. — Еще что-нибудь? — Я отрицательно помотал головой. — Я видел тропический пляж и одинаковые рубашки от Томми Багама.

— Интересно. Больше всего на свете я люблю проводить отпуск на островах.

Портер наклонился, чтобы поцеловать меня.

И когда я почувствовал прикосновение его губ, все наше совместное будущее развернулось передо мной, как дорога из желтого кирпича.

Мне вновь привиделись кольца, белый песчаный пляж, дом в пригороде, младенцы, внуки и кресла-качалки.

Меня подмывало прервать поцелуй и рассказать Портеру, что ждет нас впереди. Но я не стал. Он все узнает в свое время.

— Люблю тебя, — прошептал Портер.

— Я тоже тебя люблю. — Я опять поцеловал его. Мой принц Чарминг. Мужчина моей мечты.

У Аладдина было три желания, когда он повстречал джинна из лампы. «Интересно, — подумал я, — может, Портеру полагаются еще два?».

Эпилог

Портер

Год спустя…

Сегодня *тот самый* день. Большой день. Меня сейчас стошнит. То, что у мужчины моей мечты было видение идеальной пары обручальных колец, не означало, что я купил именно *такие* кольца.

За последние несколько месяцев я понял, что видения Сиона не всегда так буквальны, как бы мне хотелось. Идеальные кольца могли означать просто что-то символическое, точно так же, как например, видение Сиона о Porsche, которое бы-

ло связано со скоростью, а не с приобретением дорогущего спортивного авто.

Но в данный момент меня не волновали видения. Я не мог дождаться, когда Сион и Хаос присоединятся ко мне у бассейна отеля. Сегодня второй день нашего недельного пребывания на Большом Каймане. Накануне мы плавали со скатами и решили, что сегодня просто отдохнем на пляже.

Хотя, если повезет, то никакого спокойствия не будет. У меня были кое-какие планы. Нечто большее, чем впервые показать Сиону снег.

Я мысленно репетировал слова десятки раз, и надеялся, что в нужный момент они прозвучат правильно.

Звон жетонов Хаоса вернул меня в настоящее. Он и Сион шли ко мне. Улыбка любимого заставила сердце трепетать в груди. Это началось с момента нашей встречи, и в глубине души я знал, что так будет до последнего моего вздоха.

— Привет, красавчик. Готов проваляться день на пляже? — Я сделал глубокий вдох и потянулся к руке Сиона. Мысленно напевая слова песни Майли Сайрус *Wrecking Ball*. По какой-то причине это удерживало его от видений, когда я прикасался к нему. Суровая правда жизни, что тут скажешь.

— Да. Вчера мне очень понравилось плавать по океану на лодке с ветром в волосах, но я с нетерпением жду момента, когда плюхнусь задницей в песок.

Если Сион и заметил, что у меня в голове *играла Wrecking Ball*, то не подал вида.

— Приятно чувствовать песок под ногами. Он такой мягкий, как будто ходишь по детской присыпке.

— По сравнению с этим, дома песок кажется наждачной бумагой. — Я подвел его к арендованным мной шезлонгам. Поставив наши вещи рядом, я чмокнул Сиона в щеку. — Не хочешь помочить ноги?

— Конечно.

Я взял Сиона за руку и повел туда, где Карибское море омывало песчаный берег. Вода была почти неописуемого бирюзового цвета. Если бы мне пришлось дать этому месту название, я назвал бы его «Рай». Теплый прибой ласкал мои ноги.

— Это и есть жизнь. Я в своем любимом месте с любимым человеком. — Сунув руку в карман шорт цвета морской волны, я вытащил кольцо. Оно мерцало в лучах позднего утреннего солнца.

Я понял, откуда у Голлума взялась постоянная потребность держать в руках свое сокровище. За

последние несколько дней это стало навязчивой идеей. Если кольца не было в руках, я нервничал. Больше всего на свете я хотел, чтобы предложение прошло без сучка и задоринки.

— Я никогда не хочу возвращаться домой. Давай останемся в этом райском месте. Навсегда. — Сион притянул меня к себе и начал целовать. Когда его язык выскользнул наружу и коснулся моих губ, последнее, о чем я вспомнил — не думать о кольце.

Сион ахнул. И отстранился от меня с выражением полнейшего шока на лице.

— Подглядывать нечестно. — Я опустился на одно колено и поцеловал его левую руку. Этот момент был идеальным, как я себе и представлял.

— О, Портер! — Сион запрыгал на месте, забрызгивая меня водой и мокрым песком.

Чем развеселил меня. По крайней мере, я знал, что он не ответит «нет».

— Я полюбил тебя еще до того, как узнал твое имя. Я загадал о тебе желание, и ты появился, как по волшебству. Каждый день, который я провожу с тобой, лучше предыдущего. Ты для меня все. Сион, выйдешь за меня замуж?

— Невероятно, ты все спланировал для меня, — чуть слышно прошептал он.

— Все? — Я усмехнулся, зная, что увидел Сион.

— Поездка. Предложение. Кольцо. Дельфины. — Сион начал смеяться.

Дельфины? Я не заказывал дельфинов. Обернувшись, чтобы посмотреть на море, я увидел стаю дельфинов, плавающих у берега. Я словно жил в сцене из диснеевского фильма.

— Я так и не услышал никакого «да».

Сион смахнул слезы, катившиеся по щекам.

— Да, конечно да!

— Он сказал «да»! — выкрикнул я и надел кольцо на палец Сиона.

Со стороны отдыхающих неподалеку пляжников раздались аплодисменты. Пара дельфинов подпрыгнула в воде, посылая брызги и волны в нашу сторону.

— Я так сильно люблю тебя, — прошептал Сион.

— Я тоже тебя люблю.

Я крепко обнял его и прижал к себе. Волны плескались у моих ног, а теплое Карибское солнце обжигало плечи. Любовь с первого взгляда (или с первого взгляда второго зрения) существует. Мы с Сионом живое тому доказательство.

Кто знал, что вся моя жизнь так круто изменится с произнесением простых слов «*я хочу*»?..

КОНЕЦ

«Пролог»

Джефф Адамс и Уилл Кнаусс
Часть 2. Эпилог

Переводчик: *Олеся Левина;*
Редактор: *Ксения Солнцева.*

Ноа

Я пересилил желание накрыть рот рукой после выпаленного «С удовольствием».

Оно само вырвалось.

Ну или все-таки не совсем само.

И что это за чувство такое? Странная смесь энергии, решимости и волнения — по крайней мере, я бы именно так описал свои ощущения — растекалась по всему телу.

Марк выглядел таким же удивленным, как я себя чувствовал.

— Правда? — Голос повышен, глаза округлились — все в Марке задавало именно этот вопрос.

Я кивнул и улыбнулся.

Вернуться к свиданиям в компании веселого, супермилого Марка стоило бы всех переживаний.

— И правда работает. — Марк переключился от сомнений к изумлению.

Теперь настала моя очередь растеряться.

— А?

Его взгляд заметался.

— Эм… Ничего. Прости.

— Не-не-не. Ты не можешь вот так замолчать.

Марк уставился на лед под ногами, и казалось, ему хочется сжаться под объемной экипировкой вратаря.

— Я не до конца верил, ну, знаешь… что это по-настоящему. Много разных факторов, благодаря которым люди получали то, о чем просили… или не получали… или получали совершенно противоположное.

Марк никогда так не мямлил.

— Я и не догадывался. — Теперь он уже шептал. — Магия… Я думал, это какой-то трюк.

— Это и *есть* трюк. Но… — Когда меня накрыло осознанием, показалось даже, что глаза из орбит вывалились. — Ты Томас.

Меня снова прошило странной энергией. Что успешно подавило рефлекс разозлиться за обман.

Марк медленно кивнул.

— Мать твою. Но как? — Я не мог заткнуться. —

Почему?

Нелепая ситуация. Я истерически захохотал, и Марк ко мне присоединился.

— Нам следует пойти уже куда-нибудь и поговорить нормально, — предложил я, когда мы оба успокоились.

— Да. — Он чуть расслабился.

— Не волнуйся. — Я опустил на его плечо все еще облаченную в перчатку ладонь. — Все нормально. Я польщен… удивлен, но мне приятно. И немного растерян.

Слава богу, Марк просиял и больше не походил на мученика, который мечтает слиться со льдом.

— Я знаю одно отличное спокойное место, — поспешил предложить я. — Не знаю, как ты, но я накатал зверский аппетит.

Марк кивнул.

— Отлично.

Он снова стал увереннее, а большего мне для счастья и не нужно. Не хотелось его расстраивать.

— Я напишу адрес, и когда переоденемся, встретимся там.

— Давай сначала уберем лед. У меня столько вопросов. — Ну вот, привычный Марк.

— И у меня.

Мы объехали всю площадь катка и собрали разбросанные шайбы.

Я и не догадывался, что нравлюсь Марку. Я так усиленно старался не проявлять свой интерес к нему. Да и никогда не считал себя особо привлекательным, скорее уж «порченым товаром», учитывая мой статус в хоккейном мире. И все мои предыдущие попытки отношений только это доказывали.

Но вот он Марк.

И словно одного этого было недостаточно, он заставил меня признать, что в некоторых случаях можно рискнуть и завести роман на работе.

Мы разошлись по раздевалкам. Я ополоснулся и переоделся в рекордные сроки, потому что не терпелось задать ему миллион интересующих меня вопросов.

Марк

В раздевалке оказалось слишком многолюдно.

Мне требовалась минутка, чтобы, блядь, успокоиться, но здесь этого было не добиться.

Мы с Ноа провели на льду сорок минут. Похоже, эти парни пришли на другую игру, потому что я никого не узнавал. Они полуголыми сидели на лавочках и о чем-то болтали, заматывая лентой

клюшки и завязывая шнурки на коньках.

Я снял экипировку, но никому до этого не было дела. Слава богу. Мне следовало привести голову в порядок, пока снова не встречусь с Ноа.

Что он имел в виду про отсутствие магии?

Весь его подкаст был построен на том, что он джинн. Я бы тоже хранил это в секрете. Не очень хочется, чтобы и в реальной жизни за мной таскались люди и просили исполнить желания. Это быстро надоест.

Но зачем скрывать от меня? Мы так долго работали вместе. И что важнее всего, желания ведь исполняются. Я бы ни за что не выпалил свое предложение, если бы меня не вынудил сгусток энергии внутри. Сердце в груди трепетало с момента, как Ноа подтвердил желание. И я внезапно не смог больше сдерживать вопрос.

Слава богу, он не разозлился. С шоком я мог справиться.

К счастью, в душевых оказалось пусто.

Я включил воду до обжигающей температуры и шагнул под струи, чтобы смыть хоккейный запах.

Возможно, и переживания о том, что все может обернуться катастрофой, тоже смоются в канализацию.

Но. Мать вашу! Я иду на свидание.

Надеюсь, ничего не изменится после закусочной.

Сомневаюсь, что Ноа передумает. Он, к моему удивлению, слишком быстро согласился.

Это же хорошо? Он тоже этого хотел.

С ним легко работалось. С самого начала мы спокойно нашли общий язык. В нашу первую встречу меня привлекли его проницательные ясные голубые глаза и слегка непослушные темно-каштановые волосы. Чем больше я узнавал мужчину под маской Джина, тем больше росла моя влюбленность.

Но последние несколько месяцев я хотел узнать, каково *быть* с ним по-настоящему.

Быть с мужчиной, который делал меня счастливым в каждую нашу встречу.

Быть с мужчиной, который помогал людям найти любовь.

Быть с мужчиной, о котором я так долго мечтал.

И это меня удивило. Мне часто снились сны о том, как мы завтракаем с друзьями, сидим на диване в обнимку, и даже, как он тренирует наших детей.

Я бы еще долго хранил мечты при себе… Но

именно сны подстегнули меня придумать, как пригласить Ноа на свидание. Позвонить в подкаст пришло в голову внезапно во время подготовки очередного шоу.

Безумие какое-то, что у меня вышло.

Я сунул голову под струи и позволил горячей воде сделать свое дело. Я встречусь с Ноа в закусочной.

Противоречивые мысли и эмоции могут подождать.

Ноа

В голове кружилось столько мыслей.

Но больше всего я зациклился на тех, что включали свидание с супермилым Марком.

А сразу за ними воспроизводились его слова о магии. Почему он это сказал?

Согласно его сообщению, Марк уехал с катка пять минут назад, поэтому появится в любую секунду. Как я и надеялся, закусочная оказалась почти пустой, так как вечерний ажиотаж давно прошел. Несколько столиков были заняты, но в моей любимой кабинке не было никого. Мне она нравилась, потому что прямо над ней располагался динамик. В закусочной играл разнородный микс песен последних нескольких десятилетий,

и мне доставляло удовольствие слушать музыку за едой.

Но сегодня это обеспечит немного уединения, и наши голоса не будет слышно.

Марк зашел внутрь, и я ему помахал. Хотя выражение его лица колебалось между волнением и восторгом, он, откровенно говоря, выглядел потрясающе. Волосы растрепаны и местами слегка влажные.

— Теперь я понимаю, почему тебе здесь нравится. — Марк снял свою куртку, бросил ее на сидение и опустился следом. — Классная музыка и крутое оформление.

Засчитано.

Я терпеть не мог придумывать, куда пригласить поесть. Тем более в данном случае. Получилось бы ужасно, если бы я выбрал неудачное место для такого важного ужина.

— Погоди, ты еще еду не пробовал.

К нам немедленно подошел официант — отличное обслуживание еще одна вещь, которая мне нравилась в этом месте.

— Чего тебе хочется? — Я изучил содержимое меню вдоль и поперек, поэтому даже заглядывать не стал.

Мы периодически обедали вместе, но ни разу

после игры, поэтому я даже не представлял на чем Марк остановится, хоть и знал, что он любит бургеры.

— Может, пару закусок? Умираю от голода и готов съесть все.

— Отлично.

Мы выбрали куриные стрипсы, начос, мини тако и палочки моцареллы.

— Эм… — начал Марк, и на этом же закончил.

— Да? — Я хотел было помочь, но не смог. Не знал с чего начать. И тут до меня дошло. — Я рад, что ты пригласил меня на свидание.

Вот. Я это озвучил. Но пульс подскочил на несколько отметок, и я пытался придумать что бы такое сказать, чтобы немного успокоиться.

— В смысле. Ну… Я тоже об этом думал. Ты понимаешь мои шутки. Ты очень милый. Я… эм… блядь. — Теперь я не мог заткнуться. — Да, я это выпалил. Но еще ты умный. И…

Я заткнулся. Господи, уже перебор. Долбанное волнение.

— Что? Все хорошо. — Марк улыбнулся, и мои внутренности растаяли. В его глазах отражалась искренность. Марк добрый. Он постоянно проявлял это в некоторых комментариях к шоу, которыми отвечал надеявшимся обрести свое

счастье, или даже когда приносил мне печенье и кофе.

— Ты меня знаешь. — Щеки запылали. Интересно, я достаточно громко сказал, или он не услышал? Но Марк кивнул.

— И мне все в тебе нравится, — продолжил он. — Уже несколько месяцев. Время, которое мы проводим вместе, — самое лучшее, и мне бы хотелось большего.

— Клянусь, я вовсе не такой интересный. Это ты все время ходишь в кино, читаешь книги и все по списку.

Он два или три раза в неделю занимался чем-то увлекательным. Хотя Марк приглашал меня, я обычно отказывался, потому что в значительной степени превратился в домоседа.

— Значит, теперь ты будешь ходить со мной. Я видел, какими глазами ты смотрел на меня на прошлой неделе, когда я договаривался с Еленой о встрече на открытом микрофоне. Знаешь, ты мог пойти вместе со мной?

Черт. Я и не подозревал, что он заметил. Я практически спросил его тогда, но мне вдруг показалось это слишком навязчивым. К тому же я столько раз ему отказывал.

— И я рад, что ты не злишься за мое загадан-

ное желание, — признался Марк, опережая мои слова.

Я наконец снова обрел способность говорить.

— Как я могу, если это, похоже, придало тебе сил задать свой вопрос. Беспроигрышный вариант, думаю. Но с чего ты решил, что это магия? Ты просто сделал так, как я посоветовал.

Марк подался вперед с очень серьезным лицом.

— Думаю, тут скрыто нечто большее. Каждый раз, когда ты исполняешь желание, у меня возникает странное чувство — вроде как пульсирующей энергии, которая разливается в груди. Поначалу я считал, что это нервы, но все совершенно иначе. Нервы — скорее горячее жалящее чувство, которое вызывает во мне желание спрятаться. Больше напоминает холодный толчок, словно ты взбудоражен игрой. Я же чувствовал, что готов покорить весь мир.

Марк идеально описал ту же странную энергию, которую ощущал и я.

Как такое возможно?

— Ты слишком много думаешь. — Он посмотрел на меня, выгнув бровь, а я продолжил заниматься тем, в чем он меня укорил. — Можешь не скрывать от меня свою силу.

— Ты не понимаешь, — покачал головой я. — Нет никакой магии. Я придумал Джина. Я всегда умел слушать и направлять людей на верный путь, но в этом нет магии. Вот только… — Придется ему рассказать. — Я тоже что-то чувствую.

— Получается, ты ни разу не колдовал? Разве не это ты первым попробовал в детстве?

— Невозможно. — Я запустил пальцы в волосы, не зная, что сказать ожидающему ответа Марку.

Официант принес наш заказ и расставил на столе. Несмотря на странный разговор, мой аппетит никуда не делся.

— Не понимаю. — Марк осторожно накладывал в тарелку по порции каждой закуски, но так, чтобы они не соприкасались. Я собрал тарелку и для себя, не особо заботясь о красоте. Забавное различие между нами.

— Я тоже. — Я наколол на вилку кусочек жаренного сырного наслаждения, немного черных бобов и сальсы с начос, и еще чуть-чуть курицы. — Клянусь, нет никакой магии.

Марк взял куриную полоску и откусил кусочек. Я не мог понять, что творилось у него в голове.

— Но ты сказал, что что-то почувствовал. А как же все исполнившиеся желания наших слушателей? Это не может быть просто совпадением.

Да фиг его знает. Мысли разбегались в миллионах разных направлений. Все это казалось невозможным. Как я мог использовать магию, если не в курсе о ней?

И разве из-за этого я так хорошо умею слушать? Могу ли я влиять на людей?

О боже, а если бы я заставил кого-то сделать что-то ужасное? Или повлиял на игру?

Я энергично замотал головой. Бред. Вот и все. Конечно, магия существует, но не в моем случае. В конце концов, я бы как-то занимался этим в детстве, или, по крайней мере, проверился, если бы была такая возможность. А родители… Более магически не одаренных людей на свете и представить сложно.

— Что такое?

Бля. Я не мог и дальше просто молчать.

— Прости. Здесь есть над чем задуматься. Ты прав, много желаний сбылось, но также было немало провалов.

— Из восьмидесяти процентов слушателей, которые перезванивают с подробностями, процент неудач тридцать с чем-то. Я могу посмотреть точное число позже.

Я нахмурился и от удивления распахнул рот.

— Я знаю статистику. Храню все детали шоу

на случай, если они тебе однажды понадобятся. Кажется, в этом и заключается работа очень хорошего продюсера. — Застенчивая улыбка Марка выглядела слишком очаровательно. — Помимо успеха я слежу и за подробностями в звонках. У нас много демографических данных, типов желаний. У меня все рассортировано.

— Вау. С удовольствием как-нибудь посмотрю. Мне никогда не приходило в голову этим заняться.

Легкий румянец на щеках Марк сопроводил попыткой пригладить свои волосы, хотя бы временно.

— Я слегка помешан на данных.

— Заметно.

Несколько минут мы ели в уютной тишине, а я терзался мыслями, что обладаю какой-то силой. И мне не нравились некоторые выводы, к которым я пришел.

— Я поговорю с родителями, — выпалил я. — Может быть, они что-то расскажут. Они невероятно успешные консультанты по отношениям и может…

— Тебе не очень хочется с ними общаться?

— Нет. — Все мое нежелание отразилось в одном слове. — Их всегда не устраивал мой жизнен-

ный выбор. Мы практически не разговариваем, и если ничего не изменилось, я в очередной раз выслушаю, что зря трачу свою жизнь на журналистку. Понятия не имею, как они отреагируют на тему магии.

— А кем они хотели, чтобы ты стал?

Я оценил, как легко Марк ушел от моих проблем с родителями. На этот вопрос было проще всего ответить.

— Любым врачом. Стоило в университете сосредоточиться на хоккее и журналистике, они пришли в ужас, — ухмыльнулся я. — Я ни разу не дал им повода для особой гордости.

— Даже за трофей Леди Бинг?

Вау. Он хорошо знал о моей хоккейной карьере. Что-то не припомню, чтобы мы с родителями обсуждали награду за спортивное мастерство, которую я получил за сезон до завершения карьеры.

— Никто о нем даже не заикнулся.

— Черт. Но тебя это видимо вполне устраивает.

— Многолетняя практика.

— Понятно. — Грустное выражение лица Марка никак не тронуло, потому что на родителей у меня просто не оставалось сил.

— Итак, мистер Йорк, расскажите куда мы пой-

дем на наше свидание?

Хватит разговоров о магии и родителях. Я хотел говорить о приятном.

Марк

Я созвонился с Ноа и предложил ему встретиться, чтобы просмотреть, что мне удалось собрать. Мой внутренний ботаник расправил плечи и окунулся в поиск с головой.

Волнение чуть успокоилось после телефонного разговора, однако стоило припарковаться на подъездной дорожке Ноа, и показалось, что меня или вырвет, или я просто сбегу.

Но я должен был это сделать. Завтра у нас свидание, и не хотелось бы обсуждать подобную тему за ужином.

Ноа встретил меня на пороге с широкой, немного глуповатой улыбкой — чем-то средним между улыбкой ребенка в рождественское утро и ребенка, которому только что удалось избежать наказания.

— Привет. Ты вовремя.

Ноа тоже казался взволнованным.

Он притянул меня в объятия. В настоящие — не привычный хлопок по спине или дружеские.

Что-то новое и очень приятное.

Я стиснул его в ответ, собираясь по полной насладиться моментом. Полностью прочувствовать большую мускулистую фигуру Ноа. При этом мысленно велев члену вести себя прилично и не сильно радоваться событию.

Я надеялся, что и Ноа это нравилось не меньше. Я был подтянутым, хоть и не чересчур, но ниже ростом и более гибким — отличное качество для вратаря. Мы крепко обнялись, и из меня вырвался тихий вздох удовлетворения.

— Я рад, что ты позвонил, — признался Ноа, отпуская меня. — Я поговорил с отцом и… ну… в нашей семье действительно есть магия.

У меня от шока отвисла челюсть. Тогда мои поиски оказались практически бессмысленными.

— Класс. — Беспокойство испарилось, сменившись легким возбуждением от таких новостей. — Спокойно поговорили?

— В основном, да. Входи. Хочешь чего-нибудь? — Ноа пригласил меня идти за ним в кухню. — Я собирался сварить капучино.

Я ни разу еще не был на его кухне, потому что та находилась в другом конце гостиной. Здесь все было… блестящим и современным. Он любит готовить? Если нет, то деньги сюда вложены зря.

— Конечно. Не откажусь.

Наверное, не стоило добавлять кофеин в и так взвинченный нарытыми новостями организм, но я не хотел отказывать. И кроме того, Ноа собирался варить кофе в крутой машине. Я никогда не видел таких с близкого расстояния. Я обожал кофе, но самая роскошная машина для его приготовления в моем доме — френч-пресс. По правде говоря, очень удобный и быстрый способ сварить кофе.

Ноа занялся приготовлением.

— Так вот, да, магия… — снова заговорил он. Я старался сосредоточиться на его рассказе, а не на движениях его рук. — Магия передавалась по отцовскому роду. Сначала были только гадалки, которые тайно работали на благое дело, а потом появились психотерапевты, такие как папа. Существует столько правил. Когда загадывают желание об отношениях, самое важное это…

О-оу. Чего ему так не хочется говорить? Но он продолжал изображать из себя баристу.

— Обе стороны должны хотеть одного результата. — Он оглянулся на меня с широченной улыбкой и вскинул брови.

— Да ла-а-адно. — Идиотская реакция.

— Так что… эм… да. Поэтому на нас и сработало. Ты загадал желание, а я очень хотел сходить с

тобой на свидание. — Меня чуть ли не разрывало от счастья. Он тоже хотел свидания со мной. Эпическое событие. — Магия никого не может заставить делать что-то против воли, но подталкивает тех, у кого уже есть взаимные чувства. Чем сильнее эмоции, тем мощнее притяжение. Наверное, поэтому ты выпалил свой вопрос, а я не менее поспешно ответил. Мы оба хотели одного и того же.

— И магия, получается, все знала?

— Думаю, да. — Ноа пожал плечами и продолжил взбивать молочную пенку. — Папа прислал мне копию семейной книги.

— А такая была и тебе ни разу о ней не рассказывали? — И опять, сначала сказал, а потом подумал. — Нет. Прости. Ты не обязан отвечать. Серьезно, меня это не касается.

— Все нормально. — Ноа замолчал, наливая молоко в обе чашки отточенными движениями. Закончив, он поставил стаканчик в раковину и поднес мне чашку, на которой вывел идеальной формы сердечко.

— Черт. Скрытые таланты значит.

Ноа усмехнулся.

— Я настоящий кофейный сноб, поэтому пришлось научиться делать его, как мне нравится.

За нас. — Мы чокнулись кружками. Я последовал его примеру и подул на свою, чтобы остудить. Ноа поставил дымящуюся кружку на стол, и я сделал то же самое. — Я не проявлял никаких способностей. Обычно они выражаются в девять-десять лет. Но со мной такого не случилось. Хотя я всегда умел слушать и давать советы, но сосредоточился на отношениях только за полгода до начала шоу.

Ноа, наконец, отпил кофе, и я решил, что для меня тоже безопасно… в смысле, я не обожгу язык. Очередной талант Ноа. Самый потрясающий кофе на свете.

— Папа все настаивал, что я не обращаю внимания на внутренний голос из-за *глупой игры*. — Ноа понизил голос до грубых интонаций, пропитанных сарказмом. — Кто ж знал. Мама не обладала никакими силами, но отец рассказал ей о своих способностях спустя пару месяцев их отношений, потому что не хотел ничего скрывать. По его словам, мама просила рассказать и мне, но отец отказывался, объясняя это тем, что в подобном нет смысла, потому что я, похоже, не унаследовал дар.

— Это…

Я резко захлопнул рот, пока он допивал кофе… Впервые в жизни мне удалось оставить свое мне-

ние при себе.

— О, не стесняйся договаривать. Это хреново. Именно так я и сказал отцу, потому что если бы знал изначально, то, возможно, поступил бы в некоторых ситуациях иначе.

— А что, если бы у твоего ребенка проявились такие способности? Ты бы не знал, что ему сказать.

— Да? — Он усмехнулся и я тоже. Приятное чувство. — Было бы неловко.

Даже во время смеха нервозность окутывала меня своим щупальцами. Я что, серьезно только что заявил о возможном ребенке Ноа? Почему у меня внезапно отказал фильтр?

— Все нормально. — Он накрыл мою ладонь своей, и все волнения улетучились. У него крупные руки, в два раза больше моих. Ноа провел большим пальцем по моему запястью. — Я хочу детей, и наши с тобой желания в основном совпадают. Я и об этом сказал отцу. Впервые в жизни мне удалось лишить его дара речи. Не уверен, что он хоть раз задумывался, что станет дедушкой.

Я пошел ва-банк и задал следующий логичный вопрос:

— Ты и правда так легко справляешься с этой новостью, как кажется на вид?

Я сомневался, что знаю Ноа достаточно хорошо, чтобы прочесть его эмоции сквозь маску, которую он мог натянуть, пытаясь скрыть свои чувства.

— Я ужасно зол на своих родителей. Просто вишенка на торте из всех их косяков. Но вероятность того, что я обладаю какой-то магией меня совершенно не беспокоит. Даже вроде как круто. Наверное, это объясняет, почему я решил начать шоу и почему мне это так нравится. И свод правил, скорее всего, позволит расширить рамки подкаста. Нужно разобраться, что стоит того, а что нет.

Я закивал.

— Ничего, что я использовал магию на тебе?

— Ты использовал на мне или я сам на себе… — Ноа подался ближе и понизил голос. — Как бы то ни было… я рад, что ты это сделал. Я бы, наверное, никогда не набрался смелости пригласить тебя куда-нибудь.

Дрожь возбуждения прокатилась по всему телу, когда Ноа сжал мою руку, и я почти потерялся в его пристальном взгляде. Ноа невероятно милый, и я не мог на него не смотреть.

— Ты говорил, что хочешь мне что-то показать?

— Эм… да. — Я оторвал от него взгляд и полез в

свою сумку. — В принципе, после твоего разговора с родителями от этого не будет особого толка, но тебе стоит взглянуть. — Я достал планшет и пролистал до нужной вкладки. — Я погуглил твоих родителей. Пациенты их обожают. У них супер высокие рейтинги.

— У психотерапевтов есть рейтинги?

— Сейчас у всего есть рейтинг.

Ноа пожал плечами и прислонился ближе, чтобы заглянуть в экран, который я повернул так, чтобы нам обоим было видно.

— Твой отец лучший специалист по семейным отношениям на множестве сайтов. И у него большой лист ожидания для новых клиентов.

— Господи. Только посмотри. — Ноа прокрутил все мои заметки.

Когда он остановился, я продолжил.

— Я так же кое-что собрал от людей, которые подробно описывали свой опыт после выхода подкаста. — Я переключился на другой документ. — Частые упоминания о порывах, звоне, вспышках энергии — о чем-то таком, когда люди действовали согласно своему желанию. Неудивительно, что мы с тобой почувствовали то же самое. Они все приписывают это магии Джина.

Ноа просмотрел статистику.

— Черт. Ты классно умеешь расследовать. Может, тебе стоит поработать со мной и в газете.

— Мне и правда нравятся исследования. — Ну я и зануда.

— Но это ничего не меняет. В смысле, приятно знать об этом, однако я не собираюсь пересматривать свою жизнь. И что более важно, завтра у нас свидание. А это, по моему мнению, самое значимое событие за неделю.

Ноа улыбнулся самой красивой улыбкой на свете.

Я ответил тем же… и подался ближе.

Я могу это сделать.

Ох, бля, он тоже наклонился.

Ни один из нас не остановился.

Наши губы мягко соприкоснулись, а я обхватил Ноа за талию и притянул к себе. Казалось, меня затрясло от одного только захватывающего поцелуя… такого легкого, но такого идеального.

— Может, сходим сегодня куда-нибудь? — Ноа отстранился достаточно, чтобы задать вопрос. — Поужинаем? В приличном месте?

Я закивал.

— Да. А на десерт можем целоваться до потери сознания? Как и сейчас, крышесносно?

Ноа мгновенно покраснел и отвернулся.

— Ну, обычно я предпочитаю на десерт пирог, но ради тебя сделаю исключение.

Я усмехнулся и закатил глаза.

— Пойдем.

Ноа

Мы вернулись ко мне ближе к одиннадцати вечера. Каким-то образом мы засиделись до самого закрытия ресторана, потому что просто не могли оторваться от слишком большого выбора сладостей и прекратить разговаривать. Мы пошли в «Звезды сошлись», для которого недавно записывали рекламу. Я был рад, что выбор пал на незнакомый нам обоим вариант — так никто не заходил на чужую территорию.

— Кажется, Томас оставит исключительно положительные отзывы о свидании со своим боссом, — заметил Марк уже на моей кухне.

— Не уверен, что стоит этим делиться. Сомневаюсь, что сумею как-то прокомментировать и не выпалить лишнего.

— Согласен. Томас может остаться тем, о чьей судьбе никто из слушателей не узнает.

Я согласно промычал.

Марк притянул меня к себе.

— Я потрясающе провел время. Самое приятное

свидание за всю мою жизнь. Твоя идея сыграть в двадцать вопросов оказалась очень удачной. Нужно порекомендовать это на шоу, чтобы избегать неловких разговоров. Самые лучшие истории, те в которых делятся опытом. Я уже вижу еще одну профессию, в которой ты бы блистал.

— Я подумаю об этом. Может, однажды. Сейчас мне нравится писать. — И об этом я никогда никому не рассказывал. Марк отклонил голову. Он постоянно так делал, когда ему было интересно. Очень мило. — И я подумывал написать о сообщениях, которые нам оставляют. Так много интересных историй.

— Оу… — Он вскинул брови, и похоже, серьезно задумался над моими словами.

— Может, роман? Или документальную прозу. Я еще не пробовал писать в таком жанре, но хотелось побольше опыта помимо газеты.

— Может, наша история станет твоей первой книгой? — Марк так взволнованно и быстро об этом заговорил. — Ведущий и продюсер. Так назовем? — Я усмехнулся. — Серьезно, это станет классным продолжением подкаста.

— Вот уж точно.

Я больше не мог сдерживаться. До сих пор в шоке, как мне удавалось поддерживать нормаль-

ный разговор за ужином в такой максимальной близости с Марком. Я наклонился и поцеловал его. Но мой запланированный нежный поцелуй перерос в гораздо большее. Марк отлично целовался. Меня прошивало дрожью от зашкаливающих ощущений.

Я сжал его плечи, продолжая целовать. Пусть прикосновения оставались мягкими, но никто из нас не осторожничал. В какой-то момент я закрыл глаза, но затем снова их распахнул и увидел смотрящего на меня Марка, в его глазах отражалось столько тепла и счастья. Я улыбнулся ему в губы. Провел ладонью по его волосам, и Марк подался навстречу.

Он вздохнул, скорее даже простонал, самым довольным звуком на свете, который полностью отражал все мои эмоции. Если считать сегодняшний вечер хоть каким-то мерилом того, насколько мы подходим друг другу, тогда мы составим невероятную пару.

Мы знали в какой момент отстраниться. Я мог бы смотреть на его лицо вечность — такое выразительное, красивое и очаровательное.

— Все кажется таким правильным, — признался Марк. — Вечер удивительный. Думаешь, во всем виновата магия?

— Не знаю. Посмотрим в книге, которую пришлет отец. Знаю только, что она бы не заставила нас делать что-то против воли. Я очень рад, что теперь я с тобой. И мне понравилось наше свидание.

Я украл еще один поцелуй.

— Ты сказал… эм… посмотрим, что пришлет твой отец. Поделишься?

— Естественно. Ты послужил причиной, почему я узнал. К тому же ты нарыл столько полезной информации. С моей стороны будет жестоко не рассказать тебе.

— Но я бы понял.

Господи боже, он просто идеален, и мы совпадали во всем. Я снова вернулся к его губам, теперь уже по-настоящему вылизывая их языком. Марк был на вкус словно шоколад и кофе. И двигал своим языком в идеальной синхронности со мной.

Я прислонился лбом к его лбу.

— Я, наверное, как старик сейчас скажу, но уже поздно.

— Но ведь это правда, — ответил Марк со смешком. — Мне нужно быть на канале в пять.

— Господи. — Я не сдержался и рассмеялся при виде его жизнерадостности. — Скажи что-нибудь еще.

— И прекратить наше занятие? Ни за что. — Он пристально посмотрел мне в глаза. — Что?

Я уже решился, согласившись на свидание, поэтому можно смело идти до конца со своими чувствами.

— Не хочу торопиться, но если желаешь… — Ох, бля. Бабочки или, может, еще какая чертовщина затрепетали у меня в животе. — Можешь остаться.

Широкая улыбка Марка сразу же меня успокоила. Но ответил он не сразу, и я не знал, как на это реагировать, тем более что Марк не отводил взгляд.

— Если ты уверен. Да. Это будет… о боже. — Марк вдохнул и я вместе с ним.

Я провел рукой по его плечу и спустился к ладони.

— Все нормально. Я тоже волнуюсь.

— Я с радостью останусь. Если ты, конечно, уверен. Очень рано придется вставать.

— Пойдем. — Я взял его за руку и повел в спальню в дальнем конце коридора, мимо той, где мы записывались. Он последовал за мной без промедления.

Хреново, что я забыл заправить с утра кровать. Но плевать. Я никогда этим не занимался, только

когда знал, что приведу компанию. Сегодня утром об этом не было и речи.

Я щелкнул выключателем у самой двери, и в этот момент вспыхнул торшер, стоявший рядом со стулом у окна.

И… черт. Пижамные штаны, трусы на полу. Проклятье.

— Слава богу. — Марк, казалось, испытал такое огромное облегчение. — У меня тоже по всему дому разбросана одежда. — Он опустил голову мне на плечо.

И мы снова рассмеялись. Мне нравилось, как легко он наслаждался моментом.

— По утрам я не самый аккуратный человек.

— А мне казалось, что ты помешан на чистоте, учитывая внешний вид остальных комнат. В смысле, я не неряха, но…

— Предпочитаю, чтобы мне было комфортно.

Я шагнул ближе, и как с поцелуем, начал медленно расстегивать пуговицы его рубашки.

— Ничего?

Марк кивнул, и мечтательный блеск его глаз пронзил мое сердце.

— В душ перед сном или нет? — Я вытащил низ его рубашки из джинсов и распахнул полы.

Марк выглядел восхитительно. Грудь и жи-

вот покрывала легкая поросль волос. Я хотел большего, но сегодня только начало. У нас много времени впереди.

— Только если ты хочешь.

Я потянул пуговицу на его джинсах.

— Тогда пойдем сразу в кровать.

Марк снял обувь и пинком отправил в сторону.

— Я надеялся на такой ответ. — Он потянулся к низу моей футболки. — Можно?

Я поднял руки над головой. В мгновение ока моя футболка присоединилась к одежде на полу. Я стянул рубашку с его плеч и рук. Она упала за его спину.

Марк расстегнул молнию на джинсах и спустил их по ногам, и я последовал его примеру. Замечательно, что он позаботился о штанах самостоятельно. Так неловко снимать с кого-то джинсы в первый раз. Марк остался в ярко-синих боксерах, и я наконец узнал насколько щедро его одарила природа. Крупная головка была явно различима под тканью. Будет весело с ней однажды поиграть. Марк даже не попытался прикрыться, и мне это понравилось.

Он обвел меня взглядом, заострив внимание на черных трусах.

Потом встретился со мной взглядом и застен-

чиво улыбнулся, опустив мне на грудь свою ладонь.

— Ты такой красивый.

— Как и ты.

Он шагнул вперед и оставил на моих губах еще один поцелуй.

— Сегодня мы будем спать. А завтра, когда вернемся с настоящего свидания, произойдет гораздо больше.

— Мне нравятся уверенные в себе мужчины. — Я поцеловал его сам.

Мы заскочили в ванную. К счастью, у меня нашлась запасная зубная щетка, и спустя пару минут умывания, оба залезли в кровать.

Я давно ни с кем не спал, но мы легко устроились рядом друг с другом.

— Спокойной ночи, — пожелал Марк и еще раз поцеловал.

— Спокойной ночи.

Он прижался ко мне, обняв одной рукой поперек груди. Медленно погружаясь в сон, я наслаждался ощущением его теплого тела рядом. И с нетерпением ждал завтрашнего дня, а также всех остальных дней, которые проведу рядом с Марком.

Лучшего способа раскрыть мои способности и

обрести такого восхитительного мужчину и не придумаешь.

Конец